

ФОТО ВИКТОРА ГРИЦЮКА

РОДИНА

8–1994

ISSN 0235–7089

ФОТО ВИКТОРА ГРИЦЮКА

СЕЛЬСКАЯ СВАДЬБА

ФОТОГРАФИИ ПАВЛА КРИВЦОВА

Неброская, уютная, без разносолов и деликатесов... Но не тихая, а говорливая, шумная, пьяная — с песнями, забавами, причетами, приглядами: как выглядела невеста, какой был жених, кто как ел и пил, веселился и говорил. Словом, все ли проходило справно, а то пойдут по деревне пересуды да слушки. Без них, правда, не обойдешься, если даже жених и невеста были милы как ангелы, а гости кротки как голуби. Все-то внимательные старушки подметят да выглядят. Но не в них дело — главное, чтоб свадьба задалась, ведь от нее совместная жизнь молодых начинается. Выйдет все справно — жизнь пойдет ладно. Вот в чем суть. А потому стараются в деревне свадьбу сыграть и памятно, и праведно...

РОДИНА

№ 8 — 1994 Выходит с января 1989 г.

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина».

Родословная

Путь

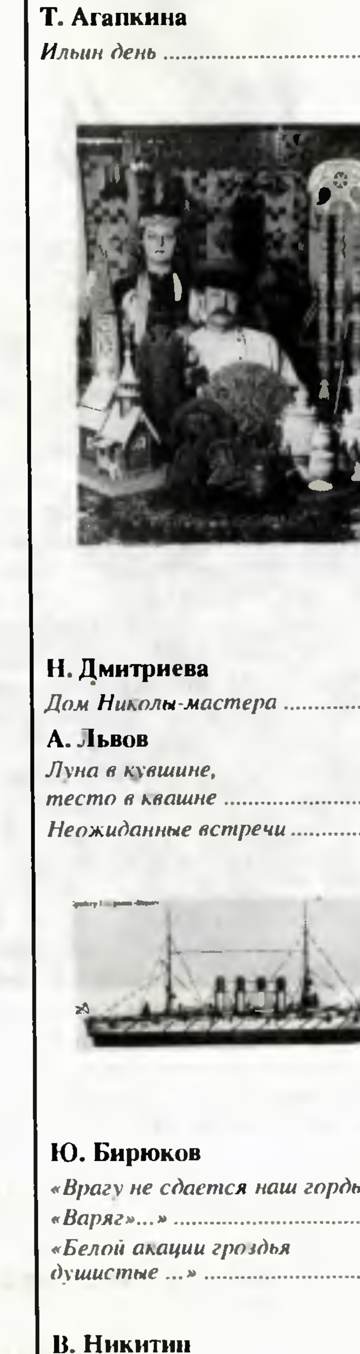

Наследие

Дом

CONTENTS

Есть в нашей истории белые пятна, чересчур усердное стирание которых привело к образованию на их месте черных дыр. Есть и другие — на них стоит унылый канцелярский штамп «изучено». Так «изучен» российский консерватизм. И награжден этикеткой: «это плохо и вредно». Доводы и исследования забылись, этикетка осталась. Но остался и консерватизм, к которому мы снова обращаемся — в диалоге с прошлым по поводу настоящего.

Классическое определение консерватизма было дано основателем этого направления политической мысли — англичанином Эдмундом Бёрком. В конце XVIII века, когда Европа переживала культурный шок от Великой французской революции, он отстаивал мирный, эволюционный путь преодоления общественных кризисов. «Подлинный политик, — писал Бёрк, — это тот, кто совмещает в себе расположенность к сохранению со способностью к улучшению». Что в XIX веке стало основным политическим принципом тех, кого стали называть консерваторами.

На русском слово «консерватор» лучше всех объяснил В. И. Даль: хранитель или охранитель. Чего? Это определяла практика политической или культурной жизни. Охранители стояли на страже самодержавного status quo, стремясь любой ценой удержать незыблемость имперских порядков во всей их монолитности (классическим примером их стало царствование Николая Благословенного).

Хранители оберегали прежде всего ц е н н о с т н ы е традиции, помогавшие на разных этапах русской истории выводить страну из кризисов и смут. Каковы же эти ценности? В этом и состоит вопрос, с которым обращаются к прошлому историки, политологи, публицисты... Уже вырисовывается основная традиция: сильное государственное реформаторство «сверху» с опорой на поддержку общества «снизу». Только такое сплетение двух составляющих позволяло в прошлом не облегчать болезни общества, а лечить их.

В отличие от ретроградов, обожествлявших вымышленное прошлое своей страны, от революционеров, стремившихся к придуманному будущему, русские консерваторы-хранители любили настоящее во всей его сложности и противоречивости. В этом смысле консерватизм — это философия подлинно настоящего.

ДМИТРИЙ ОЛЕЙНИКОВ,
редактор отдела
военной истории журнала «Родина»

Родословная

ФОТО СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

Судьба великого народа

От гипотез к научным результатам

Кто украсит русский дом?

СЕРГЕЙ КУЛЕШОВ,
доктор исторических наук

НЕУЧТЕННЫЙ ВЕЛИКИЙ НАРОД

ФОТО ГЕННАДИЯ БОДРОВА

Вряд ли стоит, как нередко сейчас делается, идеализировать дооктябрьскую Россию, некритически относиться к национальной политике самодержавия. Колониалистские амбиции, черта «оседлости», непродуманная переселенческая политика, вызывавшая напряженность на окраинах империи, чиновничий произвол — все это не выдумки большевиков, а наша история. Царизм, наряду с определенно дискриминационными действиями в отношении некоторых народов, использовал и достаточно гибкие регулятивные механизмы, позволявшие сохранять и национальное своеобразие, и конфессиональную терпимость, и традиционные институты. Просветительская политика, хотя и носила великорусскую окраску, оставляла большинству народов простор для национальной духовной жизни.

К тому же следует различать шовинистические акции самодержавия, действительно имевшие место, и национальный менталитет русского народа, умонастроения, господствовавшие в кругах российской интеллигенции и дворянства. Здесь практически не было национального высокомерия. Видный татарский просветитель Исмаил Гаспринский писал по этому поводу: «Наблюдения и путешествия убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покоренному, вообще чуждому племени, как наши старшие братья — русские. Русский человек и простого, и интеллигентного класса смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на своих, не выказывая, не имея узкого племенного себялюбия»[1].

После октябрьского переворота русские попадают в сложную ситуацию. Провозглашенный большевиками в качестве политического императива лозунг «о праве наций на самоопределение» превратился на определенном этапе в мощный инструмент укрепления их власти. Его активное использование в годы гражданской войны сыграло роль одного из факторов победы над Белым движением: национальные движения стали де-факто союзниками большевиков в борьбе с их противниками, выступавшими с «имперскими» лозунгами. Белые слишком поздно осознали необходимость гибкой национальной политики — только Врангель и сформировавшееся на территории Польши правительство Б. Савинкова пыталось разыграть национальную «карту» в своих интересах.

«Завязав» национальный фактор на идее революционной целесообразности, большевистский режим своими руками соорудил «интернационалистский ящик Пандоры», весь потенциальный «боезаряд» которого выстрелил, когда упали обручи партийного руководства и репрессивных институтов.

На смену территориально-губернскому принципу был введен национально-территориальный. Причем как дар за политическую лояльность (вспомним ленинское: «Мы дали всем народам национальные республики»). Однако на практике он демонстрировал большую уязвимость. С одной стороны, фактическая централизация политической власти, характерная для тоталитарного государства. С другой — все увеличивающееся число национально-государственных образований, расположенных на различных ступенях искусственной иерархической лестницы. И, может быть, самое главное — национально-территориальный принцип по существу и не был реализован, поскольку не распространялся на значительную часть населения, не получившего своих национальных образований, в первую очередь русских[2].

Справедливости ради следует сказать, что большевистское руководство осознавало политическую важность данной проблемы. Так, крупный партийный работник Советского Востока Т. Рыскулов еще в 1920 году в доверительном письме к Ленину, возражая против деления Туркестана по этническому признаку, в качестве достаточно убедительного аргумента указывал на необходимость выделения, в таком случае, и русской республики[3]. Понимал значимость данной проблемы и руководитель Наркомнаца И. Сталин. В феврале 1923 года им была представлена записка в Политбюро ЦК РКП(б), где высказывалась разумная в целом идея о необходимости при конституировании Союзного собрания как органа представительства национальностей обеспечить там участие, наряду с национально-территориальными образованиями, и русских губерний, как бы представляющих государственность русского народа[4]. Однако перевесили политические соображения, и эта идея не была воплощена в жизнь.

В своем политическом завещании по национальному вопросу — работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации» — вождь большевиков писал, что «сильно виноват перед рабочими России (хотя при чем здесь рабочие? — *С. К.)* за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации». Но на деле историческая вина Ленина значительно больше. И не перед рабочими, а перед русским народом. Именно в этой работе он фактически отождествил «истинно русского человека» с образом «великоросса-шовиниста, подлеца и насильника», «истинно русского держиморды»[5]. Благодаря авторитету Ленина и значимости его высказываний, приобретавших для партии характер руководящих указаний, было положено начало целенаправленной политике по отношению к русским. Особенно ярко она проявилась в борьбе с «колонизаторством» на национальных окраинах. Проблемы, связанные прежде всего с земельными взаимоотношениями, действительно имели место. Но им был придан этнополитический характер, тем более что X и XII съезды партии, на которых специально рассматривался национальный вопрос, прошли под лозунгами борьбы с великорусским шовинизмом.

Один из большевистских деятелей — Г. Сафаров, занимавшийся национальным вопросом, будучи в Туркестане, устроил из кампании по искоренению колонизаторства настоящую «охоту на ведьм». Дело доходило до заключения подозреваемых в концентрационные лагеря, шла травля по поводу и без повода «истинно русских прохвостов»[6]. Весьма показательна тональность доклада председателя Семиреченского ЧК (а проблемы взаимоотношений русских и казаков с местным населением действительно имелись): «Генеральная задача: немедленно и решительно положить конец великороссийскому семиреченскому колонизаторству — вот первая основная задача социальной революции на Востоке... В настоящее время подавление кулацко-колонизаторского элемента проводится семиреченской областной чрезвычайной комиссией путем применения самых беспощадных репрессий»[7].

И репрессии не замедлили последовать. Иногда дело доходило до анекдотичных ситуаций, хотя самим участникам было не до смеха. В том же 1921 году на имя председателя ВЦИК М. Калинина пришла жалоба от русских крестьян одного из сел Казахстана. Суть дела состояла в следующем. В селе возникли трения между

русскими и казахами. Приехала по инициативе последних комиссия, в состав которой входил секретарь политбюро (представитель уездного звена органов ЧК). Стали требовать признания вины от русских мужиков. Те — ни в какую. Но установка-то была на выявление «колонизаторского элемента». Тогда чекист, недолго думая, бросился на представителя от русских крестьян и стал в пароксизме дознания... грызть ему спину. Не мудрено, что тот признал «вину»[8].

В этом же регионе возникали ситуации и посерьезнее. В 1927 году на имя Сталина поступила обширная петиция жителей русских сел и поселений Семиречья, в которой они жаловались на явную дискриминацию по национальному признаку: несмотря на то что в ряде мест проживало большинство русских, на руководящих постах в органах местной власти преобладали казахи, под видом раскулачивания проходил открытый грабеж русских, фактически «лишенных гражданских прав советского человека», отбирался скот, осуществлялась политика вытеснения их даже из мест компактного проживания. Центральная власть вынуждена была образовать в январе 1927 года специальную комиссию по этому вопросу[9].

Симптоматично, что перед этим только закончилось совещание «националов — членов ВЦИК и ЦИК и других представителей национальных окраин», созванное по инициативе отдела национальностей при Президиуме ВЦИК РСФСР. На нем вполне резонно ставился вопрос о повышении представительского статуса автономных республик в центральных органах РСФСР. В то же время своеобразным рефреном совещания явилась фраза, произнесенная одним из его участников: «Ванька прет», и выдвинута задача «бороться с русским Ванькой». Постановка вопроса о русской республике была признана нецелесообразной в связи с тем, что это могло быть «чревато последствиями, от которых мелким национальностям лучше не будет»[10]. О том, нужно ли это самому русскому народу, речь и не шла.

Таким образом, самостоятельным субъектом национальной политики русские не выступали, являясь преимущественно объектом большевистских экспериментов.

Одной из новаций ленинско-сталинской национальной политики явилась так называемая политика коренизации, также нередко оборачивавшаяся ущемлением прав русских. Вот что вспоминал по этому поводу бывший замиаркомфина Бурят-Монгольской АССР И. Лавров: русские, составлявшие 51 процент населения республики, фактически становились париями в ней. Приказы правительства о замене русских служащих бурятами привели к тому, что 90—95 процентов бывших русских работников на протяжении довольно короткого срока были выкинуты из учреждений и остались без куска хлеба. С мест по национальному признаку выбрасывались не только работники средней квалификации, но и самой высокой[11].

Не было в партократическом государстве никакой целенаправленной политики русификации и триумфа «русского национализма». Это точно уловил английский историк Дж. Хоскинг. «Сталин выражал отнюдь не русские чаяния, — пишет он. — Это была не «русификация», а скорее «советизация» или «коммунизация». Ее объектом явились все национальности, включая русских, а содержанием — централизованный партийный контроль и экономическое всесилие центрального планового аппарата»[12].

В связи с тезисом о «русификации» много говорилось о «великорусском государеве оке» — институте вторых секретарей ЦК в национальных республиках. Не стоит преувеличивать подлинную значимость этих постов. На самом деле власть принадлежала местным этноэлитам, формировавшимся в традиционной атмосфере родовых, клановых, групповых и семейных субординационных приоритетов. Ведь не случайно, наверное, бывшие члены Политбюро Коммунистической партии Рашидов и Кунаев возведены в новых независимых государствах в ранг национальных героев. Уж, наверное, не за то, что «плясали под русскую дудку».

Вытекавшие из экономической, социальной и национальной политики неутешительные для русского (как, впрочем, и для других) народа результаты побуждали к появлению оппозиционных политических организаций. Так, в начале тридцатых годов была раскрыта и ликвидирована «фашистская организация, именовавшаяся «Всероссийской народной трудовой партией». Стремясь к прекращению «порабощения и обнищания коренного русского населения» и предлагая ряд мер по утверждению частнокапиталистических отношений и установлению принципов буржуазной демократии, ее участники в то же время ориентировались и на германский фашизм как образец борьбы за возрождение германского народа и исповедовали открытый антисемитизм[13].

Примерно в это же время в ряде городов России были арестованы «члены широкоразветвленной фашистской организации, именующейся «Российской национальной партией». Хотя в обвинительном заключении говорилось о стремлении ее членов «установить в стране фашистскую диктатуру», единственным свидетельством этого являлось указание на организующую роль «закордонного русского фашистского центра, объединяющего эмигрантские группы и возглавляемого князем Н. С. Трубецким»[14]. Речь шла о евразийцах. Во время обыска на квартире у одного из обвиняемых было обнаружено изданное за границей собрание статей Н. Трубецкого «К проблеме русского самопознания», которое было расценено как «платформа русского фашизма».

Пути и методы «социалистического строительства» вызывали особый протест в тех национальных республиках, где они грубо вторгались в традиционный социокультурный уклад жизни общества. Насильственная коллективизация, осуществляемая варварскими способами, уничтожение национальной интеллигенции, борьба с религией не могли не вызвать сопротивления,

принимавшего подчас массовый характер. При этом бывало, что политика большевиков отождествлялась с русской политикой как таковой. Например, в уставе действовавшей на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны организации «Особая партия кавказских братьев» давалось следующее объяснение ее герба, изображавшего орла, в когтях правой лапы которого была нарисована ядовитая змея, а в левой — свинья: змея — означает большевика, потерпевшего поражение, а свинья — русского варвара. В числе главных целей ОПКБ назывались: ускорение гибели большевизма на Кавказе во имя поражения России в войне с Германией; создание по мандату германской империи на Кавказе свободной федеративной республики; выселение из региона русских и евреев и т. п.[15]. Ряд членов этой организации, занимавших в том числе и посты в государственных структурах Чечено-Ингушской АССР, были связаны с гитлеровской резидентурой.

Здесь возникает одна достаточно деликатная проблема, но сказать о ней необходимо. Сталинская политика «наказания» целых народов подлежит безусловному и категорическому осуждению. Однако может ли общество, перенесшее столь страшную трагедию в борьбе с фашизмом, реабилитировать тех, кто, не принимая большевистский режим, шел на сотрудничество с гитлеризмом? Нет и еще раз нет. Это относится ко всем подобным случаям, невзирая на национальную принадлежность и побудительные причины. В том числе и к власовцам, из которых кое-кто не прочь сделать героев «русского сопротивления сталинизму». Сотрудничество с палачами сводит на нет любые доводы и аргументы. В противном случае можно говорить и о «пересмотре» личности Гитлера как непримиримого борца с большевизмом.

Процессы, происходившие в послевоенном обществе, коснулись и русских. Когда началась кампания по борьбе с космополитизмом, то ее оборотной стороной явились идеологические акции, направленные против «великорусского шовинизма».

В период хрущевской «оттепели» в сфере межнациональных отношений наблюдались противоречивые тенденции. С одной стороны, каток централистско-бюрократического единообразия нивелировал жизнь в республиках, с другой — в ряде моментов политика коренизации получала как бы второе дыхание. Была через систему льгот выпестована национальная элита. За обременительную и фактически навязанную ему роль «старшего брата» русский народ платил большие дивиденды. Быть русским в национальной республике становилось все дискомфортней. Административно-управленческие должности и престижные социальные ниши все активнее бронировала для себя местная этноэлита.

Тревожные симптомы в сфере межнациональных отношений были известны властям предержащим, но должной реакции, кроме пропагандистского бубнежа, не следовало. В 1972 году ответственный работник аппарата ЦК КПСС Л. Оников написал служебную записку на имя Брежнева, в которой сделал вывод о повсеместном усилении антирусских настроений в республиках и предупредил руководство, что нельзя «исключить возможность сплочения националистов нерусской национальности на антирусской основе и ответной реакции среди русского населения»[16]. Однако эйфория празднования пятидесятилетнего юбилея образования СССР захлестнула все, и автор записки подвергся суровому разносу.

Демонтаж Советского Союза (представлявшего собой, на наш взгляд, нежизнеспособное образование, включавшее в себя разные культурно-цивилизационные миры, ряд которых не поддавался модернизации) был осуществлен революционными методами, без использования международно-правовых норм, что привело к целому ряду болезненных, в первую очередь для русского народа, последствий.

Одной из наиболее острых стала проблема «русскоязычных», явившаяся закономерным результатом всего предшествующего советского периода. Практически в одночасье 25 миллионов наших соотечественников оказались за границей, и во многом это было обусловлено той национальной политикой, которую проводила КПСС, превратившая Россию в донора для соседних республик, снабжавшего «братские» народы топливом, энергией и производственными кадрами. Именно люди, посланные строить новые гиганты промышленности, осваивать месторождения, создавать тяжелую индустрию, оказались в наиболее тяжелой ситуации, которая удивительным образом в националистической пропаганде сочетала как положение гастарбайтеров без прав, так и «колонизаторов», захвативших все.

По-новому зазвучала русская проблема и в самой России. В определенной мере на это повлияла ситуация, связанная с разработкой и подписанием Федеративного Договора. Зазвучало множество голосов о праве той или иной нации на определенную территорию, о коренных (титульных) этносах. Все чаще и на самых различных уровнях произносилось слово «суверенитет». И вновь русские оказались чужими на этом «национальном пиру». Государственности они не получили, а населенные преимущественно русским населением российские области имели заниженный, по сравнению с республиками, статус. Наверно, не случайно видевший потенциальные рифы на пути реализации Федеративного Договора председатель Совета национальностей бывшего Верховного Совета Российской Федерации Р. Абдулатипов в своих выступлениях все время акцентировал внимание на том, что основное содержание национального вопроса в России определяет именно русский вопрос, а самочувствие и благополучие русской нации — первичное условие благополучия всех.

Действительно, посмотрим внимательно на этническую карту России. Всего русские составляют более 80 процентов ее населения. В Республике Адыгея их 68 процентов, в Бурятии — 69, Карелии — 73, Мордо-

вии — 60, Удмуртии — 59, Татарстане — 43, Ненецком автономном округе — 75, Ханты-Мансийском автономном округе — 66 и т. д. Что будет, если, по примеру других народов, они начнут требовать для себя в России собственное русское государственное образование? Можно ответить однозначно — будет распад государства, может быть сопровождаемый этническими разборками, обоснованием исторического «первородства» на ту или иную территорию, «собиранием» титульного этноса в пределах его «государственных» границ и соответствующего вытеснения за их пределы «пришлых и чужаков». Тем более что вопрос о русской республике все более активно муссируется представителями самых различных партий и движений. Например, в обращении «Русского освободительного движения», опубликованном в газете «Род» за декабрь 1992 года, Россия характеризуется как «федерация без русских», и в этой связи ставится задача борьбы за «создание единого унитарного русского государства на территории России».

Вряд ли правомерно так категорично, как это делают некоторые, утверждать, что «призывы образовать русскую республику у нас подхватывают лишь фашисты»[17]. Все гораздо сложней. И пример этому — последняя работа Р. Абдулатипова и Л. Болтенковой. Изложенные в ней подходы о возможности появления русской республики в рамках федерации стоят того, чтобы остановиться на них подробней.

Авторы исходят из того, что ради будущего единства Российская Федерация должна пройти коренную ломку, подразумевающую создание, на базе административно-территориальных субъектов Федерации, новой республики (новых республик) как формы самоопределения русского народа и других народов, проживающих на этой территории. Условно речь идет о русской республике, подчеркивают они, в том смысле, как, например, о республике Татарстан — форме самоопределения татарской нации. Авторы считают, что имеющиеся сегодня республики — суверенные государства представляют собой форму самоопределения титульной нации, давшей ей название. Однако без «русской государственности» не получится общего российского государства. «...Чтобы сохранить Россию — Российскую Федерацию, нужно отпочковать русский элемент от российского. В нынешних условиях жизненно важно для России — СНГ самоопределение русского народа именно с этой точки зрения. Такое решение будет историчнo, и оно не противоречит разумным пределам суверенитета»[18].

Ясно, что здесь чувствуется попытка через области, а может, более крупные образования типа «земель», как бы компенсировать русским отсутствие их национальной государственности. Такие идеи, собственно, не новы, и останавливаться на них особо нет резона.

Однако есть возражения более существенного характера в связи с тезисами о «коренной ломке» государства, «самоопределении русского народа», «отпочковании русского элемента от российского». Думается, что продолжение курса, пусть в различных модификациях, на этнизацию государственности в России бесперспективно.

В России более половины территории объявлено «государственностью» лишь для семи процентов граждан. В условиях, когда границы многих республик устанавливались волюнтаристски, вряд ли даже в нравственном аспекте правомерно говорить о том, что субъектом самоопределения является лишь титульная нация. А разве исключена возможность возникновения в таком случае русской и карельской Карелий, русской и удмуртской Удмуртий и т. п.? Как не исключен потенциально вариант вытеснения русских из республики, являющейся государственностью одного этноса, и собирания его представителей на этнической родине. Последствия развития событий в таком направлении даже трудно представить. Очевидно, что только принципиальная переориентация с территориального на культурно-национальный аспект может действительно обеспечить задачу национально-духовного возрождения всех народов России.

Другое дело, что здесь нужна постепенность и большой такт. Идея национальной государственности уже овладела умами многих россиян, живущих в республиках. Поэтому сейчас вопрос может стоять об интерпретации этого понятия. Если вкладывать в него идею этатизации этнического фактора, то это политический тупик для России. Если же развести понятие этноса и нации и трактовать государственность как форму общежития всех проживающих на данной территории национальностей, используя при этом гибкий модуль национального протекционизма (включающего символику, систему мер по сохранению национальной идентичности, предполагающей квоты в представительных органах, особые и строящиеся на учете национальных и местных традиций формы самоуправления, социальной защиты населения), то именно здесь путь реализации искомой формулы — «единство в многообразии».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исмаил Бей Гаспринский. Русское мусульманство. Оксфорд, 1985. С. 31.
2. См. об этом: Барсенков А. С., Вдовин А. И., Корецкий В. А. Русский вопрос в национальной политике XX века. М., 1993. С. 32.
3. Центральный архив службы контрразведки.
4. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 38. Л. 16.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356—357.
6. Центральный архив службы контрразведки.
7. Там же.
8. РЦХИДНИ. Ф. 76.
9. АП РФ. Ф. 45.
10. АП РФ. Ф. 3. Оп. 51. Д. 38. Л. 86 — 89.
11. Лавров И. А. В стране экспериментов. Харбин, 1934. С. 190—191.
12. Hosking G. History of Soviet Union. London, 1992. P. 259.
13. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 201.
14. Там же. Д. 202.
15. «Шпион», 1993. № 1. С. 23, 26.
16. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 68. Д. 453. Л. 48.
17. Беляев В. А., Харуллина Ю. Р. Трансформация российского федерализма и право сессии//Федерализм: глобальные и российские измерения. Казань, 1993. С. 249.
18. Аблулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф. Россия, в чем суть твоего бытия? М., 1994. С. 301—302.

МАРИНА НОВИКОВА,
доктор филологических наук,
профессор Симферопольского университета

О «НАЦВОПРОСЕ»

Замысел у журнала «Родина» блестящ: отталкиваясь от сборника «Этнопсихологические сюжеты» (по материалам XIX — начала XX в.), провести «круглый стол» современных историков и культурологов. О «нацвопросе». Который стал, кажется, хуже жилищного — всех испортил. Вопрос, как следует из состава дискутантов, — русский: другие нацвопросы теперь обсуждаются и решаются другими народами, без наших компетентных советов. А русский вроде как сделался наконец нашим, и уже не то что горит и жжет — полыхает и сжигает.

Замысел, повторяю, блестящий. Сложней обстоит дело с самими материалами диалога через десятилетия.

С горьким интересом ждала я, читая эти материалы: придет ли на ум кому-нибудь из толкователей и обустроителей «русского вопроса», что в «приполярной стране» (причем именно там, где и летало перо ученых: в Норильске, на Кольском полуострове, на Камчатке, в Сибири, — добавлю: и в Тюмени нашей судьбоносно-нефтеносной) обитало еще и какое-то другое население? Нерусское и, что важней, д о - русское? Может, у него накоплен какой-никакой опыт по части выживания и хозяйствования? И, может, опыт этот небесполезен для русских устроителей России? От 1867 года и до года 1994-го?..

Увы. За вычетом П. Ковалевского (Господи! — 1915 год уже на дворе, до Октябрьской революции меньше двух лет!), перстами легкими, как сон, коснувшегося симбиоза русских северян с угро-финнами, —вскользь, при помощи этнопсихологических метафор, — да на Юге с тюрками, — тут под русских, понятно, подпали «малороссы» (еще раз Господи! — за четыре года до кровавой войны на Украине, которую русские раньше именовали гражданской, а украинцы сегодня именуют освободительной!) — итак: за вычетом П. Ковалевского, все прочие застольцы искренне веруют, что Россия занимала территории, где до русских н и к о г о отродясь не водилось.

Но и эта трогательная забывчивость — не вся печаль. Хорошо, позабыты нерусские, — ну, хоть р у с с к о е-то своеобразие исследуется на должном уровне? Посмотрим. Самая, конечно, болевая, болезненная и четкая в своих посылках и выводах — статья В. Сироткина. (Слава Богу! Стало быть, удар от распавшегося Союза и содрогание от внутренних толчков Российской Федерации чему-то все же научили, какие-то шоры с глаз содрали.) Однако присмотритесь к этой статье: она ведь не о национальном, она о к л а с с о в о м. По-ленински: о двух нациях внутри одной нации. О «барах» (они же демократы, егоровцы-гайдаровцы, московско-ленинградская — или свердловская тоже?— интеллигенция-администрация). И о «мужиках». Роль мужика всея Руси вытягивает на сей раз С. Пчелинцев из Пензы, из села Малая Сердоба, имевший неосторожность послать в «Общую газету» письмо, попавшееся на глаза профессору динакадемии МИД РФ.

Старым ветерком потянуло. Свой класс известен дотошно и доподлинно. Мужичок же взят иллюстративный — произвольный. Прежде (до Октября) специалисты по «русскому вопросу» любили оперировать мужичками из литературы, а также нянями, дворней, деревенскими соседями по усадьбе. Сейчас — благо, мужички стали в редакции писать — для иллюстративного оформления берется такой мужичок из газеты.

Означает ли это, что С. Пчелинцев, как и его письмо, выглядит неаутентичным? То есть что это не голос России? Нет, отчего же: и голос, и России. О д и н из голосов. Аутентичный, да, но насколько репрезентативный? К а к у ю Россию и в с ю ли Россию он представляет? И следует ли нам снова впадать в народническую привычку: из каждого конкретного Семена, Агафона или Платона делать рупор русского народа? Иначе сказать: вместо профессионального, методически и статистически обеспеченного, разными научными подходами скорректированного анализа (кто спорит: весьма трудоемкого и, разумеется, не в одну копеечку влетающего) пускаться в вольный полет мыслей по поводу...

Я не очень доверяю американской методе все и вся анкетировать и просчитывать. Есть такая шутка у физиков: количество придумал дьявол, Бог же придумал к а ч е с т в о. Интерпретации, толкования, осмысления и переосмысления «русского вопроса» никакой статистикой и анкетой не подменить. Но они — алгебра. Высший этап. А начать бы все же сподручней, да и надежней, с арифметики. С архивов, статобработок и анкет.

У этнографов Западной Европы и США (кстати: этнография «ихняя» всегда была «имперская» и — более или менее прямо — обслуживала ее, империи, нужды) существует понятие: этный и эмный подходы. Что означает: внешний и внутренний. Глазами «чужих» (народа ли, сословия ли, наблюдателя ли) или «своих». Одно другого не только не исключает, но и не заменяет. Без внутреннего видения предмета всегда есть риск превратить изучение в манипулирование. Без внешнего — ограничиться самовосхвалением или самобичеванием.

Когда англичан между двумя мировыми войнами припекло с «колониальным вопросом», они быстренько мобилизовали изощреннейшую этнографическую методику Б. Малиновского, настругали из нее десятки конкретных рекомендаций, вопросников и т. п. — и разослали вместе с жесточайшими директивами своим дисциплинированным чиновникам на Востоке. И уж потом разработали методы так называемого «косвенного управления» — посредством местной номенклатуры (знакомо?).

Опоздали. Господа Бога, с его к а ч е с т в е н н ы м ходом истории, не упредили. Колоний не удержали. Но теперь-то, по крайней мере, они з н а ю т, что представляет из себя, к примеру, «афганский вопрос». (О чем и бывший СССР вслух предостерегали.) Вот с е б я, думается, знают гораздо хуже. «Своих» шотландцев и разных прочих гэлов так и не выучились ни чуять, ни разуметь. И, похоже, отольется им в будущем этот пробел.

Отсюда — незамечаемые проколы.

Прав В. Сироткин: лишь немногие держали в уме, обсуждая «русский вопрос», факторы географический,

климатический, природный. И снова: держать-то держали, да как?

Россия — северная, скудная, холодная, широкая, но малонаселенная страна, где люду приходилось тяжко вкалывать, но мало думать; оттого и народ русский... (оборву пересказ — сами догадываетесь, каков получился народ). Это подают нам голоса А. Щапов (1867), И. Сикорский (1895).

Россия — богатейшая страна, с благословенным климатом и изобилием плодов земных, населению все чуть ли не в рот с ветвей падало, оттого и русский народ... (следует список качеств, симметрично-противоположных спискам предыдущих авторов). Это подает голос П. Ковалевский (1915).

Так какая же все-таки страна: обильная или убогая? И кого плодил российский (пусть хотя бы нечерноземный) климат: угрюмых волоподобных работяг или беспечных хлебосолов? И почему в тех же условиях, бок о бок с русскими жившие «чудские» или тюркские племена имели с в о й характер, с в о й образ мира?

Характер национальный — явление и поныне состоящее из многих неизвестных. Говорим: русские. А русские говаривали про каждый свой уголок особо. Вон в «Сказаниях русского народа», собранных И. П. Сахаровым, дразнилки на жителей разных городов. Балахонцы: «Балахна стоит рот распахня». Брянцы: «Куралесы». Вологжане: «На словах, как на масле, а на деле, как на Вологде». Ивановцы: «Богат да хвастлив, как ивановский мужик». А вот и до первопрестольной добрались: «В Москве толсто звонят, да тонко едят»; «Московская правда» (после расправы над Псковом); «Московский час» (долгие сборы в делах); «Мать: кто идет? Дочь: черт. Мать: добре, доченька, абы не москаль».

Читаешь — думаешь: собрать бы по старым источникам материалов еще и еще, дополнить дразнилками нынешними (включая побасенки и анекдоты) — какой бы объемный характер вылепился! И уж тут-то воистину изнутри, метко да усмешливо увиденный.

А ведь были и другие опыты, достойные продолжения. Ежегодные отчеты губернских статистических комитетов, например. Или дореволюционные журналы типа «Этнографического обозрения». Перечитайте их: вы узнаете, с к о л ь к о, к а к и х (и в каких условиях) жило «нерусских россиян» в той же Вологодской губернии. Или Ярославской. Или — даже! — Московской. (Мордву-то мы куда, в наших «московских» выкладках, подевали?) И как «нерусские русские» влияли на «русских русских», и обратно.

...Не завершено, забыто, пылью архивов запорошено. Каждый, кому не лень, толкует сегодня кто о величии, кто о вырождении России. Я не в силах сделать ни первого, ни второго. Потому что я н е з н а ю, где правда, а где ложь в хозяйственных, демографических, культурных и прочих данных, коими потчует нас пресса и ТВ. Потому что после воцарения всякого нового правителя Россия у нас имела обыкновение возрождаться (согласно официальной версии), а затем немедленно приступала к вырождению (тоже согласно официальной версии, но уже ретроспективной). И каждый раз философы философствовали, историки находили подтверждающие примеры. А сегодня ведущие ТВ-программ доводят эти мнения (всего лишь мнения) до устойчивости идеологических мифов.

Желаете узнать, кто мы — русские? Спросите соседей. Впрочем, уже и спрашивать не надо; уже штабеля книг, журнальных и газетных статей в сопредельных республиках-государствах накоплены. О нас, о русских. Насмешливые? Односторонние? «Националистические»? Что ж. Пародия гипертрофирует недостатки оригинала — но ведь недостатки именно э т о г о оригинала. Хотите на пробу одну цитату — из Кулиша, крупного, европейски ориентированного украинского писателя прошлого века? «Московскую» Россию он определил так: «офранцуженные зыряне».

Мне, по крайней мере, чудится, что к статье В. Сироткина такой заголовок как раз бы и прикипел. «Офранцуженные» демократы на фоне чуждых им крестьян-«зырян».

Нет уж. Если исследовать национальный менталитет: систему высших жизненных ценностей, поведенческих норм, духовных ориентиров, — то его и надо и с с л е д о в а т ь. А не сочинять на собственный лад и вкус. (Еще хуже: на лад и вкус текущей политики.) Не хочется к Б. Малиновскому или к американским антропологам идти на выучку (выучка — не обезьянничанье), — есть во Франции научная школа, изучающая историю ментальностей. Или историю французской семьи. Или деревенских общин. Или маленьких, но старинных городов. (Правда, и х архивы не бомблены, не граблены, не уничтожены втихую, под секретные постановления.) А в Германии изучают историю отдельных предприятий. (Наша «История фабрик и заводов» выродилась в идеологический блеф — но з а м ы с е л тут неповинен.)

А мы что, как «Титаник», будем тонуть под иллюминацию великих гипотез?

Напоследок скажу о главном пробеле. Конечно, благочестивые рассуждения К. Леонтьева (1878) или П. Астафьева (1890) о «русской религиозности» так же мало подкреплены сравнительными данными, системным и объективным анализом, как и прочие их выкладки насчет «русской души». Но хотя бы рассуждения имеются. Чем ближе к современности, тем их меньше; у нынешних комментаторов сборника такая проблема отсутствует вообще. Господа и товарищи, мужики и баре! Неужто мы так и застряли на строго материалистическом понимании истории, нации, России и ее судьбы? Община общиной, климат климатом, но неужели С. Пчелинцев (равно как и многоученые его собеседники) совсем, начисто позабыл, что госсистема и хозсистема суть величины производные? Что любое государство и любой народ (н е этнос) держатся на мировидческом фундаменте? Рухнет он — рушится и держава, и община, и характер взаимоотношений с природой. А мировиденье — это культура. Сортира у мужичка в избе не было; культура была: своя и ой-ой какая, нам бы до нее еще дотянуться! А культура, в свой черед, стоит на высшей форме связей Человека с Миром: на религии.

Не призываю всех историков «русского вопроса» идти в церковь. Это их личное дело. Но рассматривать «русский вопрос» вне истории восточнославянского язычества, а затем православия, а это последнее — вне его (отнюдь не безоблачного) диалога со староверами, иудеями, католиками, греко-католиками, язычниками-аборигенами Севера, Урала, Сибири, мусульманами, буддистами и т. д. — значит описывать всадника без головы. Или очерчивать круг без центра.

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

НАРОД-БОГОНОСЕЦ?

Для начала позволю себе представиться читателю: автор — коренной великоросс, деды его по отцу — из купцов Олонецкой губернии (промышляли лесом), по матери — из сельских священнослужителей Валдайского уезда. Право же, вряд ли можно сыскать на Руси более русские места. Кстати, оба деда были «раскулачены» в начале тридцатых годов и вскоре от потрясений умерли, оставив после себя соответственно одиннадцать и восемь детей. В том числе мою мать и отца.

ФОТО СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

Это во-первых. А во-вторых, автор данных заметок есть не только сугубо русский по происхождению человек и верующий православный, но всю свою взрослую жизнь был русским патриотом, борцом против всякого рода русофобии.

Это вместе взятое дает мне природное право судить о современном состоянии русского народа, не оглядываясь ни на кого и ни на что.

Я имею несчастье жить около одного из крупнейших московских вокзалов. Каждодневно с утра и до позднего вечера толпы бедно одетых людей волокут за собой тележки с тюками, коробками, узлами. Особенно жуткое впечатление производят женщины: что-то на ходу орущие, потные, растрепанные — они не имеют в своем облике не только ничего женского, но порой теряют и образ человеческий. Сочувствовать им, жалеть их? Давайте присмотримся.

Изучая нашу жуткую гражданскую войну, я хорошо понял по подлинным документам и свидетельствам, что несчастные «мешочники» того времени добывали всеми средствами муку, крупы и сахар для голодающих своих семей. Да и дети порой тем же занимались — вспомним хотя бы «Ташкент — город хлебный». Людей тех гнали тогдашние красные власти, вплоть до применения оружия. Да и семьдесят лет спустя судьба их не может не вызвать сострадание.

А ныне? Чем загружаются тюки и коробки на московских привокзальных площадях? Ответственно свидетельствую как очевидец: не мукой и сахаром — эти продукты в Москве есть в достаточном количестве и относительно недороги. «Гости столицы» целыми ящиками скупают «Сникерсы» и «Мальборо», чтобы, приехав домой, в Курскую или Николаевскую губернию, перепродать их поштучно.

Ради незначительных в общем-то доходов эти тысячи (или миллионы?) людей сутками томятся в переполненных и расшатанных вагонах, ночуют на грязном полу вокзалов, подстелив газетку. Большинство из них явно не тяготится этим, они привыкли, не осознают своего тяжкого и унизительного положения. Такого рода «массы» стремительно отвыкают от повседневного и сосредоточенного труда и вряд ли смогут к нему когда-либо вернуться. А ведь у всякого свои профессии и трудовые навыки. Сочувствовать ли им? По совести сказать, не могу.

Еще недавно, накануне тысячелетия крещения Руси, мы, православные русские интеллигенты, мечтали: вот бы хоть дюжину-другую храмов открыли... Прошло всего лишь несколько лет, и открылись на Руси сотни храмов. Слава Богу, конечно, и когда-то, несомненно, это скажется. Но сегодня, когда все русские рэкетиры вешают на шеи православные крестики, ясно, что нам придется долго ждать тут плодоносящих всходов.

Недавно я беседовал с одним православным священником из большого прихода под Москвой — молодой, сильный, умный, образованный. Спросил его: — А многие ли сейчас венчаются? — Да почти все, — отвечает. — Так это хорошо, — то ли спрашиваю, то ли утверждаю я. — Нет, — говорит он сурово, — очень плохо. — И пояснил: если невеста в девственной фате находится уже на пятом месяце беременности, а жених уже рассчитал, что, прописавшись в доме будущей жены, вскоре разведется с ней и поделит жилье, а он, священник, не имеет права отказать им в венчальном обряде, то что тут хорошего?..

Да, призадумаешься тут над этим неожиданным (для меня, во всяком случае) суждением.

«Народ-богоносец»... выражение давнее, в современной культурной традиции у нас принято увязывать его с именем Ф. Достоевского. Да, он много писал на эту тему, писал горячо и талантливо. Существовал ли на Руси народ-богоносец во времена Достоевского — вопрос неизученный, а потому с любой стороны недоказуемый.

Отметим, однако, бесспорное: у самого писателя, среди его героев, отыщется ли русский «богоносец»? Раскольников, семья Мармеладовых, полоумный князь Мышкин или (положительные!) герои «Бесов»? Тут же предвижу возражение: Алеша Карамазов. Но ему по сюжету всего лишь лет семнадцать, он еще юноша, и характер его еще не сложился. Заметим также, что автор романа «Братья Карамазовы» предполагал в продолжении романа сделать Алешу цареубийцей (чтобы потом покрепче раскаялся). Вот и получается, что назвать героя «богоносцем» никак нельзя.

Можно сделать осторожный вывод: для Достоевского «народ-богоносец» был все же некой идеальной теорией, а не художественной практикой. Впрочем, это второстепенное в нашей теме.

Теперь рассмотрим время, когда Достоевский уже оставил этот мир, — XX век, столь многострадальный для России и ее народа. Рассмотрим с точки зрения исторической или даже узкодемографической.

Русско-японская война — 270 тысяч убитых и искалеченных. Первая мировая война — около семи миллионов жертв, страшное число! Подчеркнем, что погибли тут преимущественно молодые и здоровые мужчины, подавляющее большинство которых были неженаты, а потому, естественно, ушли из жизни бездетными. Значит, тут гибли не только участники кровавых событий, но и неродившееся потомство.

Далее — ужасающая гражданская война, число жертв которой никогда не будет точно установлено, однако счет тут следует вести на многие миллионы. Один сыпной тиф косил всех: старых и юных, сильных и слабых. Итогом междоусобной бойни был выброс из страны около двух миллионов эмигрантов, преимущественно молодых мужчин. Огромное большинство их бесследно растворилось на чужбине.

Потом — уничтожение священнослужителей и работящего крестьянства: сколько пошло на смерть — пока не известно. Далее — так называемые жертвы «тридцать седьмого года». Долгое время эта тема была вотчиной нынешних, а ранее партийных, «демократов». Теперь-то положение изменилось и на данную тему можно говорить спокойно и объективно. Выскажу сугубо личное мнение: товарищей Троцкого и Тухачевского жалеть нам нечего, они получили в конечном счете то, что заслужили. Только вот трагедия — за ними пошли гекатомбы «троцкистов», которые и слова не слыхали о своем «вожде», а также великое множество командиров, старших и младших, здоровых физически и нравственно мужчин, а их семьи...

Великая Отечественная война, которая у нас изучена чрезвычайно плохо — опубликованным трудам и воспоминаниям верить следует очень осторожно, а главнейшие документы до сих пор («гласность»!) закрыты, — тут вообще полный информационный провал. Отчего и возникают у нас страстные и пристрастные споры: одни возносят до небес маршала Жукова, другие — генерала Власова. Не станем вмешиваться в эти поверхностные распри. Скажем кратко лишь о бесспорном: да, потери России (называемой тогда «СССР») были грандиозны, они превосходили потери всех воевавших стран вместе взятых. Кстати, наши маршалы и их генералиссимус потерями своих войск особо не интересовались, беспощадно гнали их на немецкие окопы. Сколько получилось у нас потерь, пока не известно, числа назывались в разное время разные, но важен сам факт — после войны грады и веси России стали, по сути, безмужними.

Ни один народ, включая многострадальных немцев или китайцев, таких потерь (в относительном исчислении) не переживал.

Ну а потом? Перекрытия великих рек и отравление Байкала, химизация земли, а параллельно тому — жизнь в общагах, скверная пища, беззащитная работа на атомных и прочих подобных станциях — всего тут не перечесть, да и не надо.

Не очевидно ли, что для любого народа, даже такого одаренного и выносливого, как русский, подобные потери не могли пройти без глубочайших изменений в его генофонде? Бесспорно так, и это должно вызывать глубочайшую скорбь не только у нас, русских, но и у всех объективных людей мира.

А сфера духовно-политическая? Обещали построить социализм и коммунизм — обман. Обещали в шестидесятом году построить рай на земле через двадцать лет — ложь. Затем замелькали продовольственные и всякие иные «программы», дурацкая «борьба с алкоголизмом» — и это все ложь и демагогия. В итоге русский народ (и другие народы, как сейчас выражаются, «бывшего СССР») потеряли всякую веру. В любой сфере — материальной или духовной, все равно.

Отсюда — толпы современных мешочников, гуляющих по Руси в грязных поездах. Вина тут или беда, судить не нам, но факт бесспорен.

И он глубоко печален.

ДМИТРИЙ ОРЕШКИН

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОХАМЕВАНИЯ РОССИИ

ФОТО ГЕННАДИЯ БОДРОВА

Если дьявол — в деталях, то суть — в терминах. Давно замечено, что частота употребления определенных слов характеризует личность надежнее, чем декларации о целях и побуждениях. У Пушкина, думал он об этом или нет, чаще встречаются слова типа «любовь», «свобода», а, например, у Ленина — все больше «насилие» (хоть и революционное), «угнетение», «диктатура» (хоть и пролетариата).

Здесь что хорошо? Строгость подхода. Сидишь, считаешь слова: написано пером — не вырубишь топором. Не встревая в безнадежные споры, фиксируешь факт: почему это интеллигенция прошлого века так безумно любила употреблять слово «народ»? Первое объяснение на поверхности — шибко умная и добрая была у нас интеллигенция. Немножко подумав, замечаешь, однако, неувязку. Что же это за словечко такое? С какого момента Виссарион Белинский или Дмитрий Писарев — отнюдь не графья по происхождению — перестали чувствовать себя народом и в виде компенсации получили право рассуждать о его долюшке? С тех пор как выучились грамоте и перестали утирать нос рукавом? И по какому праву вышеозначенная интеллигенция рассуждает о народе как о некотором насекомом: это народ поймет, а то — нет, это примет, то не примет... И вывод, собственно, только один: да, страшно далеки были они... Настолько, что даже не возникала чисто гигиеническая необходимость объясниться: что же именно мы условились именовать этим звучным термином. В этом был первый, едва заметный еще признак надвигавшейся угрозы.

ВЫШЛИ МЫ ВСЕ ИЗ НАРОДА

Сегодня мэр стольного града волнительно так рассуждает о *бездуховности* и о необходимости восстановить божий храм на месте общемосковского помывочного пункта. Во имя народа, понятно. И еще во имя строительных организаций, заинтересованных в хорошем подряде. Я не знаю, как народ, не рискую высказываться от его имени, но по моему скромному разумению мэру более приличествовало бы заняться вывозкой мусора, от которого Москва загнивает, нежели врачеванием духовных народных ран. Это, правда, требует иных навыков. Более профессиональных, чем умение вовремя вибрировать голосом и переименовывать улицы.

Непереносимой дешевкой веет от всех этих благих начинаний. Так дурные мальчики выцарапывают на стенах лифта известное слово из трех букв, а мальчики благонамеренные или даже девочки эти три бессмертные буквы обцарапывают по краям и в серединке, превращая как бы в крестики-нолики. И не ведает их тимуровская душа, что нормальной реакцией нормального человека было бы просто не обращать внимания на заборные надписи. Так или иначе, лифты наши испещрены трехзначными следами борьбы дурных и хороших мальчиков — и это неотъемлемый признак культурного ландшафта, в котором живем мы с вами и растут нащи дети. Я не могу подобрать для этого ландшафта иного определения, кроме того, что вынесено в заголовок.

Сколь угодно можно спорить, которая из противоборствующих сторон лучше. Я даже соглашусь, что лифтовые цензоры значительно симпатичнее лифтовых писателей. Но есть между ними томительно неизбежная связь, которая реализуется в объективной уличной реальности, данной нам в ощущениях. Вот о ней и следует говорить. Потому что, говоря о народе, мы всегда привносим в дискуссию некий абстрактно-оценочный элемент, заложенный самой нашей культурой. В устах широких интеллигентских масс XIX века это как бы средоточие всего хорошего, что нация хотела видеть в себе. Образ, сконструированный из-за неудовлетворенной тяги к вечным ценностям. Зеркало, инструмент самолюбования и саморефлексии. Потому и имел место синдром самоотделения от народа. Нельзя в русской классической культуре было верить в себя, уповать на себя, искренне служить себе. Не принимала она этого. Почему — другой вопрос, на который едва ли можно найти простой ответ. Но опять же факт налицо — простое предположение о том, что по сути ведь и помещик, и поп, и журнальный писака тоже были как бы частью народа, вызывало трепет негодования и реакцию повышенного слюноотделения — с неизбежностью физиологического закона. Кощунство! Святого не трожь! Народ — это которые в лаптях! Зато можно было и принято было любоваться на свою заботу о народе.

В любом здоровом человеческом сообществе есть и должны быть обьединяющие его общие ценностные ориентиры. У нас в России либеральная интеллигенция в бога вроде как не очень верила, меркантильные европейско-американские ценности откровенно презирала, установок на моноэтничность не могла иметь просто по определению... Возможно, оттого и возникла фикция народа как нечто одинаково священное для всех и оттого необъяснимое, неиссякаемое, необъятное. Так или иначе, за самим термином «НАРОД» тянется такой шлейф ассоциаций и реминисценций, чтобы не сказать предрассудков, что пользоваться им (термином) для серьезного разговора просто невозможно. Он описывает не эмпирическое явление нащей сегодняшней или вчерашней жизни, а комплекс представлений, сотканных тонкими пальчиками литературных рукодельников из зыбкого материала интеллигентской мечты. Термин мертв, и это чувствуют все, сколько-нибудь сохранившие чувство живого русского языка. Раз дядя про народ, значит, жди очередную порцию демагогии. Околонародная болтовня давно уже выродилась в жанр сочинения на заданную тему — кто сильнее любит или ненавидит эту вполне эфемерную материю.

Выродилась сама дискуссия — за отсутствием предмета.

Особенность сегодняшнего состояния России в том, что у нее нет народа, но есть люди, хорошо представляющие, каким этому народу следовало бы быть. Многие из них даже верят (возможно, искренне), что образ, созданный в их выдающихся головах, и есть реально существующий (народный) социальный организм. Одни предлагают один образ, другие — совершенно противоположный, но тоже верят в его реальность. А народа нет. Потому что нет объединяющих его ценностей. Мы живем в пространстве без устоявшей культуры — следовательно, в пространстве беззащитном. Где стерты навыки межчеловеческого общения, сбиты социальные ориентиры, и дороги, закручиваясь лентой Мебиуса, ведут в никуда. Пространство называется Россией.

ГОРИЗОНТЫ ПУСТОТЫ

Слова размечают пространство языка. Пространство реальной человеческой жизни размечено властью, культурой, осознанными или неосознанными правилами социального поведения. Австралийский абориген, изгнанный за пределы племени, обречен на смерть в пустыне, потому что вокруг — убийственное окружение врагов или мертвящей природы. Отщепенец или диссидент — просто труп в самой ближайшей перспективе. Так в истории человечества было на протяжении сотен тысяч лет. И только несколько жалких последних столетий истории, пока существует так называемый цивилизованный мир, индивидуал может надеяться на физическое выживание вне породившего его социума. Чем ближе к современности, тем дальше от вашего горла удавка неорганизованной внешней среды. Соответственно тем слабее физическая привязанность к конкретному пятачку освоенной твоими предками природы, где ты родился, пашешь землю, растишь детей и умираешь.

Если взглянуть на историю с точки зрения окружающей природы, многое покажется новым. Начнем с того, что существуют два принципиально различных способа взаимодействия человека и окружения. Первый — назовем его оседлым — подразумевает медленное освоение и расширение клочка территории из поколения в поколение. В терминах философии это означает эксплуатацию не только пространства, но и времени. Ребенок, родившийся в семейном доме, не сознавая того, уже пользуется благами, созданными его предками — крышей, стенами, сотканной матерью или бабкой тряпицей, ест кашу, разогретую в сложенной дедом печи. Земля, на которую он со временем выйдет с сохой, отчасти расчищена и подготовлена его отцом — в ней совершенно объективно хранится материализованное время и силы, затраченные предками на подъем целины, вывоз удобрений, ежегодную распашку.

Медленно, с огромными потерями, вне какого-либо индивидуального намерения или плана, оседлое пространство тем не менее усложняется и, скажем так, интенсифицируется. В том смысле, что на единицу территории там содержится все больще и больше разных разностей — грубо материальных и едва заметных, которые отличают освоенную природу от дикой и создают предпосылки для еще более быстрого изменения. В чем проигрыш, о котором твердят природозащитники? В отрыве от чистой воды, воздуха, леса. Все совершенно верно. Но перед тем, как торопиться назад к природе, надо подумать и о выигрыше. А он заключается в несравненно более плотной организации пространства-времени городской среды. Благодаря овеществленному труду поколений вы в городе имеете в тысячи раз больше возможностей для выбора и реализации принципиально новых начинаний.

Есть и иной способ сосуществования общества и природы — назовем его в щироком смысле слова кочевым. Человек живет как бы в братстве и равновесии с естественным окружением — забирает то, что естественным образом созрело и выросло, но сам в глубинные процессы биосферы не вмешивается, оставляя все как есть. Кочевники мудро путешествуют со своими стадами в бескрайних просторах континентальной Евразии, стравливая степную растительность — с тем чтобы через год она выросла снова. Останавливаться нельзя — через две-три недели корм для животных иссякнет. Поэтому вся жизнь на колесах или верхом. По понятным причинам ни сел, ни тем более городов кочевая культура не создает и в них не нуждается. Производства нет, экономики нет, соответственно ни мастерских, ни места для обмена товарами не нужно. О библиотеках, инфраструктуре и прочих излишествах нечего и говорить.

Сколько слов сказано о Вернадском, а ведь никто как-то не рискнул четко обозначить, что из его концепции усложнения пространства-времени совершенно очевидно следует: развитие есть постепенное усиление неравенства. Ну не равен живой организм окружающей его природе! Он обречен эту природу эксплуатировать, разрушать ее равновесие — и таким образом усложнять. Отчего, представьте, жизнь на Земле значительно интересней, чем на Луне, где мертвое равновесие хранится миллионами лет. Не равен социум животному сообществу! Не равен город деревне! Развитие пространства-времени означает, что в равномерной прежде ткани появляются как бы сгустки или, по словам В. И. Вернадского, «как бы особые чуждые мирки», где время течет быстрее, а пространство организовано плотнее.

И лишь бессмертная пошлость людская (это уже слова любимого Вернадским Тютчева) пытается эти узелки расправить, разровнять, выгладить утюгом идиотских представлений о справедливости. Хорошие были люди полпотовцы: выдвинули лозунг «Деревни окружают город» и из простых, как правда, соображений социальной справедливости оный город уничтожили. Теперь географическое пространство Камбоджи куда как ровное, а сама она благополучно перекочевала в прошлый век во всех отношениях, кроме обеспечения оружием. Которое, понятно, производится в городах, но в других, не камбоджийских.

С точки зрения географии, тысячелетняя оседлая культура Руси перед революцией приблизилась к кризисной точке. В Тверской губернии сел и деревень было в 12 раз больше нынешнего. Земли острейшим образом не хватало. Русские семьи о семи или двенадцати детях выбрасывали в социальный оборот миллионы землепашцев, для которых просто не оставалось свободной земли. Города росли стремительно, но не в силах были поглотить людскую лаву, извергавшуюся деревней. Правительство искало выход в программе переселения. Опять же поразительна наша инертность — все Столыпина превозносят, он по популярности разве что Алле Пугачевой уступит, а подумать о том, что его реформа помимо экономического имела еще больший географический смысл — никому недосуг. Имела, да не успела реализоваться.

После кровавой карусели 1917—1924 годов снова встали те же проблемы. Емкость среды снижена — в городах инфраструктура разбита вдребезги, водопровод и канализация в ужасном состоянии, люди живут по пятеро в нетопленой комнате — но уже не только малоквалифицированные рабочие, как прежде, а все (кроме партийцев и лубянцев). Из ситуации два выхода: или медленно и трудно восстанавливать емкость окружающей среды (строить жилье, позволить хозяйствовать жителям деревни, возрождать социальную инфраструктуру, гарантирующую доверие к партнеру и права собственности) — но это значит, во-первых, возродить неравенство, во-вторых — утратить непосредственный административный контроль, в-третьих — слишком долго ждать. Сытый Столыпин не успел, куда уж голодному Совнаркому успеть! Или же попытаться разбросать избыток населения по стране. Попытка пройти первым путем — нэп. Второй путь — путь сталинских пятилеток. Почему никто не видит, что он в чудовищно окарикатуренном виде повторяет региональную политику Столыпина? Ленин в свое время негодовал, что «крестьян переселили на песочек», имея в виду добровольный отъезд в Сибирь. Сталин переселил их на вечную мерзлоту — и отнюдь не добровольно. Страна встала на дыбы — комсомольские поезда на Дальний Восток, эшелоны с солдатами черт знает куда из черт знает откуда, вагонзаки с Украины в Лабытнанги и Красноярск...

Трудно сказать, осознанно это делалось или не совсем. Просто людей было много, материала жалеть не приходилось, вот и бросали столько-то сюда, столько-то туда, а если будет мало, пришлете еще заявку... Все были при деле, и перенаселенный Центр Российской империи стал посвободнее. На одной Украине сколько народу голодом поморили, а ведь не скажешь, что стало просторней. При этом еще Отечественная война впереди была...

Не могло быть просторнее, потому что страна сорвалась с резьбы нормального территориального развития, когда люди все больше сил, времени и ума вкладывают в землю, сиречь в окружающую среду, а она в ответ увеличивает экологическую емкость, обеспечи-

вая прокорм растущему населению. Вас не удивляет, что в России население 148 миллионов человек, а в Японии 125? Или что в Германии плотность организации географического пространства примерно в три раза выше, чем у нас в самых густонаселенных районах? Не то удивительно, что они умещаются, а то, что нам страшно тесно! Как отечески разъяснял голландским (голландским, живущим на отвоеванной у моря земле!) градостроителям один крупный московский чин брежневских времен: у нас-де потому не ведется коттеджного строительства для горожан, что в Московской области остро не хватает земли. И вправду не хватает! Если б ее отдать под кочевые пастбища, то и для самой Москвы не хватило бы. Потому что при оседлом, интенсивном и грамотном освоении пространства на гектаре может жить и умещаться тысяча человек, а при экстенсивном кочевом освоении и одному тесно будет: сколько ему надо держать овец, чтобы хватало на сыр каждый день, да на шерсть, да на обмен с соседями.

ФОТО ВЛАДИМИРА СЕМИНА

Что перед нами теперь? Огромная территория без пространственного скелета. Территория, по которой катком географической уравниловки размазано население, не желающее и не умеющее жить в оседлых условиях. Как Москве не превратиться в отстойник для бомжей, если вся или почти вся страна лишена была определенного места жительства и только столица огорожена была кордоном? Как не охаметь географическому пространству нашей родины, если на нем срезали и подравнивали все, что хоть чуть-чуть возвышалось над средним уровнем? Какая городская культура могла вырасти вокруг лимитных общежитий, где жили и живут ребята, чужие этому городу, ненавидящие его и продавшие ему годы своей жизни — за право жить в нем, проклятом?

Парадокс в том, что еще глубоко в недрах советского строя начался неизбежный процесс пространственной дифференциации. Кочевая идеология всеобщего равенства сталкивалась с внеидеологической нуждой в продукте, производимом оседлой культурой. Отсюда тайком росло неравенство. Люди, хорошо воспитанные в ордынской системе ценностей, верящие в добрые намерения вождя (кстати, сам термин тоже из кочевого словаря!), не хотели, но видели, что есть заборы, а за ними хоромы. И чем дальше шло экономическое развитие, тем шире разъезжались ноги у страны, пытающейся догнать цивилизованный Запад и одновременно сохранить духовные ценности самого чуждого Западу уклада жизни... Раньше или позже штаны должны были треснуть.

Успеем мы вырастить новую оседлую культуру (старой не возродить — пустое дело!) или пустимся воевать в рамках новой-старой псевдокочевой доктрины друг с другом и с соседями?

СРЕДА: КИСЛАЯ? ЩЕЛОЧНАЯ? ХАМСКАЯ?

Чтобы избежать нелепых обид на пустом месте, будем аккуратны в терминах. Не надо о народе. Будем говорить о социальном фоне, о среде, которая нас окружает.

Массовая автомобилизация на Западе привела, среди прочего, к появлению моды на дорогие открытые автомобили. Массовая автомобилизация в России, проведенная в рекордно короткие сроки, к открытым автомобилям оказалась неласкова, но зато отразилась в окружающем ландшафте бидонвилями жестяных гаражных коробок и автомобилехранилищами типа «хлебница». Ясно, почему. Произошла химическая реакция между новым общественным явлением — массовым автомобилем — и старой окружающей средой. Выпал осадок в виде гаражных боксов. И уже назревает второй, долгосрочный результат реакции — появление автомобильных свалок, как бы импортированных к нам из Европы и Японии...

Тривиальный вывод: что немцу здорово, то русскому смерть. Вывод нетривиальный: европейские стандарты демократии, рассчитанные на определенный уровень массовой культуры и самоконтроля, в российской социальной среде могут привести к, скажем так, весьма причудливым результатам.

Отечественные юноши, не бывавшие в Америке, смотрят крутые боевики и как бы не совсем всерьез, но все же верят, что там именно так и живут. Им, бедняжкам, в голову не приходит, что массовая культура как раз на том и стоит, что показывает не то, что есть, а то, чего нет, не было и никогда не будет. Она делает сказки для тошнотворно порядочных и законопослушных, провинциальных в своей сути американцев. Те наблюдают тайком от семьи жесткое или мягкое порно и понимают, что в реальности им такого не видать, как не набрать килограммов Ван-Дамма или Шварценеггера. А для наших уже сама Амерчка — сказка. Может, там это есть на самом деле? Отсюда тупая молодежная вера в златые горы, мощные бицепсы и неимоверную сексуальность Америки. На самом деле, наоборот, американская эротоиндустрия для своих успешно пропагандирует миф об утонченном эротизме европейских женщин — и средний работяга-американец верит! Потому что для него Европа — тоже сказка. Кстати, точно так же работала сталинская масскультура тридцатых годов. Страна, жившая в бараках и коммуналках, с восторгом созерцала свинарок и пастухов с ВДНХ, честных пионеров, обитающих в просторных пятикомнатных квартирах с видом на Москву-реку, и как бы верила, что где-то так и есть на самом деле. Или не верила, но хотела верить. Чем дальше от жизни, тем нужнее для жизни — закон масскультуры. И талантливые сталинские режиссеры этот закон отлично знали. В отличие от их менее талантливых зрителей, которые сейчас бродят с красным флагом и уже не в силах вспомнить, что было в реальности, а что они взяли себе в подкорку с киноэкрана. Ленты тех лет были сделаны так хорошо, что даже западные рационалисты, умники-демократы покупались на советскую киноконфетку, как сегодня покупаются простоватые ребята из Мытищ да Люберец на американскую. С банкой пива в руках, да в черных очках, да развернуться на тачке так, чтобы резина заскрипела и дым пошел — вот это настоящая жизнь! Им и невдомек, что в Штатах так себя даже негры и чиканос не ведут — засмеют, как дешевого пижона. Или арестуют. В общем, варится каша из мифов, выросших на разной культурной почве.

* * *

Самое странное, что в этой мешанине все равно идут какие-то рациональные процессы, свидетельствующие, что Россия жива, что она адаптируется к новым условиям и формирует новую, реально существующую среду, замысловато сочетающую признаки всех исторических эпох, враз обрушившихся на нашу голову. География, как наука о неравенстве территорий, успешно заменяет запрещенную в прошлом социологию, как науку о неравенстве людей и сословий. Среда всего лишь добросовестно хранит отпечаток общества — как гипсовая маска с лица покойника. К счастью, маска живет. Значит, и мы живем. Хотя гримасы, которые она строит, иногда пугают.

Впервые наметилась передышка у средних городов страны — таких, как Смоленск, Вологда, Владимир. Там тоже стало можно жить. Исчезло понятие колбасной электрички — теперь с товаром ездят не граждане, а челноки, взявшие на себя эти хлопоты (за деньги, конечно же, за деньги! Что они, должны для удовольствия ездить туда-обратно?). Прежняя география страны, с высоченным шпилем власти в центре и плоским блином ордынского бесправия по краям, стала расплываться. Все больше прав оказывается в руках регионального руководства. Простой анализ приватизации показывает, что именно политикой местных властей определяется курс ваучера на региональных аукционах. Именно политикой местных властей определяется ход реформ, которые радикально различаются в Ульяновской и Нижегородской областях. Однако культурная инерция остается прежней, и люди по сей день склонны связывать все изменения в своей жизни с действиями Москвы. Там, где круче всего был ценовой шок, — там и товарные последствия очевидней. И там, что странно, избиратели голосуют за реформы. Там же, где местная власть как бы проводит социальные выплаты, как бы поддерживает производство, административно тормозит рост цен и взамен вводит талоны, — люди стоят в очереди за лимитным творогом и изо всех сил бранят столичных умников. Проще говоря, страна из единого монолита, где было одинаково пусто и где во всех магазинах стоял один и тот же набор прожиточного минимума из водки, хозяйственного мыла, завтрака туриста, хлеба, соли, лаврового листа, спичек и пластмассовых расчесок, превратилась в конгломерат очень неравных, очень неодинаковых регионов, внутри которых тоже формируются свои резкие территориальные различия.

По существу, прежняя территориальная структура державы, основанная на выделении неравных функциональных зон по административно-насильственному признаку, очень быстро преобразуется в структуру, где зоны неравенства формируются как бы сами собой — в зависимости от размеров кошелька. Раньше один тип жизни и снабжения был на номерном заводе, отделенном забором и колючей проволокой, другой — в зоне, тоже отделенной забором и проволокой. Третий — на партийных дачах, опять же окруженных забором. Теперь заборы строятся из банкнот. Они выглядят более наглыми, более хамскими, чем привычные прежние. И такими, по сути, являются. Их преимущество только в том, что они живые, а не окостеневшие. И никому не заказано попробовать себя в попытке их преодолеть. Если, конечно, есть склонность к такому хамскому для нашей страны делу, как бизнес.

ВАЛЕРИЙ ПЕРХАВКО,
кандидат исторических наук

А СЛАВА ДОСТАЛАСЬ ИНОЗЕМЦУ

В мае 1479 года в Кремле отмечали освящение Успенского собора, возведенного знаменитым итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти. Зодчий был удостоен богатых великокняжеских даров, и торжества растянулись на несколько дней.

Мы не знаем доподлинно, присутствовал ли на праздничном пиру Василий Дмитриевич Ермолин, но с уверенностью можем сказать, что в отличие от других веселившихся москвичей на душе у него было в те дни грустно и горько. Ведь он вполне мог стать виновником торжества: именно под руководством Ермолина в 1472 году (еще до приезда итальянца) русские мастера начинали строить главный храм Московского государства. А сегодня о деятельности первого известного нам по имени московского зодчего можно прочитать лишь в редких специальных научных изданиях. О нем не упоминается даже в вышедшей в 1989 году объемистой энциклопедии «Москва», перенасыщенной сведениями о лицах, не имеющих прямого отношения к истории первопрестольной.

Немногочисленные письменные источники XV века не сохранили сведений о датах его рождения и смерти. Происходил он из богатой купеческой семьи Ермолиных (Ермоличей), родоначальник которой Васко, возможно, проживал прежде в западнорусских землях (там часто встречалась такая своеобразная форма имени «Василий»). В документах Литовской метрики XV века упоминается о земельных владениях каких-то Ермоличей на Смоленщине. Впрочем, вероятность их родства с Василием Дмитриевичем очень трудно подтвердить или опровергнуть. Академик М. Н. Тихомиров предположил, что у истоков рода Ермолиных стоял Василий Капица, один из десяти «гостей-сурожан», взятых московским великим князем Дмитрием Ивановичем в поход к Куликову полю. Они отправились на битву с ратью Мамая в качестве информаторов, послов, переводчиков, не раз бывавших в Золотой Орде, Крыму и других странах. И эта гипотеза также практически не поддается проверке. Бесспорно одно: Ермолины в XV веке занимались торговлей с Югом и за счет этого накопили значительные богатства.

Их род стал называться так по имени деда Василия Дмитриевича Ермолы (в монашестве — Ефрема), пожертвовавшего, вероятно, немалые деньги на сооружение Спасского собора Андроникова монастыря в Москве и изображенного рядом с Андреем Рублевым на одной из миниатюр лицевого жития Сергия Радонежского на фоне строящегося собора. Презрев богатства, Ермола ушел на склоне лет доживать свои дни в монастырь, где обрел духовное исцеление от «блудного беса».

Точно так же поступили в старости его брат Герман и Дмитрий, отец зодчего Василия Ермолина. По словам автора произведения о посмертных чудесах Сергия Радонежского, Дмитрий происходил «от московских великих купцов, нарицаем Ермолин Васкино» и пользовался известностью в торговом мире далеко за пределами Руси. Он был «многоречист и пресловущ в беседе, бе бо умея глаголати русски, гречески, половецки». Очевидно, он изучил греческий и татарский («половецкий») языки во время своих поездок за товаром в Золотую Орду, Крым и Византию. В описи документов Корельского Николаевского монастыря (1551) упоминается древняя грамота о пожаловании ему вотчины некоего «Мити (т.е. Дмитрия) Ермолина». Трудно сказать, был ли это отец Василия Ермолина либо его однофамилец, носивший такое же имя. Приняв на склоне лет постриг под именем Дионисия в Троице-Сергиевом монастыре, Дмитрий Ермолин отличался там вольнодумством, выступая против суровых монастырских порядков и церковных догматов. Его протест внешне выразился, в частности, в отказе участвовать в общей и довольно скромной монастырской трапезе. К лишившемуся за грехи свои дара речи, непокорному и неукротимому монаху Дионисию приехали по вызову игумена его ближайшие родственники, в том числе и сын Василий. Это случилось в 40-е годы XV века.

Более ранних упоминаний о Василии Ермолине, к сожалению, не сохранилось. Мы можем лишь предположить, что с юных лет он приобщился к семейному делу, а затем стал брать подряды на крупные строительные работы. В денежных делах Василий Дмитриевич был расчетлив и сумел приумножить свое состояние. Приобретенное им село Спасское-Семеновское с деревнями и пустошами в Дмитровском уезде продал перед 1463 годом своему зятю Дмитрию Бобру из боярского рода Сорокоумовых-Глебовых. Интересно, что в одном из сохранившихся списков купчей грамоты на эти земельные владения его фамилия дана в несколько иной форме — «Ермолинич», а не «Ермолин», хотя в числе свидетелей фигурировал некто «Федор Ермолин».

Возглавляя строительные артели, Василий Дмитриевич приобрел навыки опытного зодчего и подрядчика. Только что вступивший на престол Иван III поручил Ермолину в 1462 году отремонтировать участок обветшавшей каменной стены Кремля от Свибловой стрельницы (современной Водовзводной башни) до Боровицких ворот, а также украсить Фроловские (ныне Спасские) ворота, возведенные столетием ранее при Дмитрии Донском. Поблизости от них зодчим была построена и освящена (27 июля 1462 года) каменная церковь св. Афанасия, с наружной стороны ворот поставлен резной белокаменный барельеф св. Георгия Победоносца на коне. Как сообщается в летописи, через четыре года перед глазами москвичей предстал «святой великий мученик Дмитрий на Фроловских воротах изнутри града, резан на камне, а повелением Василья Дмитриева сына Ермолина». Вероятно, в промежутке между выполнением строительных заказов он продолжал заниматься торговлей. В 1467 году по просьбе великой княгини Марии, матери Ивана III, Ермолин достроил каменную церковь Вознесения в одноименном монастыре Кремля: «Василий Дмитриев Ермолина с мастеры каменщики церкви не разобраша всеа; но из надворья горелый камень весь обламаша, и своды двигшася разобраша и оделаша еа около всю новым каменем да кирпичем ожиганым и своды сведоша, и всю свершиша, яко дивитися всем необычному делу сему...» В Вознесенском монастыре долгое время хранилось ермолинское каменное изваяние св. Георгия, снятое со Спасской башни при ее перестройке в конце XV века и тогда же раскрашенное разноцветными красками. К сожалению, в нашем столетии в Третьяковскую галерею передали оттуда лишь изображение всадника, безосновательно посчитав рельеф коня более поздним добавлением, не имеющим отношения к скульптуре В. Ермолина. Еще меньше повезло другим кремлевским творениям зодчего. Ни одно из них не дошло до наших дней, хотя бы в искаженном и перестроенном виде.

...Слава о московском архитекторе и скульпторе распространялась все шире и шире, и в 1469 году он получает одновременно несколько заказов, с которыми успешно справляется. Им были построены каменная трапезная с поварней (кухней) в Троице-Сергиевом монастыре, с которым род Ермолиных традиционно поддерживал тесные связи. С фасада к стене поварни Василием Дмитриевичем была прикреплена сохранившаяся до сих пор, в отличие от самих построек, каменная резная икона Богоматери Одигитрии. Не может не поражать активность и напряженность работы Ермолина, ведь тогда же им были обновлены две церкви во Владимире-на-Клязьме (Воздвижения на Торгу и на Золотых воротах). В следующем году под его руководством велись восстановительные работы в разрушенном Георгиевском соборе Юрьева-Польского, возведенном в 1234 году и знаменитом своими каменными резными барельефами. Уровень знаний того времени, а может быть, и спешка строителей не позволили зодчему правильно, по сюжетам реконструировать белокаменную резьбу (это удалось сделать, и то лишь на бумаге, в XX веке крупнейшему нашему искусствоведу Г. К. Вагнеру).

В летописных описаниях строительной деятельности Василия Ермолина он обычно называется «предстателем». Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля это слово имело в прошлом несколько значений, в том числе «покровитель», «старшина», «заботник»; применительно к строительству — «попечитель», «организатор работ», «подрядчик», «глава артели строителей». Но Ермолин был не просто строительным подрядчиком, но также известным архитектором и скульптором.

Трапезная и поварня 1469 года. Фрагмент иконы с изображением Троице-Сергиева монастыря. Середина XVII в. Загорский музей-заповедник.

К весне 1472 года относится последнее свидетельство о строительной деятельности Василия Дмитриевича: вместе с Иваном Владимировичем Головой, сыном великокняжеского казначея Владимира Григорьевича Ховрина, он возглавил артель, приступившую к возведению из камня и кирпича Успенского собора Кремля. Но между ними вскоре начались споры и разногласия, и Ермолин вынужден был с болью в сердце отказаться от столь выгодного и почетного заказа, не получив, в отличие от своего соперника, должной поддержки ни от Ивана III, ни от митрополита московского Филиппа. Горечь и апатия охватили незаслуженно обиженного зодчего. Ведь Иван Голова и его отец вместе с помогавшими им московскими и псковскими мастера-

ми так и не смогли в отсутствие более опытного и талантливого Ермолина построить собор. Ивану III пришлось приглашать из Италии знаменитого Аристотеля Фиораванти...

Так завершилась активная строительная деятельность Ермолина, продолжавшаяся десять лет. У оказавшегося не у дел зодчего осталась к старости еще одна утеха — книги. В рукописном сборнике конца XV — начала XVI века Троице-Сергиева монастыря, в котором Василий Дмитриевич, возможно, на склоне лет принял постриг, сохранилась копия его «Послания от друга к другу». Письмо было отправлено секретарю польского короля и великого князя литовского Казимира IV Якову (Якубу), ранее просившему своего московского приятеля приобрести для него богослужебные книги на церковно-славянском языке (в частности, Пролог — собрание кратких житий и поучений на весь год; Осмогласник (Октоих), включавший песнопения; жития святых апостолов и творения отцов церкви). Ермолин, очевидно, познакомился и подружился с Яковом на почве общего увлечения в 1468 году, когда тот приезжал в Москву с посольством. Может быть, и сам Василий Дмитриевич бывал по торговым делам в Литве. Во всяком случае, письмо свидетельствует о его знакомстве с западнорусским наречием, о чем говорят употребленные в нем слова: «паперия» (бумага), «пенязи» (деньги), «пан» (господин), «сисарь», искаженное «асисорь» (королевский секретарь, писарь). Да и называет себя он в «Послании» Ермоличем. Поскольку запрашиваемые Яковом книги в отдельных переплетах в продаже отсутствовали, Василий Дмитриевич предложил другу заказать для него у переписчиков добротные копии, попросив предварительно прислать немало хорошей бумаги и денег. Ермолин, как и прочие купцы, явно отличался прижимистостью, уверяя Якова, что лишнего никому не переплатит. Как видно из письма, зодчий прекрасно разбирался в книжном деле.

Послание Василия Ермолина (из сборника конца XV в.).

Мироощущение Василия Дмитриевича позволяет также глубже понять знакомство с Ермолинской летописью. Такое название дал ей академик А. А. Шахматов, обнаруживший рукопись в собрании Московской Духовной академии и полагавший, что в основе летописи лежит Ростовский владычный свод, дополненный сведениями о строительной деятельности Ермолина в 1462—1472 годах. По мнению современных исследователей (и прежде всего Я. С. Лурье), составитель Ермолинской летописи использовал оппозиционный великокняжеской власти Кирилло-Белозерский свод начала 70-х годов XV века. С нескрываемым осуждением в нем описываются жестокие казни серпуховских дворян по повелению Василия II в дни великого поста 1462 года, действия наместника Ивана III на ярославской земле. Ермолинская летопись явно свидетельствует о независимости взглядов и суждений самого Ермолина, тяжело переживавшего обиду на московского великого князя и митрополита, по существу отстранивших его от руководства возведением Успенского собора. Возможно, тогда-то и зародилась у него мысль отразить на страницах летописи сведения о своих архитектурно-художественных работах, чтобы их не коснулось забвение. Мы не можем упрекнуть зодчего в личной нескромности, ведь в тексте лишь кратко перечислено, что и когда им было построено либо восстановлено в Москве и других городах Северо-Восточной Руси. В отличие от Иосафовской и Никоновской летописей, в ней нет, например, восторженной оценки работ по достройке Вознесенской церкви. В составленной по заказу зодчего летописи события излагаются до 1481 года, затем после перерыва их описание возобновляется с 1485 года, но уже другим почерком. Поэтому предполагают, что скончался Василий Дмитриевич где-то в промежутке между этими двумя датами.

ФОТО СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

История вне конъюнктуры

Ермак — родственник Кучума?

Ветерану первой мировой 103 года

ИСКАНДЕР ИЗМАЙЛОВ,
научный сотрудник Института языка, литературы и истории (Казань)

СЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ ИМПЕРСКИХ ИСТОРИКОВ

Что заставило меня взяться за перо? Не скрою — это неудовлетворение, которое я ощутил после прочтения статьи Н. И. Никитина «Предъявлять ли счет векам?» («Родина». 1990. № 5), где автор, отвечая на письмо читателя М. Х. Халитова, затронул целый ряд проблем, связанных с темой «покорения Сибири» Российской империей и с деятельностью Ермака, о котором на «Мосфильме» ставится кинофильм. Совершенно справедливо возмущаясь тем, что историки и писатели представляют национальными героями захватчиков чужих земель и покорителей других народов, М. Х. Халитов призывает не «обелять Ермака, а изобразить его в соответствии с исторической правдой — разбойником и завоевателем».

В ответ на предложение беспристрастно рассматривать историю становления империи Н. И. Никитин обрушил на читателя град цитат, ложных доводов и неверно истолкованных фактов, призванных защитить пресловутые старые подходы к проблеме восточных завоеваний России.

Рассмотрим некоторые из его аргументов.

Так, автор считает, что, «вырывая поход Ермака из общего контекста российской истории XVI века, можно грубо исказить историю». Однако, взяв произвольно цепь фактов, можно на ее основе доказать почти все, главное — умело их подобрать. К сожалению, Н. И. Никитин поступает именно так. Свою последовательность причин, приведших к завоеванию Северной Азии, он начинает с XIII века, когда Русь подверглась нашествию монгольских ханов. Хотя можно с таким же успехом начать уже с гуннов, громивших протославянские племена в начале нашей эры. Тогда и цепь была бы длиннее, и аргумент весомее — издавна «мирные славяне» подвергаются набегам «диких орд» с востока, и только в начале XVI века их терпение лопнуло, и они «обезопасили» свои границы. Кстати, именно так вполне серьезные историки и объясняли ход истории еще совсем недавно. А ведет свое происхождение подобная точка зрения (если не касаться серьезных трудов дореволюционных историков-государственников) с историографии 40—50-х годов, когда она была освящена «руководящей и направляющей» рукой партии и директивно принята к исполнению. Думается, именно тогда, а не в 20—30-е годы, и возник тот «перекос» и концептуальный застой в изучении этой темы, не преодоленный и по сей день. Ибо говорить, что завоевание Поволжья есть преодоление последствий монгольского нашествия — все равно что объяснять франко-прусскую войну 1870—1871 годов последствиями завоеваний Карла Великого!

Также совершенно неправильно объяснять восточную политику Руси XVI века борьбой с пресловутыми «осколками» Золотой Орды. Хотя бы потому, что само Московское княжество возникло на руинах улуса Джучи и борьба, следовательно, велась не с, а между «осколками» Орды. Борьба с «осколками» — это такой же миф отечественной историографии, как и вечная, незатухающая агрессивность Степи против Леса. Если же мы обратимся к фактам и, следуя методике Н. И. Никитина, возьмемся за всю их последовательность, то увидим, что война Руси с народами Поволжья началась уже с X века, когда здесь образовалось государство Волжская Булгария. В X—XIII веках булгары совершили на Русь 4 похода, а русские — 10; в XV—XIV веках русские князья и ушкуйники не менее 7 раз «воевали» булгар. Эта же пропорция сохраняется и в эпоху Казанского ханства, когда московские войска в период с 1445 по 1552 год в ответ на 5 казанских походов совершили 11 вторжений, причем большинство их кончалось под стенами Казани. Говоря о Сибирском ханстве, надо вспомнить о походах Ф. Курбского и И. Салтыкова-Травина в 1483-м и С. Курбского в 1499 годах, задолго до Ермака разорявших Прииртышье. Так кто же кого опустошал и пытался завоевать? Все это заставляет с большим сомнением относиться к идее автора о преемственности «татарской» политики на Руси, скорее уж наоборот: русская восточная политика оставалась неизменной в течение ряда веков.

Разумеется, Н. И. Никитин, по его словам, изучавший русско-татарское противоборство той поры по летописям, это прекрасно знает, но позволяет себе не замечать фактов, упрямо восставших против теории «татарской опасности», и пишет только об опустошительных, изматывавших Российское государство набегах. Вместе с тем, говоря об этих «разорениях», о гибели людей и угоне их в рабство, нельзя забывать, что часто эти яркие картины взяты из публицистических произведений, цель которых — оправдать «Казанское взятие» и присоединение к Руси «подрайской землицы», то есть Среднего Поволжья. Например, автор упоминает данные, что в 1551 году в Казанском ханстве находилось более 100 тысяч русских пленников. Но для любого историка, мало-мальски знакомого с материалом, ясно, что это явное преувеличение, так как все население ханства едва ли превышало полмиллиона человек. Тут важно другое: мы ждем, что далее автор (а это анонимный «Казанский летописец») опишет нам жуткую картину «невыносимых условий работы на татарскую знать», но он сообщает нечто противоположное — многие полоняники отказывались возвращаться на Русь. «Инии же застаревщеся, прелестницы мнозии у них осташася, не хотяша обратитися к вере христове...» Выходит, что для многих неволя была лучше «свободы» на родине! Однако то, что не вяжется с негативным образом татар, автором не признается.

В этом есть своя логика. Ведь если автор начнет освещать вопрос глубже, то он вынужден будет отметить, что никакой «татарской опасности» даже в XV—XVI веках не было. Разумеется, постоянно происходили взаимные набеги государств, возникших на месте Золотой Орды, но все они не противостояли Руси, как пытается доказать Н. И. Никитин вслед за советскими историками Н. А. Смирновым, К. В. Базилевичем, И. И. Смирновым и В. В. Каргаловым. Например, наиболее последовательными союзниками Руси в XV веке были Крым и ногайские ханства, особенно в борьбе с попытками хана Ахмата установить в Европе гегемонию Большой Орды. Татары Восточной Европы, объединенные в ряд ханств, имели свои государственные интересы, вступали в союзы между собой и соседями и постепенно формировали свое этнополитическое самосознание и государственную идеологию (о чем свидетельствует ряд источников, в том числе и С. Герберштейн: «Если их (татар) называют турками, они недовольны и считают это как бы бесчинством. Название же бесерманe (мусульмане) их радует»). Именно эти цели были главными в политике татарских ханств в XV—XVI веках, а не пресловутое восстановление «Батыева наследия», которое если и осознавалось, то скорее как историческая формула (типа «Москва — третий Рим»), не всегда совпадавшая с конкретными дипломатическими усилиями.

В этом смысле гораздо честнее современных великороссских историков были их коллеги из царских и монастырских канцелярий XVI века, объяснявшие, к примеру, завоевание Казани тем, что Поволжье еще со времен Рюрика принадлежало Руси и «только приход злых татар», заселивших русские окраины, на время оттянул вхождение этих земель в состав Московского княжества. Кроме этого в ходу было еще и другое, более универсальное объяснение. Весь мир является ареной жестокого противоборства христианства с язычниками (куда включались и мусульмане). Русь в их глазах символизировала истинное православие — «третий Рим» («град Божий»), а все земли, занятые мусульманами и язычниками, были как бы «пустынями», которые требовалось завоевать и окультурить. По мысли средневековых русских летописцев, только земли, включенные в «священные рубежи Родины», были царством добра и справедливости, а покушение на них в любой форме, равно как и попытка народов, насильственно включенных туда, освободиться от непрошеных радетелей, рассматривалось как «покушение» на территориальную целостность «Святой Руси». Именно таким духом проникнуты все летописные своды и публицистические произведения конца XVI — начала XVII века, от «Большой Челобитной» и «Казанской истории» до «Никоновской летописи» и «Царственной книги». Что же касается «священных рубежей», то, судя по новейшей истории, они, постепенно расширяясь, достигли планетарных масштабов, безусловно включая Эфиопию, Анголу, Вьетнам и Афганистан.

Так путь, начатый с завоевания Казани и Сибири, с неизбежностью привел ко все новым и новым захватам, и неважно, что в средневековье это освящалось Крестом и распространением истинной веры, а потом — идеями коммунизма. Н. И. Никитин просто не решился назвать Ермака первым «воином-интернационалистом».

Много внимания уделяет автор и теме освоения Сибири, доказывая, что огромные ее просторы способны были вместить не только аборигенов, но и тысячи русских переселенцев, которые занимали пустующие земли. Эти землепроходцы жили с местным населением довольно мирно, привили ему передовой хозяйственный уклад и сообща сыграли цивилизаторскую роль. Не буду спорить, Россия, как и другие колониальные державы, с честью несла свое «бремя белого человека» в Азии. Но стоит ли этим гордиться сейчас? Может быть, читатель М. Х. Халитов и не очень академично выразился в своем письме, но пафос его, скорее всего, не в том, чтобы предъявить счет русским, а в том, чтобы те задумались над судьбами народов, которым навязывали свои представления о прогрессе. Итогом такого «культуртрегерства» для аборигенов стала потеря своей культуры, деградация, болезни и ассимиляция. Что же касается русской, якобы более народной колонизации, чем в обеих Америках, то надо сказать — это злонамеренный миф. В Сибири, как и во всем мире, колониальные захваты, стыдливо называемые советской историографией «освоением», шли так: впереди двигались бродяги, авантюристы и разбойники, за ними — армия и чиновники, а уже потом мирные земледельцы. Вот когда первые и вторые огнем и мечом прокатывались по непокорным, когда в самых удобных пунктах — местах торговли, переправ и т. д. — возникали крепости с гарнизоном, тогда-то и начиналось «мирное» освоение опустевших земель и родился миф об огромных просторах Сибири. Между тем та жизнь, которой жили аборигены — охота, скотоводство, частично земледелие, — требовала больших земельных угодий, но пустовали они только на поверхностный взгляд русского человека,

так как вся Сибирь была уже разделена между ее обитателями. Как проводилась колониальная политика в русском варианте, хорошо видно на примере Среднего Поволжья (в дальнейшем эта модель с той ли иной полнотой, видимо, использовалась везде). Когда сопротивление казанцев было потоплено в крови, им было запрещено селиться в городах, а в деревнях заниматься целым рядом ремесел, в первую очередь железоделательным. Их культура, религия, обычаи периодически запрещались. Права мусульман постоянно ущемлялись (в том числе земельные). Одновременно среди населения проводилась активная насильственная христианизация.

ЕРМАКЪ ТИМОѲЕЕВИЧЪ.
Завоеватель Сибири

Весьма интересно, что в арсенале доказательств прогрессивности завоевания Сибири есть и другие доводы. Один из них — слова Ф. Энгельса о том, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизаторскую роль для... центральной Азии, для башкир и татар».

Конечно, детали представлений классиков о России и Азии требуют системного, цельного изучения, но уже сейчас ясно, что вряд ли стоит использовать отдельные цитаты из них для подкрепления своих построений о необходимости и благотворности колониализма в Северной Азии.

Вообще, сам подход к народам в плане «прогрессивный — регрессивный» кажется весьма ущербным, ненаучным и субъективным, так как зависит от места наблюдателя и задаваемой им системы ценностей.

Что же касается попыток Н. И. Никитина подчеркнуть, что ныне положение татар в Сибири не так уж плохо, то они как раз доказывают обратное. В самом деле, не находятся же там татары, восклицает автор, на грани вымирания — и приводит цифры, что если в XVI веке татар в Сибири было около 20 тысяч (по данным Н. А. Томилова, несколько больше), то в XX веке — 70 тысяч. Между тем эти цифры сами по себе страшны: за это время русское, казанско-татарское и т. д. население выросло в среднем в 10 раз. Данный же «рост» населения сибирских татар показывает, что народ попал в ужасный кризис, граничащий с этноцидом (то есть с уничтожением этноса). С некоторыми изменениями таково же положение и других народов Сибири, которые оказались изгоями на собственной земле, лишенными права распоряжаться своей землей, развивать свою культуру и язык, обреченными на русификацию. Так что говорить о «благотворности» для народов Сибири их присоединения к России, к сожалению, нет оснований.

Отсюда понятна невозможность бездумно продолжать проповедь идеи отечественной историографии о прогрессивности завоевания Среднего Поволжья и Сибири. Во-первых, неясно, что же такого прогрессивного принесли русские и в Поволжье, чего местные жители не знали, а во-вторых, надо отдавать себе отчет, что, кроме, пожалуй, юга Северной Азии, вся остальная территория Сибири и в XVII—XIX веках продолжала жить своим прежним хозяйственным укладом. Объясняется это обычной практикой империй: законсервировать старые порядки на завоеванных землях, особенно там, где колониальная администрация не могла опереться на население из метрополии. Так было в европейских колониях в Африке и в Азии. Вспомним, что будущее прогрессивное значение присоединения Индии к Британии К. Маркс видел отнюдь не в завоевании, а в сломе общины и внедрении в традиционное общество паровых машин и английской свободы торговли. Но если Англии удалось добиться лишь в малой степени всего этого, то что же говорить о Сибири?

Возражая М. Х. Халитову, который говорит о неравенстве сил захватчиков и аборигенов, Н. И. Никитин опять переводит вопрос в другую плоскость и говорит об ожесточенности войн между ними. Хотелось бы знать, где в мире колониальные захваты не вызывали жестокого сопротивления? И Кортес бежал из объятого восстанием Теночтитлана, и яванцы неоднократно чуть ли не сбрасывали в море голландцев, и зулусы, вооруженные только копьями, неоднократно громили англичан, но суть дела в том, что выиграть одно-два сражения они могли, а победить — нет. Родоплеменное раннеклассовое общество имело ограниченные людские ресурсы, слабо координировало свою борьбу с соседями, в нем каждый мужчина был и воином, и кормильцем общины. Эта разница в военной организации, когда с одной стороны воевали люди, которые должны были заботиться о своих семьях, а с другой — профессиональные военные, владеющие передовыми формами ведения боя, неизменно вела к поражению первых. Нельзя также забывать, что завоеватели часто применяли в целях устрашения карательные меры — жгли и уничтожали мирное население (история покорения Сибири пестрит такого рода сообщениями), а в ответ аборигены осаждали русские остроги и поселения. Так закручивалась крутая спираль взаимного недоверия, которая сейчас стремительно расправляется.

Понимая, видимо, что доводы о «татарской опасности» и «прогрессивности» завоевания Западной Сибири не очень убедительны, Н. И. Никитин пытается найти еще и «фаталистское» объяснение. Оно предполагает наличие стандартных резонов типа: «сильный захватывает слабого», «если не мы, так другой» и т. д. Все эти имперские аргументы не стоят и ломаного гроша, так как имеют универсальное хождение среди всех завоевателей от Ассирии до «тысячелетнего рейха». Не хотелось бы, чтобы отечественная наука вернулась к таким сомнительным доводам.

Надо сказать, что завоевание Казанского ханства, а потом и Сибири стало настоящей трагедией и для самой России. Ибо с этого времени развитие феодализма, который переживал определенный кризис, пошло не в сторону буржуазного строя, а вширь. Именно тогда были уничтожены плебейская ересь и свободные города, а движение истории приобрело циклизм от абсолютной деспотии к либерализму и наоборот. Поддерживалась эта деспотическая система в немалой степени и державным шовинизмом русского народа, считавшегося выше всех «инородцев». Эта проблема была уже поставлена историками в 20-е годы, но потом объявлена кощунственной и до сего дня даже не обсуждается, хотя уже сама постановка ее чрезвычайно интересна и современна.

Абсолютно неверно, на мой взгляд, оценивать и исторических деятелей по традиционной партийной схеме «наш — не наш». Попытки представить дело так, что одни завоеватели несли народам, по словам Н. И. Никитина, «новый виток насилия и жестокости», а другие «достойны более благосклонного внимания», ибо причастны к «событиям прогрессивного характера», научно несостоятельны. Рассуждая в узких рамках такого двойного стандарта, мы обязательно попадем в ловушку, вынуждены будем принять цель, а потом оправдывать средства ее достижения. Но если на то, куда вывели походы Ивана IV и Ермака народы Поволжья и Сибири — «на простор» или в тупик, — есть разные мнения, то и на личности эти будет как минимум два взгляда.

Тут-то как раз мы видим, для чего понадобилась Н. И. Никитину эта «цепь обид», нанесенных русским «татарами». Он как бы подводит читателя, не искушенного в истории (а проще говоря, знакомого с ней по искаженным имперскими догмами учебникам «Истории СССР»), к мысли о справедливости похода Ермака; по его мнению, если это была и не прямая расплата с врагами, так хотя бы «принесла народам что-то, помимо грабежей и убийств». Сами того не желая, создатели такой историографической традиции выковали оружие, разящее их же. Стоит только доказать, что кто-то имеет какую-то обиду на соседа, или рассматривает себя как представителя более прогрессивного строя, или принес завоеванным «кое-что» помимо грабежа — и его захваты можно считать оправданными. Кстати, именно так и делают некоторые историки, совершенно четко и доказательно оправдывая кровавое завоевание Руси монголами.

Находясь в плену такой шкалы оценок, добиться истины невозможно, ибо она позволяет защищать своих кортесов и тамерланов только потому, что они «наши». На какой простор ведет такая дорога, надеюсь, ясно? Необходимо, видимо, вернуться к моральным оценкам. Какими бы благородными целями ни прикрывался захватчик, на нравственной шкале ценностей он всегда будет на несколько порядков ниже жертвы. Руководствуясь только такой оценкой роли Ермака, можно вести разговор о его месте в истории.

Что же касается фольклорного образа, то здесь мы, скорее всего, имеем дело с народным имперским сознанием. Феномен его плохо изучен, так как долгое время считалось, что простой народ чужд национализма, и особенно русский. Но появление песен о «Казанском взятии», о Ермаке свидетельствует о внедрении государственной имперской идеи в массовое сознание. Возможно, изучая корни этого явления, мы найдем объяснение и современным процессам — возрождению идеи единого и неделимого Российского государства, развитию стойкого стереотипа о страдании русских за другие народы и вечной неблагодарности тех и т. д. Все это требует исследования, хотя ясно, что не всех устраивает такое переосмысление истории, что многие желают и дальше находиться под наркозом старых идей.

Мне понятна грусть Н. И. Никитина, когда он говорит о низком историческом сознании соотечественников, но, прочитав статью (как, впрочем, и его книгу «Освоение Сибири в XVII веке»), понимаешь истоки исторического нигилизма народа. Они в немалой степени зависят от ментальности историков, которые, стыдливо замалчивая факты, смотрят на исторический процесс только со стороны Ермака. Слишком долго историческая наука вместо трудных поисков фактов, преодоления заблуждений и мучительного обретения истины исполняла лишь роль подтверждателя заранее установленных постулатов и возвеличивала строго подобранных исторических персонажей. Эта мифологизированная история давно вызывала сомнение в ее достоверности, а сейчас привела к резкому разрыву между возросшим этническим самосознанием народов и исто-

риками, агрессивно-послушно объясняющими им, почему их предков (несомненно ради их же блага) пришлось завоевать. Историография, трактующая прошлое с позиций «горе побежденным!», должна быть отброшена. Квазинаучные доказательства в ее пользу не способны ничего объяснить, а могут только возбудить недоверие к исторической науке вообще. Именно поэтому следует отказаться от черно-белого изображения покорения Поволжья и Сибири, а вернуться к многоцветной палитре, где борьбе народов против колонизации (какой бы она ни была) будет отведено достойное место. Разумеется, как и Н. И. Никитин, я далек от мысли винить в чем-то Ермака или предъявлять счет векам. Я исхожу из факта, что все исторические долги заплачены и требовать оплаты по старым векселям по меньшей мере глупо. Однако это не значит, что надо забыть об острых проблемах истории своего народа. Наоборот, необходимо их изучать, вскрывая застарелые язвы, отсекая неправду и сохраняя живую плоть, даже если это будет достаточно болезненно. Живительная сила правды лучше, чем мертвящая ложь.

* * *

Это письмо я послал в журнал «Родина» в 1991-м году.

За это время я не получил никакого ответа и могу считать ответом молчание редакции. Он тем более красноречив, что за это время на страницах «Родины» появилось несколько статей, где в ложном свете предстает и история татар и Золотой Орды. Видимо, редакция считает, что можно критиковать мифы и заблуждения «великорусской державности», только говоря о наказанных Сталиным народах и экспериментах большевиков. Между тем колониальные захваты и «освоение» Поволжья и Сибири ничем не отличаются от покорения Кавказа, Средней Азии и были лишь первыми камнями в фундаменте «империи Кремля». Видимо, именно потому этот вопрос становится «камнем преткновения» для объективных и честных русских историков. Выбивая его, мы демонстрируем убожество идей державности от «третьего Рима» до «третьего Интернационала» и провозглашаем равное право всех народов на точное, не искаженное колониализмом свое прошлое и свободу. Можно только сожалеть, что журнал, заявивший с первого номера о своей приверженности новым подходам в изучении прошлого, по сути, так и не смог осознать, что Родина наша — не Российская держава, населенная многими народами, а сложный организм насильственно объединенных стран, мучительно ищущих обретения своих отчизн, своего прошлого и своего самоопределения.

От редакции.

К сожалению, редакция своевременно не получила письма И. Измайлова и познакомилась с ним лишь из публикации в казанском журнале «Мирас» (1992. № 11—12). Однако проблемы, затронутые татарским историком, и по сей день остаются столь же актуальными. Читайте наш комментарий.

ЮРИЙ БОРИСЁНОК,
кандидат исторических наук,
редактор отдела древней и новой истории

ВО ВЛАСТИ НОВЫХ ШТАМПОВ

«Где оскорбленному есть чувству уголок?» Многие читатели сегодняшних журналов и газет ответят на этот вечный вопрос весьма конкретно — в истории. Подобным пафосом проникнуто и гневное письмо в наш журнал казанского историка Искандера Измайлова. Автор многословно и запальчиво громит «тоталитарную империю», «колониальные захваты», «убожество великорусской державности». При этом даже при самом внимательном чтении мы едва ли найдем в подходе Измайлова к отечественной истории хоть что-нибудь оригинальное. Так что же побудило редакцию напечатать-таки это письмо, отосланное несколько лет назад?

Здесь ярко выражена тенденция, весьма распространенная в последние несколько лет в исторической науке бывших союзных и автономных республик. Получив полную независимость от прежних официальных оценок, историки пытаются создать основы для национальной историографии. В качестве стартовой площадки, как правило, выбирают набор стереотипных обвинений в адрес «Москвы» и «империи Кремля».

Объект для праведного гнева может быть вычислен наугад, поэтому для нас интересна не столько тема рассуждений казанского ученого (Ермак, покорение Сибири, Казанское взятие), сколько выводы, которые он делает на основе своих весьма произвольно отобранных аргументов. Дискуссия о личности Ермака имеет смысл на принципиально ином уровне, нежели это делает Измайлов.

Автор пошел по привычному обличительному пути, старательно переиначив устоявшуюся «московскую» концепцию с точностью до наоборот. Особенно удалась И. Измайлову полемика с самыми уязвимыми аргументами «имперских историков»: на месте очевидных глупостей и несуразностей прежней историографии он лихо пристраивает свои. Оказывается, что «русская восточная политика (интересно бы знать, что это вообще такое? — *Ю. Б.*) оставалась неизменной в течение ряда веков (что верно, то верно: например, до нашей эры. — *Ю. Б.*)». Для многих русских татарский плен был «лучше» свободы «на родине», ибо там в широком ассортименте были представлены «прелестницы мнозии». Тут и впрямь поверишь, что «никакой «татарской опасности» даже в XV—XVI веках (!) не было». И тут появлялись бродяги, авантюристы и разбойники, грабили, убивали, партизанили, топтали «этнополитическое самосознание и государственную идеологию» несчастных ханств (спросить бы у горемыки Кучума, как он себе мыслил эту самую державную идеологию!). И все пошло прахом во веки веков: «колониальная политика в русском варианте» на землях казанских татар приводила к тому, что «их культура, религия, обычаи периодически запрещались», шла «активная насильственная христианизация» (видимо, сгоняли целые села к воде и крестили; непонятно только, как уцелела в нынешнем Поволжье мусульманская вера?), а сибирских татар и вовсе поразил некий таинственный этноцид.

Заинтересованный читатель обнаружит в тексте еще немало подобных аргументов. Подражая И. Измайлову, можно уверенно заявить, что все то, что не вяжется с негативным образом русских и «московской империи», автором не признается. Характерно, что автор лишь скороговоркой повествует о том, что в «Родине» появилось еще несколько статей, где «в ложном свете предстает история татар и Золотой Орды», и ни словом не упоминает, к примеру, большой «круглый стол», посвященный монгольскому игу на Руси (1991. № 8), где содержатся новые, взвешенные и строго научные оценки этого явления.

Главная мысль письма заключается в том, что всем «великорусским историкам» надлежит «переосмыслить» историю (причем сделать это немедленно) и провозгласить равное право всех народов на точное, не искаженное колониализмом свое прошлое и свободу. Журналу «Родина», оказывается, следовало с самого начала заявить, что «Родина наша — не Российская держава», и помочь нуждающимся «мучительно обрести свое прошлое». Перед нами не слишком вразумительный пересказ основных идей «перестроечной» публицистики, в течение нескольких лет тщетно призывавшей историков «опомниться», «покаяться», заделать пресловутые «белые пятна истории» и, главное, «сказать нам в с ю правду». Сейчас уже предельно ясно (хотя многие этого не поняли и по сей день), что вся полемика вокруг «искажения истории» была составной частью большой политической игры и с исторической наукой не имела почти ничего общего. Основной удар наших правдолюбов (историков среди них было мало, все больше экономисты, юристы, литераторы, журналисты) пришелся по советской истории; но здесь-то искажать, по сути, было нечего, в научном плане период после 1917 года представлял из себя чистое поле вследствие полного отсутствия достоверных источников (комментирование избранных отрывков из партийных текстов в счет не идет). При этом многие аргументы по традиции черпались из времен далекой древности (переизбыток надежных источников здесь опять-таки не ощущался никогда; недостающее при желании можно дополнить за счет собственной фантазии). На первом месте у «правдоискателей» — от Михаила Шатрова, чистившего себя под Лениным, до Юрия Карякина с его глубокой мыслью об «одуревшей России» — доводы морального плана. На эту волну удачно настроился и Искандер Измайлов.

Судя по письму, казанский историк достаточно осведомлен в некоторых вопросах истории XVI века. При этом многие его замечания нельзя не признать справедливыми. Это касается и традиционного негативного образа татар, и нелепости преподавания истории в национальных республиках по «московским» учебникам. Но автор никак не может отделаться от традиционного марксистского стереотипа: каждое историческое событие может иметь лишь одно толкование и при этом единственно правильное. Измайлов вольно или невольно толкает нас к однозначному восприятию русского прошлого в духе Альфреда Хичкока как совокупности ужасов, колониализма и притеснения, порожденных «державным шовинизмом русского народа». Почти точно воспроизводя точку зрения М. Н. Покровского и его школы (оговорка о ценности трудов историков 20-х годов не случайна), автор, по сути, призывает нас покаяться и... вернуться эдак лет на 70 назад. Непродуктивность для исторической науки подобных прогулок в прошлое очевидна, но далеко не для всех. Во многих независимых и рвущихся к независимости республиках ныне господствует «революционно-романтическое» направление в историографии, стремящееся наскоро переписать историю под флагом поношения «русского медведя» и «тоталитаризма». Все это причудливо сочетается с отсутствием подготовленных кадров, узостью источниковой базы. У руля исторической науки за редким исключением стоят все те же лица, вовремя перехватившие национально-радикальные лозунги и скрестившие их с ветхозаветной марксистской методологией (другой попросту нет — в Казани, Алма-Ате или Кишиневе днем с огнем не сыщешь сочинений Фернана Броделя или Арнольда Тойнби).

Вот и И. Измайлов, бичуя «обветшалые авторитеты» Маркса и Энгельса, тем не менее прочно стоит на марксистских позициях и рассуждает о «развитии феодализма... не в сторону буржуазного строя» и о «раннеклассовых обществах».

Примечателен и следующий тезис И. Измайлова: «Историография, трактующая прошлое с позиций «горе побежденным», должна быть отброшена». Здесь (быть может, невольно) подчеркнута еще одна характерная тенденция околоисторических писаний последних лет: стремление во что бы то ни стало вытравить из народного сознания психологию победителей, которая в конечном счете немало способствует успеху любых преобразований. Не в лоб, так косвенно подчеркивается, что в прошедшем времени не было и не могло быть ничего светлого: не сегодня-завтра кто-то смелый прямо заявит, что русской истории не было вообще, а была история «насильственно объединенных стран»; все войны России, включая Великую Отечественную, — не что иное, как национальный позор. На фоне подобных настроений идет активное восхваление неудачников — Александра II с его «великими реформами», загнавшими страну в 1917 год, П. А. Столыпина, Николая II, Н. С. Хрущева. Но ведь отечественная история отнюдь не трагическая цепь бесконечных ошибок, ее темные стороны неизменно дополняет светлое, жизнеутверждающее начало.

Дорога к исторической истине лежит не в плоскости сиюминутной и конъюнктурной перемены позиций, а в упорном труде по углублению наших представлений о прошлом с использованием новых источников и нетрадиционных методов их обработки. Только на этой почве в обозримой перспективе может продвинуться разработка таких непростых явлений, как русская колонизация Сибири. Оценки деятельности Ермака, данные Н. И. Никитиным и И. Измайловым, не исчерпывают проблемы. Сегодня мы предлагаем новый взгляд на личность покорителя Сибири, ставящий под сомнение многие традиционные представления.

ВЯЧЕСЛАВ СОФРОНОВ,
кандидат исторических наук

КТО ЖЕ ТЫ, ЕРМАК АЛЕНИН?

В вопросе о личности Ермака ученые до сих пор не пришли к единому мнению. Чаще всего его называют выходцем с вотчин промышленников Строгановых, ушедшим затем «полевать» на Волгу и Дон и ставшим казаком. Другое мнение: Ермак — благородного происхождения, тюркских кровей...

Слово «казак» или, как писали в старину, «козак» — тюркского происхождения. В основе его лежит корень «каза», имеющий двоякий смысл: 1) напасть, гибель, урон, утрата, лишение чего-либо; 2) беда, бедствие, несчастье, злоключение, стихийное бедствие.

Казаками у тюркских народов называли людей, отставших от Орды, обособившихся, ведущих свое хозяйство отдельно. Но постепенно так стали звать и опасных людей, промышлявших разбоем, грабивших соплеменников. Тот факт, что понятие «казачество» зародилось у тюркских народов, может быть подтвержден материалами источников.

В 1538 году московские власти отмечали, что «на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись ходят». Заметьте: «с ними смешавшись ходят». Следовательно, национальность для казаков большой роли не играла, главное — образ жизни.

Иван Грозный решил привлечь степную вольницу на свою сторону. В 1571 году он отправил гонцов к донским атаманам, пригласил их на воинскую службу и признал казачество как военную и политическую силу.

В 1579 году польский король Стефан Баторий повел на русскую землю сорокатысячное войско. Иван IV торопливо собрал ополчение, куда вошли и казачьи соединения. В 1581 году Баторий осадил Псков. Русские войска пошли на Шклов и Могилев, готовя контрудар. Комендант Могилева Стравинский спешно сообщил королю о подходе к городу русских полков. Он очень подробно перечислил имена русских воевод. В самом конце перечня значатся: «Василий Янов — воевода казаков донских и Ермак Тимофеевич — атаман казацкий». Шел июнь 1581 года.

В то время атаман Ермак состоял на государевой службе и был хорошо известен противнику.

Тогда же подняли головы и правители Большой Ногайской Орды, кочевавшие за Волгой. Они хоть и признавали себя подданными московского царя, но были не прочь поживиться и похозяйничать на русской земле, когда основные воинские силы сосредоточены на северо-западных границах. Назревал большой набег...

Ивану IV вовремя донесли об этом. В Ногайскую Орду направился посол В. Пепелицын с богатыми дарами для задабривания правящих ханов. Одновременно царь обратился к волжским казакам, чтобы они готовились к отражению набега. У тех с ногайцами были давние счеты. Многие казаки, взятые в плен, попали на невольничьи рынки, а то и просто были замучены. Когда в августе 1581 года на реке Самаре появился Пепелицын, возвращавшийся из Орды с ногайским послом и 300 всадниками, казаки кинулись на них, не желая знать, для чего те пожаловали на русскую землю. Ногайцы были изрублены, несмотря на присутствие царского посла, и лишь 25 человек прискакали в Москву и пожаловались Ивану Васильевичу, что казаки порубили их товарищей. Перечислялись имена волжских атаманов: Иван Кольцо, Богдан Барбоша, Савва Болдырь, Никита Пан.

Не желая обострять отношений с Ногайской Ордой, Грозный повелел хватать казаков и казнить их на месте. Но на самом деле то был лишь тонкий дипломатический ход.

Не останавливаясь на описании дальнейших событий, укажем лишь, что имена самого Ермака и его атаманов, участвовавших позже в сибирском походе, были довольно хорошо известны современникам. Кроме названных выше, в различных сибирских летописях часто упоминаются Матвей Мещеряк, Черкас Александров, Богдан Брязга, Иван Карчига, Иван Гроза. У остальных сподвижников Ермака известны лишь имена без прозвищ, или, как мы сейчас говорим, без фамилий.

ИМЯ ИЛИ КЛИЧКА?

Попробуем разобраться с происхождением кличек-прозваний тех, чьи имена сохранила для нас история. Все они делятся по двум признакам — по происхождению или по наиболее типичным чертам характера: Мещеряк — человек родом из Мещеры; Черкас — выходец из Украины; Пан — уроженец Польши.

А вот как можно «перевести» на современный язык прозвища казачьих атаманов, данные им за какие-то привычки, особенности характера, манеру поведения: **Кольцо** — человек, не задерживающийся долго на одном месте, говоря сегодняшним языком — «перекати-поле». Скорее всего, необычайно ловкий человек, уходящий от расплаты, неуловимый. **Брязга** — от воровского термина того времени — бренчать, брякать. Применяется также к людям, ввязывающимся в ссоры, дрязги. Такая кличка могла быть дана человеку, вечно чем-то недовольному, брюзге. **Карчига** — прозвище человека с сиплым голосом. Про такого говорили: «Карчит, как ворон на ели». **Болдырь** — так в старину звали людей, рожденных от разноплеменных родителей. Например, в Астрахани болдырем мог быть ребенок от брака русского и калмычки, а в Архангельске — от русского и самоедки (ненки) или зырянки и т. п. **Барбоша** (от барабошить) — так в Рязанской губернии звали суетливых, суматошных людей; в Вологодской — бормочущих себе под нос, говорящих невнятно; в Псковской — собирающих вздорные слухи и т. п. Вероятнее всего, эту кличку носил человек непоседливый, суматошный. **Гроза** — суровый, грозный человек.

Главная закавыка — с самим атаманом Ермаком. Его нельзя отнести ни к первой, ни ко второй категории прозвищ. Некоторые исследователи пытались расшифровать его имя как видоизмененное Ермолай, Ермила и даже Гермоген. Но, во-первых, христианское имя никогда не переиначивалось. Могли применять различные его формы: Ермилка, Ерошка, Еропка, но никак не Ермак. Во-вторых, имя его известно — Василий, а отчество — Тимофеевич. Хотя, строго говоря, в те времена имя человека в соединении с именем отца должно было произноситься как Василий Тимофеев сын. Тимофеевичем (с «ич») могли звать лишь человека княжеского рода, боярина. Известно и прозвище его — Поволский, то есть человек с Волги. Но мало того, известна и фамилия его! В «Сибирской летописи», изданной в Петербурге в 1907 году, приводится фамилия деда Василия — Аленин: звали его Афанасий Григорьев сын.

Если все это собрать вместе, то получится: Василий Тимофеев сын Аленин Ермак Поволский. Впечатляет!

Попробуем заглянуть в словарь Владимира Даля, чтобы там поискать объяснение слову «ермак». «Ер-

мак» — малый жернов для ручных крестьянских мельниц.

Слово «ермак» несомненно тюркского происхождения. Пороемся в татарско-русском словаре: ерма — прорыв; ермак — канава, размытая водой; ермаклау — бороздить; ерту — рвать, драть. Похоже, что жернов для ручной мельницы получил название от последнего слова.

Итак, в основе слова «ермак» лежит довольно определенный смысл — **прорыв, прорва**. А это уже довольно точная характеристика. Даже поговорка есть такая: «Прорва, а не человек». Или: «В него все как в прорву».

Но почему Василия Аленина прозвали Ермаком, а не Прорвой, ответить трудно, скорее всего, невозможно. Но, собственно, кто доказал, что Ермак Аленин был русским по происхождению? Раз воевал на стороне московского царя, то, значит, сразу и русский?

Возьмем наугад несколько княжеских родов из книги «История родов русского дворянства»: Аганины, Алачевы, Барашевы, Еникеевы, Ишеевы, Кошаевы, Мансуровы, Облесимовы, Сулешевы, Черкасские, Юсуповы и так далее — все это «инородческие» фамилии, выходцы из Золотой Орды, служившие русским царям. А русским в старину, да и сейчас тоже считают того, кто принял православное крещение и сам себя считает русским человеком.

Говоря языком следователя, очень большие сомнения вызывает и фамилия нашего героя — Аленин. То, что с «оленем» она никоим образом не связана, ясно и без пояснений. В русском языке ранее не существовало слов, начинающихся на букву «а». Арбуз, арба, алыча, аркан — все они имеют происхождение тюркское. Так что и Аленин — фамилия, явно заимствованная все у тех же соседей и наверняка переиначенная на русский манер для более удобного произношения. Заглянем еще раз в словарь татарского языка: ал — алый, розовый; ала — пегий; алакола — пятнистый; алама — дурной человек; алапай — неопрятный человек; алга — вперед. Как видим, вариантов сколько угодно. И, наконец, аллах или алла — Бог, Божество. Подходят и имена: Али, Алей, Алим. В одной из летописей приводится описание внешности Ермака: «лицом плоск» и «волосом черен», а, согласитесь, для русского человека характерно удлиненное лицо и русые волосы. Странная получается картина — Ермак имеет тюркское происхождение, да и Аленин от того же корня отросток!

А как же с именем Василий? Имя он мог получить при крещении, а отчество от крестного отца, звавшегося Тимофеем. Это практиковалось на Руси сплошь и рядом, так почему не могло произойти и с нашим героем? В XVI веке на службу к московскому царю переходили многие князья и мурзы из Казанского, Астраханского, Ногайского ханств. Искали с ним дружбы и князья ханства Сибирского. Чаще всего факты перехода ни в каких документах не фиксировались, а если и была такая запись, то утрачена безвозвратно. А «родственники» у Ермака появились гораздо позже, приписанные знаменитому атаману летописцами, пожелавшими выяснить его родословную.

Само же имя Ермак (или кличка-прозвище) неоднократно встречается в летописях и документах. Так, в Сибирском летописном своде записано, что при закладке Красноярского острога в 1628 году участвовали атаманы тобольские Иван Федоров сын Астраханец и Ермак Остафьев. Возможно, что «ермаками» прозывались весьма многие казачьи атаманы, но лишь один из них стал народным героем, прославив свое прозвище «взятием Сибири».

В нашем случае самое интересное то, что имя Василий заменено прозвищем Ермак, а фамилия Аленин и вовсе редко употреблялась. Так и остался он в памяти народной как Ермак Тимофеевич — атаман казацкий. А русский народ всегда стремился к краткости и выражению сути: скажет, как печать поставит.

В народном понимании Ермак — символ прорыва, небольшого ручейка, который вековые валуны ворочает, пробивая себе дорогу. Потаенный смысл имени перерос в символ общенародный.

И очень символично, что погиб славный атаман не от стрелы или копья (народный герой не может пасть от руки врага), а в борьбе со стихией — утонул в бурном Иртыше. Кстати, в названии могучей сибирской реки лежит тот же корень, что и в прозвище нашего героя — «ерту»: рвать, ковырять, прорывать. «Иртыш» переводится как «землерой», рвущий землю. Не менее символичен тот факт, что Ермак Тимофеевич погиб на «ермаке» — на островке, образованном небольшим ручейком, который и зовется у местного населения «ермак».

ЗАЧЕМ ЕРМАК В СИБИРЬ ХОДИЛ?

Оказывается, и на этот простой вопрос не так-то легко ответить. Хотя более уместно его сформулировать так: по чьему поручению Ермак двинулся в сибирский поход?

В многочисленных трудах о легендарном герое существуют три общепринятые точки зрения на причины, побудившие казаков совершить поход, в итоге которого огромная Сибирь сделалась провинцией русского государства: 1) Иван IV благословил казаков, ничем при этом не рискуя; 2) поход организовали промышленники Строгановы, чтобы обезопасить свои городки от набегов сибирских военных отрядов; 3) казаки, не спросясь ни царя, ни хозяев своих, пошли в набег «за зипунами», то есть с целью грабежа. Ни одна из этих причин, рассмотренная в отдельности, не может объяснить мотивы похода.

Инициатива Ивана Грозного отпадает сразу: царь, узнав о походе, отправил Строгановым грамоту с требованием незамедлительно вернуть казаков для обороны городков, которые как раз в это время подвергались нападению отрядов вогульских князей и воинов хана Кучума, возглавляемых его старшим сыном Алеем.

Версия о Строгановых как вдохновителях похода тоже не годится: отпускать от себя казаков им было невыгодно как с военной точки зрения, так и с экономической. Общеизвестно, что казаки изрядно пограбили их запасы (продовольственные и оружейные), прихватив все, что плохо лежит. А когда хозяева попытались воспротивиться подобному произволу, то им пригрозили «живота лишить». В Москву жаловаться на самоуправство «охранничков» не побежишь, и волей-неволей Строгановы сделались соучастниками сибирского похода. Но думается, что все-таки против своей воли. Здесь, в крепостях, казаки им были гораздо нужнее, и перспектива «покорения Сибири» им и в голову не приходила. Куда там горстке казаков тягаться с могущественным ханством! Даже после успешного захвата сибирской столицы набеги со стороны вогульских князей на строгановские вотчины не прекратились.

Самовольный поход казаков «за зипунами» так же сомнителен. Если речь шла о легкой и богатой добыче, то казакам следовало бы по логике вещей отправиться по старой дороге через Урал в Югру, северные земли Приобья, которые давно уже были московскими вотчинами, где не один раз побывали русские ратники.

Ермаку и его дружине не было необходимости искать новую дорогу в Сибирь и идти на верную гибель против хорошо вооруженных воинов хана Кучума. В югорской земле, где и пушнины гораздо больше, местные правители, уже изведавшие силу русского оружия, были бы гораздо сговорчивее. Так нет, казаки, рискуя собственной головой, упрямо стремятся на Туру, оттуда на Тобол и Иртыш. По дороге захватывают несколько городков, и поживы должно бы хватить на всех, но Ермак приказывает плыть дальше, до самой сибирской столицы. У атамана иные цели, скорее личные, чем государственные...

Но вот взята столица Сибири — Искер. Можно бы с почетом уходить обратно на родину, как это и происходило испокон веку во всех войнах. Противник признает себя побежденным, обязуется платить дань, не воевать с победителем — и на этом все заканчивается. Но Ермак даже не делает попыток замирения с Кучумом. Проходит одна зима, другая, а он преспокойно плавает по сибирским рекам, приводя к присяге («шерсти») местное население. А, собственно говоря, кто дал ему такое право? Может, он царскую грамоту на то имеет? Или он чувствует себя не просто победителем, но ... хозяином этой земли?!

Вспомним, с какой неохотой переселялись уже значительно позже русские крестьяне в Сибирь. Тут тебе не земля обетованная, а каждый божий день надо бороться с голодом и холодом. Куда как спокойнее жить на обустроенной земле, где и родни полно, и с питанием не так сложно, да и защита от супостатов имеется. Ведь те же казаки на зиму из Дикого Поля уходили обратно на родину. А в отряде Ермака какой-то особый народ подобрался, что и домой идти не желает, и смерти не боится. Предположения, что русский мужик мечтал прославиться свершением ратных подвигов, болел за государство, построены на песке.

И еще один интересный момент: на подмогу казачеству в Сибирь посылается воевода князь Семен Болховский, а вместе с ратниками еще два военачальника — хан Киреев и Иван Глухов. Все трое не чета какому-то безродному казацкому атаману! Но нигде в летописях и речи нет о том, чтоб управлять дружиной стал кто-то из них. А на Руси издавна тот выше по воинскому званию, у кого происхождение знатнее. Так неужели князь Болховский стал бы подчиняться атаману Ермаку?! Правда, к несчастью, князь в первую же зиму умер от голода (или от болезни) в Искере, но двое других остались живы и Ермаку подчинились.

Что-то здесь не так! Вывод напрашивается сам собой: происхождение Ермака Аленина довольно высокое, и он вполне мог быть выходцем из князей сибирской земли, которых затем истребил явившийся из Бухары хан Кучум. Тогда становится понятным, почему Ермак на этой земле вел себя как хозяин, а не как обычный завоеватель того времени. И личные счеты он сводил с ханом Кучумом, а не с кем-то иным. Кучум был для него врагом номер один. Поход Ермака был направлен на то, чтобы вернуть сибирский престол кому-то из родственников его династии и выдворить из Сибири бухарского завоевателя.

Только этим можно объяснить и тот факт, что местное население не поднялось на борьбу с русскими дружинами — во главе их шел один из родственников сибирских князей, пусть и принявший православную веру, но свой по крови. А Кучум был для них чужаком; как уже не раз отмечалось, имя его в переводе с татарского означает «пришелец», «переселенец», «степняк».

А что Сибирь после похода Ермака стала русской провинцией, так то лишь восстановление исторической справедливости — еще в 1555 году сибирские правители Едигер и Бек-Булат признали себя подданными Москвы и исправно посылали туда дань. Первоначально признал эту зависимость и хан Кучум, да только потом на свою же голову решил рассориться с Иваном Васильевичем. Что из этого вышло, каждому школьнику известно.

СМЕНА ДИНАСТИЙ НА СИБИРСКОМ ТРОНЕ

Именно такой вывод можно сделать, если внимательно прочесть следующий документ из Есиповской летописи: «Приидоша вестницы ко царю Кучюму и поведаша ему, яко идет на него воинством многим князь Сейдяк Бекбулатов сын из Бухарские земли, иже от убиения его крыся тамо, и воспомяну отечество свое и наследие восхоте, и отмстити кровь отца своего Бекбулата хощет». Далее сообщается, что Кучум «убояся страхом велием» и, узнав, что от него бежал со своими людьми придворный визирь Карача, «восплакался плачем великим и рече» весьма горькие слова, смысл которых в следующем: кого Бог не милует, того и друзья оставляют, становясь врагами.

Кого Бог не милует... Вероятно, людей, нарушивших его заповеди, проливших кровь законных правителей. Вот в этом-то и признался низложенный сибирский правитель. Обратим внимание, что в летописях ни разу не сообщается об открытом нападении хана Кучума на Ермака и его дружинников, находящихся в Искере. Конечно, это можно объяснить страхом или малыми воинскими силами. Но если бы бывший сибирский хан боялся казаков, то давно ушел бы из этой земли, а меж тем воинство Ермака таяло буквально на глазах. Нет, тут действовали иные законы, а не животный страх, который приписывается престарелому хану многими исследователями. И если он, Кучум, испытывал

страх, то это был страх перед законным правителем Сибирского ханства.

И все же Кучум решился напасть на Ермака во время их ночевки на Багайском «ермаке». Но необходимо сразу оговориться, что сообщают об этом нападении русские источники, а в преданиях сибирских татар оно рисуется несколько иначе. Да и можно ли верить показаниям людей, бросивших своего атамана, а затем уже излагающих картину боя в выгодном для себя свете? Побывав на месте гибели легендарного атамана, мне так и не удалось найти место, откуда нападавшие могли бы подкрасться незаметно даже под покровом ночи. В гибели Ермака очень много неясного, и любой следователь наших дней, поручи ему выяснить обстоятельства смерти казачьего атамана, нашел бы массу противоречий в показаниях свидетелей.

Думается, Кучум выбрал ночное нападение, если принять русскую версию последнего боя, не только для внезапности (казаки могли под покровом ночи ускользнуть незаметно для нападающих), а скорее для того, чтобы противник не мог знать, кто напал на них. Кучум боялся встретиться лицом к лицу с Ермаком. А так поступает лишь виновный!

Казаки, ожидавшие возвращения Ермака в Искере, потеряли не просто своего предводителя, но правителя завоеванной страны и «бежаша к Руси», а «град же Сибирь оставивша пуст». Об этом сразу же стало известно сыну Кучума Алею, и он занял ханскую ставку. Опять вопрос: почему не Кучум, а его сын? Ниже летописец объясняет причину нежелания Кучума вернуться в опустевшую столицу — возвратился князь Сейдяк: «И собрался со всем домом и с воинскими людьми, и приде ко граду Сибири, и град взят, и царевича Алея и прочих победи и из града изгна. Приемлет же сей отчизну отца своего Бекбулата и тако пребыша во граде». Итог известен: свергнута династия Шейбанитов вместе с правителем Кучумом и его детьми и воцаряется законная сибирская династия Тайбугинов.

На второе лето после гибели Ермака по Иртышу приплыли к Искеру суда воеводы Ивана Мансурова. Узнав, что город занят законным правителем Сейдяком, русские воины поплыли дальше на север и основали городок у иртышского устья при впадении в Обь. Похоже, что к тому времени в Сибири воцарился мир. И когда воевода Данила Чулков прибыл на иртышские берега, то никто не помешал ему заложить город Тобольск и столь же спокойно жить совсем неподалеку от старой столицы Сибири. Кучум, который кочует где-то вблизи, не нападает на законного правителя Сибири, а до русских ему, похоже, и дела нет. У Сейдяка, продолжившего традиции своего отца, к русским нет никаких претензий. Мир?

Но сложившееся равновесие решились нарушить не кто-нибудь, а русские поселенцы. Может, самому Сейдяку они и верят, но рядом с ним находится бывший визирь Кучума Карача. Именно он хитростью заманил к себе атамана Кольцо с товарищами и там расправился с ними. Он обложил зимой казаков в Искере, когда многие умерли с голоду. Такому человеку доверять было никак нельзя. А далее происходит весьма ординарное для того времени событие: князя Сейдяка, Карачу и некоего царевича Казачьей орды Салтана пригласили в «град Тобольск», усадили за стол и предложили испить вина за здоровье присутствующих. Может, законы ислама не позволяли тем пить хмельное, а может, вино оказалось чересчур крепким, но поперхнулись все трое. Это было истолковано как сокрытие злого умысла, и всю троицу повязали, перебив сопровождавшую их охрану. Правда, затем именитых сибирцев отправили в Москву «к великому государю», где их приняли с почестями и пожаловали землями с крепостными.

А что же Кучум? Летописи сообщают, что он и не пытался приблизиться к Тобольску, кочуя вблизи и разоряя поселения местных жителей. Он вел войну с бывшими своими подданными, но не с русскими. Взяли в плен и отправили в Москву одного за другим его сыновей, да и ему самому неоднократно направлялись грамоты с предложением перейти на русскую службу. Но состарившийся хан гордо ответил, что он «вольный человек» и вольным умрет. Вернуть себе сибирский престол он так и не сумел.

Гибель двух противников — Ермака и Кучума — покрыта некой тайной. Неизвестны могилы их, и лишь предания живут в татарском народе.

Кстати, говоря о могиле Ермака, следует обмолвиться, что, по преданию, похоронили его на Баишевском кладбище «под кудрявою сосной» неподалеку от мавзолея преподобного Хаким-Аты — шейха-проповедника, принесшего ислам на сибирскую землю. Вряд ли мусульмане — а Кучум настойчиво вводил в своем ханстве ислам как государственную религию — допустили бы погребение иноверца рядом с прославленным святым.

Очень много вопросов возникает, когда начинаешь перечитывать сибирские летописи несколько под иным углом зрения, чем было принято ранее. Дело в том, что все летописи писаны русскими авторами, которые всех героев разводили на две стороны: с одной стороны — русские, с противоположной — татары. И все. В результате и хан Кучум оказался татарином (хотя никогда таковым не был), и Ермак с его тюркским, по сути, прозвищем-кличкой зачислен в былинные герои земли русской. Героизация поволжского атамана дала сказочного героя-богатыря наподобие Ильи Муромца, но тем самым притушила, стерла саму суть сибирского похода, оставив на поверхности лишь конечный результат — присоединение Сибири к России.

Народ уже сказал свое слово и брать его назад не собирается. Да и нужно ли снимать краски с холста, чтобы убедиться, что под ярким красочным слоем находится грубая основа — серая и невзрачная?

Ермак в народном сознании сделался героем; Кучуму досталась участь злодея, хотя его трагическая судьба дает ему право на иной ореол, а свободолюбие и независимость делают честь его личности. Но теперь уже ничего не изменишь... Вряд ли мы с вами сегодня сможем ответить, кто был на самом деле атаман Ермак, но то, что это был далеко не лубочный герой, которого мы привыкли видеть в нем, несомненно.

г. Тобольск

НИКОЛАЙ ПЕТРУХИНЦЕВ,
кандидат исторических наук

Россия Петра: маски и лица

Господа робеспьеристы, антиробеспьеристы, мы просим пощады: скажите нам, бога ради, попросту, каким был Робеспьер?

МАРК БЛОК. «Апология истории».

Серьезное историческое исследование порой напоминает последовательное снятие масок. Но с течением времени исторические маски вдруг начинают жить самостоятельной жизнью — и сотни непохожих друг на друга Цезарей, Наполеонов и Петров разгуливают по туманным и плохо возделанным нивам массового исторического сознания.

За этими ожившими масками нередко вовсе забываются реальные личности прошедших эпох — живые, раздираемые противоречиями своей эпохи люди превращаются в отвлеченные социологические схемы эпохи нынешней.

В русской истории царь Петр Алексеевич оказался словно нарочно созданным для такой судьбы.

Сегодня он чуть ли не создатель командно-административной системы или же император-большевик[1]. Опять реальное историческое прошлое подменяется искусственно созданным — и вот уже обыкновенные для многих тогдашних европейских государств работные дома при мануфактурах для совершивших преступления женщин и нищих превращаются в прообраз ГУЛАГа[2].

Отнюдь не стремясь добавлять к этим новым маскам свою, рискнем ограничиться некоторыми предварительными замечаниями об облике Петра и петровской России.

Неизвестный художник. Портрет Петра I. 1697 г.

СИМВОЛЫ И СТЕРЕОТИПЫ

Даже поверхностное знакомство с архивами времен Петра наводит на мысль, что основной причиной резко расходящихся оценок личности и деятельности Петра Великого является недостаточная изученность его эпохи. Это может показаться парадоксальным: ведь в любом библиотечном каталоге вы найдете массу книг и статей о Петре. Но лишь немногие из них, посвященные главным образом внутренней политике, являются серьезными исследованиями. Самым существенным, пожалуй, остается созданный почти столетие назад классический труд будущего лидера кадетской партии П. Н. Милюкова[3].

Сама продолжительность царствования, обилие материала (только опубликованных в ПСЗ[4] указов — около 4000, из которых обычно используются всего несколько процентов) делают почти невозможной обработку петровского наследия одним человеком. Вторая беда — очень плохая сохранность архивов: значительная часть документов по внутренней политике начала века и делопроизводства Сената 1711 — начала 1720-х годов в основном погибла в грандиозном московском пожаре 1737 года, когда выгорел находившийся в Кремле архив Сената, переезжавшего в то время в Петербург (поэтому уцелели в основном текущие, не законченные в производстве дела, перевезенные в новую столицу). Уничтоженных частей сенатского архива не заменит даже сохранившийся чрезвычайно интересный фонд Кабинета Петра[5], ибо он не дает представления обо всем процессе прохождения дел (начале подготовки, стадиях рассмотрения, инициаторах — большинство указов, как всегда и везде, готовил, конечно, не царь, а аппарат). Итак, наше представление

о якобы достаточной изученности эпохи Петра оказывается очередной иллюзией.

Поэтому первой задачей историков остается тщательное, по крупицам, восстановление действительной картины внутренней политики петровской эпохи, но плодотворным такой анализ может быть лишь при условии преодоления многочисленных стереотипов.

Первый ряд их связан с общими особенностями нашего восприятия прошлого. Чтобы нагляднее представить себе эпоху, мы сжимаем ее, создаем некоторый обобщенный ее типологический портрет.

В нашем представлении XVIII век — это просветители, революция, философия, движение Европы вперед, прогресс... Но ведь и расцвет Просвещения, и Вольтер, и «Энциклопедия» — это уже в основном вторая половина века (а революция — и вовсе самый конец). В эпоху Петра ничего подобного и в помине не было не только в России, но и в Европе! Всем это прекрасно известно, но подсознательно мы судим Петра именно по этим меркам.

Но Петр принадлежит другой эпохе, веку семнадцатому! Весь комплекс европейских идей, который мог сформировать Петра как личность и государственного деятеля, сложился в европейском семнадцатом столетии. Но мы усердно и настойчиво сравниваем петровскую Россию с Францией 1789—1810 годов и с торжествующим удовлетворением отмечаем, что опять мы намного отстали. И Петр I, оказывается, принужден был быть левее и радикальнее тех мыслителей, которые при нем еще и на свет не появились! А ведь в лучшем случае политику Петра могут лишь в какой-то мере определять Гуго Гроций, Томас Гоббс, Самуэль Пуфендорф, но никак не Вольтер, Тюрго, Руссо, Дидро и Робеспьер[6].

Второй ряд стереотипов обусловлен тем, что мы ищем в чужой эпохе ответы на интересующие нас **сегодня** вопросы. Центральное звено в этом потоке ложных умозаключений — Петр-реформатор, якобы стремящийся к прогрессу России.

Нет сомнения, что комплекс мероприятий, проведенных Петром I или Иваном Грозным, можно оценивать как реформы, если понимать под реформами преобразования, существенно влияющие на социальную, экономическую и политическую структуру общества. Однако сплошь и рядом в современном сознании это понятие подменяется другим — представлением о реформе как сознательной, планомерной перестройке экономического и политического порядка во имя прогресса страны.

А существовали ли во времена Петра такие понятия, как «реформа», «прогресс»?

На этот вопрос можно ответить скорее отрицательно. Во-первых, чтобы идея прогресса возникла, необходимо само ощущение движения общества вперед, очевидного для живущих в нем людей. Возможно ли появление такой идеи в России — стране с традиционной феодальной экономикой, когда за весь XVIII век прирост создаваемого человечеством совокупного продукта составил всего 2,5%? Даже в европейской мысли идея прогресса утвердилась, очевидно, лишь с 1810 — 1830-х годов. То же можно сказать и о понятии «реформа», широкое распространение которого связано со временем Великой французской революции и с наполеоновскими преобразованиями. Поскольку ни понятия «реформа», ни понятия «прогресс» не было тогда даже в Европе, то ни реформатором, ни прогрессистом царь Петр не был, и сознательную установку на заранее спланированную реформу в его политике искать нет смысла.

Ощущал ли сам Петр себя реформатором? Удивительно, как в обществе, ориентированном на традицию, на повторение и сохранение достигнутого предками, царь мог резко отрицательно относиться к политике предшественников — отца Алексея Михайловича и брата Федора Алексеевича? Почти уверен, что ни в преамбулах петровских указов, ни в записях личных бесед и высказываний царя подобного противопоставления мы не найдем.

Это мы, уверовавшие в спасительную силу реформ, противопоставили Петра его предшественникам. Мы упорно ищем и отбираем в его политике новизну и не менее упорно не замечаем традиции, хотя, очевидно, следование ей определяет ее большую, если не основную часть. Проблема традиции во внутренней политике Петра составляет еще один важный компонент, без которого мы никогда не восстановим подлинную картину петровской России.

Опровергается фактами и другая составляющая Петра-«реформатора» — образ царя-демократа, опирающегося на «новых людей». Подавляющая часть петровского окружения, занимавшего ключевые посты в управлении страной, состояла преимущественно из той же аристократии. А незнатных талантливых фаворитов, подобных Меншикову, можно отыскать в IX—XVIII веках в истории любого государства, в том числе и русского. Далеко не боярство и знатное дворянство в петровское царствование шагало «не в ногу» с царем. И уж во всяком случае двор Петра вряд ли напоминал место, где он чувствовал себя совершенно одиноким, как в осажденном лагере.

...Итак, в исследовании России времен Петра выдвигается на первый план проблема логики ее внутреннего развития, поиска подлинных мотивов и установок, которые в действительности руководили творцами петровской внутренней политики. Без этого вновь будет повторяться картина, подспудно руководившая большинством советских исследователей истории XVIII века: боксерский ринг с этаким здоровым, широкоплечим, тупо и плотоядно ухмыляющимся румяным молодцом в боярском кафтане (феодализм), а в противоположном углу ринга сжался весь опухший от синяков, но такой симпатичный и стойкий капитализм. И хотя эти понятия в умах людей появились после работ Маркса, по некоторым трудам могло создаться впечатление, что русские государи руководствовались сознательной установкой на развитие или противодействие тому и другому чуть ли не в XVI веке.

РЕФОРМА БЕЗ РЕФОРМАТОРА

На несостоятельность представлений о наличии у Петра I заранее разработанного плана реформ обратил внимание еще Милюков. Он сделал вывод, что в действительности реформы представляли цепь отдельных мероприятий, вызревавших по мере решения неотложных финансовых вопросов. Но мысль историка так и осталась на периферии исторического мышления[7]. Уверен, что многие из советских историков (по крайней мере 40-х — начала 50-х годов) надеялись, что когда-нибудь найдут собственноручно написанный царем документ с изложением первоначального плана реформ. Однако эти надежды, скорее всего, так и останутся обманутыми.

Нам кажется, что мы прекрасно представляем себе петровские реформы: спрессованные в один тугой клубок, они оставляют внушительное впечатление и создают довольно яркий обобщенный образ России Петра, подсознательно распространяемый нами на все время его самостоятельного правления (1689—1725).

А если разложить преобразования во времени?

До 1700 года ни одна из важнейших реформ еще не осуществилась (прошло 10 лет правления Петра, то есть почти 1/4 его царствования; царь не в таком уж «младенческом» возрасте — 27 лет). В 1700 году последовало упразднение патриаршества, введение европейского календаря, европейского платья и появление регулярной армии. Еще через пять лет (14-й год правления, Петру 33 года) вводится рекрутская система набора в армию тяглых крестьян; 1708 год (17-й год) — губернская реформа, развалившая, по мнению Милюкова, довольно эффективно действовавший в начале века центральный административно-хозяйственный аппарат и нарушившая систему его взаимоотношений с местами; 1711 год (20-й год) — создание Сената после фактически трехлетнего отсутствия центрального органа управления страной; первый табель русской армии, определивший наконец ее численность, штатный состав и расходы на нее. До 1713—1714 годов (24-й — 25-й годы) Россия не имела Балтийского флота (построенный на Дону был уничтожен после Прутского похода 1711 года). И лишь на 1718—1724 годы приходится основной комплекс тех мероприятий, которые у нас устойчиво связываются с реформами Петра: создание коллегий и привязка к ним уже существующего центрального аппарата; податная реформа; создание Синода; учреждение Академии наук. Только к 1718—1721 годам с вводом в строй 80—90-пушечных кораблей Балтийский флот превращается в реальную боевую силу. Заметим, что организация коллегий, распределение функций между ними заняли полтора-два года с момента издания указов, то есть ко времени смерти Петра коллежская система работала не более двух-четырех лет; Академия наук была торжественно открыта в 1725 году, уже после смерти Петра; подушная подать за весь год впервые была собрана также только в 1725 году. Следовательно, результаты петровских реформ проявились в основном уже после смерти Петра.

Таким образом, большую часть своего времени Россия Петра прожила без его реформ? Да, именно так, и основные петровские победы, в том числе и самая блистательная из них — Полтавская виктория (1709), были одержаны Россией старых государственных форм

и отношений, при старой, традиционной системе налогов и управления. И эта Россия, этот период петровской истории исследователями практически не изучаются.

ПЫШНО ЗЕЛЕНЕЮЩЕЕ ДРЕВО ЖИЗНИ

Широко известно, что преобразования Петра не всегда вели ко благу России. Появление мощной милитаризованной бюрократической империи (свыше 70% расходов государства поглощали вооруженные силы) объективно привело к упрочению и консервации феодальных порядков, к расширению сферы крепостнических отношений и сужению прослойки свободного населения и чисто экономических отношений в обществе, не говоря уже об отрицательных последствиях многолетних войн. В то же время другие результаты петровского правления (само по себе создание сильной России, освоение новых рудных районов Урала и Сибири, разрушение шведской балтийской империи XVII века, включение новых территорий в состав России, открытие балтийской торговли, даже стимулирование через налоговый пресс рыночных отношений в обществе) открывали перед экономикой страны новые перспективы. Правда, их влияние не стоит преувеличивать. Выйдя на мировую арену, Россия столкнулась с мощным давлением на ее экономику закрытой протекционистскими тарифами Европы. Нестабильный и неорганизованный русский купеческий капитал не мог конкурировать с европейскими торговыми компаниями, подобными существовавшей с середины XVI века Русско-Английской. В результате русская торговля продолжала оставаться в основном континентальной. Даже столетие спустя Россия фактически не имела собственного торгового флота: неплохие по качеству торговые суда, сходившие в XVIII веке с частных архангельских верфей, покупались в основном иностранцами.

Можно ли все-таки, несмотря на вывод об отсутствии заранее продуманного плана реформ, выявить хоть какую-то логику в преобразованиях Петра, выделить какие-то этапы их развития? Рискнем сделать некоторые замечания, не выходящие за рамки предварительных гипотез.

1. С моей точки зрения, историки недооценивают преобразования 1696—1700 годов (создание первых регулярных армейских частей, Азовского флота, городовая реформа 1698 года, реформа центрального финансового управления, реформа денежной системы; в них можно уловить даже какое-то подобие единого плана). Они носят иногда более последовательный и осмысленный характер, чем внутренняя политика первых 15 лет XVIII века. Эти преобразования заключены еще в старые формы, типичные для допетровской России. Интересно было бы выявить и «лицо» готовивших реформы администраторов, и систему их общественно-политических представлений.

2. Следующий период (1701—1717) отмечен в основном созданием регулярной сухопутной армии. Естественно, что Северная война поглощала все силы и средства и внутренняя политика этого периода в наибольшей степени диктовалась конъюнктурными мо-

ментами, а поэтому была и наименее осмысленной и систематичной. По Милюкову, это период дезорганизации и развала центрального административного и финансового аппарата управления. Первая часть этого периода (до Полтавы) была практически посвящена чисто военным вопросам (благо, накопленные старой Россией финансовые резервы позволяли сделать это).

Однако Северная война далеко не была закончена блистательной Полтавой, уничтожившей славу шведской армии, а продолжалась еще 12 лет. Почему?

Вторая, затяжная фаза войны связана с борьбой на Балтийском театре военных действий. При сохранении шведского господства на море победа была почти немыслима. Именно в силу этой жесткой логики событий, а не только благодаря любви к морю и реформам Петр только с лета 1708 года начинает строить Балтийский флот. Сменились две кораблестроительные программы[8], прежде чем у России появился мощный флот, способный хоть в какой-то мере контролировать ситуацию на Балтике, да и то в основном вследствие упадка и старения шведского военного флота и экономического истощения Швеции после потери прибалтийских провинций. Здесь, как и всегда, следует отдать должное трезвому уму Петра. Сражение под Полтавой было начато при почти троекратном перевесе над шведской армией, истощенной длительной зимовкой и практически лишенной артиллерии из-за отсутствия пороха; «Морской устав» также предписывал не начинать боя, если не достигнуто полуторакратное превосходство в силах над шведами. Царь, в отличие от некоторых историков и публицистов, прекрасно понимал слабость только что сформированного русского флота.

Но в конечном счете не мощный корабельный флот непосредственно решил участь Северной войны. Морские победы при Гангуте и Гренгаме не имели значения серьезных флотских операций: в обоих случаях речь шла о борьбе с небольшими отрядами шведских судов (в основном фрегатов, не относящихся к ударному ядру — корабельному флоту)[9]; при этом автор вполне разделяет восхищение героизмом и мужеством русских солдат и матросов. Единственное серьезное морское сражение, выигранное русскими, — победа превосходящих сил несомненно талантливого Н. А. Сенявина[10] у острова Эзель (1719) — также не оказало серьезного воздействия на соотношение сил флотов. Мощный корабельный флот отличился по-иному: он прикрыл от шведов галеры, и зрелище выжженных русскими десантами П. П. Ласси[11] летом 1719 и 1721 годов дальних окрестностей Стокгольма принудило наконец несговорчивых шведов заключить в 1721 году Ништадтский мир. Операции этого завершающего периода войны как-то выпадают из нашего поля зрения, равно как и имена полководцев. Герой Гренгама М. М. Голицын, отмеченный Пушкиным за необычайное мужество при взятии Шлиссельбурга, бывший в руководстве войсками при Лесной, Добром и Полтаве и даже удостоенный чести произнести ответную речь Петру после Полтавы от лица всей русской армии, почти не виден из-за плеча «выдающегося полководца» А. Д. Меншикова. Не умаляя природного ума и отваги «худородного» фаворита, следует все-таки воздать должное и полководцу из среды русской аристократии, военный талант которого неизменно отмечался и иностранными военными специалистами.

Второй период Северной войны привел к резкому росту военных расходов. Финансовые проблемы стали особенно чувствительны для верховной власти по крайней мере с 1713—1715 годов. Первая попытка подворной переписи (1710) и перепись 1715 года убедительно доказали исчерпанность старой податной системы. Выявила свою недостаточную эффективность и бессистемность сложившаяся к тому времени структура управления страной. Милюков называл 1700—1718 годы периодом кризиса «как государственного хозяйства, так и государственных учреждений»[12].

На начало финальной стадии петровских преобразований повлияло сразу несколько существенных обстоятельств:

а) кризис государственных финансов и управления страной;

б) дело царевича Алексея. В ходе розыска (март—июнь 1718) вскрылись надежды Алексея на возможную поддержку со стороны петровского Сената. Это стало для Петра серьезным симптомом общественного недовольства его политикой: ответом на угрозу возможной оппозиции его власти могло быть только упорядочение внутренних дел. Возможно, почти полная смена персонального состава Сената в 1718 году объясняется не только введением в него президентов вновь создаваемых коллегий: Петр испытывал недоверие к старому составу Сената в связи с показаниями царевича;

в) полученные к тому времени итоги новой подворной переписи ставили вопрос о необходимости реформы податной системы, но прежде надо было определить размеры расходной части бюджета, так как из нее должен был исходить размер налога. Для этого следовало уточнить структуру государственного аппарата, величину расходов на отдельные его части (тем более что только к этому времени начали определяться конкретные контуры основных статей военных расходов, в особенности флота);

г) приближающийся конец войны ставил на повестку дня переход к проблемам мирного времени. В мае 1718 года начался Аландский конгресс (решение о его открытии было принято еще в августе 1717-го). Россия рассчитывала завершить его желанным миром;

д) произошла смена поколений в руководстве страной. Ключевые позиции в управлении заняли люди, воспитанные при Петре и вместе с Петром — в значительной степени уже на европейских образцах. Не случайно именно с этого времени наблюдается широкое проникновение идей европейского меркантилизма во внутреннюю политику России;

е) второе европейское путешествие (1716—1717) уже зрелого Петра, тщательное знакомство его с государственным и хозяйственным устройством Франции, более близкой к России по своим социально-экономическим условиям, чем Англия и Голландия; возможность сравнения французского опыта со шведской системой, с которой русские познакомились в присоединенных прибалтийских провинциях. До сих пор обращается мало внимания на громадное влияние обоих европейских путешествий Петра, в частности на внутреннюю политику страны. Попытки использовать заграничный опыт в лучших его формах долгое время недооценивались русскими историками в пылу дискуссии о самобытности исторического пути России. Для Петра же, выросшего в обществе, ориентированном на традицию и, следовательно, на преимущественное использование уже готового и опробованного, заимствование лучшего в чужом опыте было совершенно естественным (как, впрочем, столь же естественной была и последующая его коррекция в конкретных русских условиях).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЕМИЛЕТИЕ

В итоге в 1718—1724 годах в России начал разворачиваться целый комплекс тесно связанных между собой внутриполитических мероприятий. Но его отправной точкой была не «реформаторско-прогрессистская идея», а необходимость составления сбалансированного государственного бюджета, который смог бы наконец обеспечить эффективность управления и стабильность финансового положения государства.

Для составления бюджета необходимо было, во-первых, составление штатов всех государственных учреждений, возможно более стабильных и рассчитанных на длительный срок.

Отсюда и выросла коллежская реформа (1718—1722). Не случайно, что составление штатов коллегий шло одновременно с принятием штатов армии (1720) и флота (1720, уточнены Петром в 1723 году). Вероятно, в целом планировалось составить сводный штат всех государственных учреждений — «Государственный штат» (эту задачу при жизни Петра так и не удалось решить). Параллельно идут и попытки частичной реформы в государственных структурах, направленные на ограничение роста расходов. С этой целью в 1722 году создается ландмилиция — более дешевый, чем регулярная армия, и не требовавший рекрутских наборов с помещичьих крестьян вид войск, использовавший в новой (также частично заимствованной из Швеции) форме традиционные для России методы охраны границ за счет местного населения. Все эти изменения в государственных структурах развивались в тесной взаимосвязи с податной реформой 1718—1724 годов, суть которой составила смена единицы налогообложения (замена двора душой мужского пола).

Идея подушной подати, так же как и концепция коллежской реформы, не принадлежала Петру, да и сама по себе отнюдь не была отмечена печатью финансового гения. Она не учитывала экономических возможностей плательщика (в отличие от прежнего посошного обложения «отсталой» России XV—XVI веков) и не приводила к разорению части крестьян лишь потому, что существовала община, раскладывающая в своих пределах подати по степени состоятельности хозяев. Без общины реформа была бы невозможна. Кроме того, она исходила не из потребностей развития страны, а из механической раскладки увеличившихся даже по сравнению с военным временем расходов на полевую регулярную армию (4 млн. руб.) на число плательщиков. Поэтому попытки контрреформы, предпринятые в 1725—1730 годах, были вполне естественными и уместными: беда лишь в том, что замены найдено не было — до того новая система оказалась для государства удобной и простой, несмотря на ее очевидную топорность и многочисленные издержки.

Реформа привела к росту податного бремени на 16% даже по сравнению с войной (а если учесть другие расходы крестьян, сопровождавшие введение подушной системы, то не менее чем на 60%). По сравнению же с 1680 годом налоги выросли в три раза. Стремление увеличить число плательщиков привело к сужению рынка потенциального вольнонаемного труда, расширению сферы крепостнических отношений. Именно при Петре начала оформляться жесткая паспортная система в России. Реформой предусматривалось и расселение полков по деревням. На практике это привело к громадным расходам крестьян на постройку полковых дворов, к усилению вмешательства армии в жизнь деревни и насаждению в ней полицейских порядков.

Как-то забывается, что прямые налоги давали лишь половину государственного бюджета России: вторую половину приносили доходы от косвенных налогов. Существенную долю работы по формированию бюджета составила подготовка так называемой Окладной книги, фиксировавшей поступление косвенных налогов по местностям России. Составление книги началось в связи с разработкой «Государственного штата» и штата флота (финансировавшегося из этих налогов), шло параллельно с подготовкой и осуществлением податной и городовой магистратской (1721) реформ и завершилось в 1724 году.

Вероятно, с общим осмыслением финансового состояния России и работой над бюджетом связан и переход петровского правительства к активной протекционистской политике (1718—1723). Правительство понимало ограниченность прямого обложения: следовательно, источником пополнения бюджета должен был стать рост доходов от косвенных налогов, возможный лишь благодаря развитию отечественной торговли и промышленности. Именно в этот период началось активное строительство казенных металлургических заводов на Урале; усилилась поддержка частного предпринимательства, началось активное создание крупных частных мануфактур. Во многом это были последствия второго европейского визита Петра. Начинается подготовка нового протекционистского таможенного тарифа (1724), оказавшегося, правда, не совсем удачным (должная мера протекционизма оказалась нарушенной, и тариф грозил подорвать кустарное крестьянское производство полуфабрикатов). Кроме того, осуществление тарифа повело к резкому увеличению контрабанды, контролировать которую было почти невозможно.

Создание казенной промышленности не было для Петра и его советников самоцелью, а предусматривало постепенную передачу заводов в частные руки. Появление крупных предприятий при ограниченности и нестабильности купеческих капиталов, отсутствии опы-

та и высоких начальных затратах вряд ли было осуществимо для частников. Эта тенденция отразилась как в регламенте Камер-коллегии (1723), так и в конкретных планах передачи рудных месторождений и заводов частным лицам[13]. Этой стороной своей деятельности Петр не очень-то напоминает «творца административно-командной системы», хотя, конечно, объективная логика создания мощной милитаризованной империи в феодальной стране обычно вела именно к использованию насилия и внеэкономических методов во внутренней политике.

Логика создания эффективного государственного аппарата требовала в конечном счете и реформы законодательства. Намечается частичная реформа судебной системы (введение надворных судов, например), в 1718—1724 годах идет составление нового Уложения, по форме и внешней структуре опиравшегося на шведский образец, но по содержанию — на текущее русское законодательство и традицию[14]. Возможно, к 1724 году оно было бы и закончено, если бы работу не прервала обычная для Петра резкая смена настроений: в 1722 году он неожиданно приказал кардинально изменить принцип составления Уложения, разделив его на части, касающиеся гражданских преступлений и преступлений против государства[15].

Таким образом, в заключительный период царствования Петра обозначилась целая программа упорядочения финансового состояния и управленческих структур российского государства.

...Незадолго до этого Россия торжественно облачилась в новый парадный мундир: Ништадтский мир, символизировавший закрепление за Россией статуса европейской (т. е. мировой по тогдашним меркам) державы, через полтора месяца после его заключения обернулся пышными празднествами по случаю провозглашения России империей. Этот имперский титул носил подчеркнуто европейский характер, был своеобразным сертификатом, удостоверяющим приобщение России к европейскому сообществу. И не была ли призвана упомянутая программа увенчать собой переход к этому новому статусу? Подчеркнуто европейские формы новых учреждений настойчиво наводят на мысль об этом.

Но за этими формами скрывается порой весьма традиционное содержание: не стремление к прогрессу России, а попытка создать эффективную и сбалансированную бюрократическую структуру — не более того. Реформы заключительного периода царствования Петра скорее имели негативное влияние на развитие страны: европейские формы консервировали традиционные феодальные порядки, сужали потенциальные возможности экономического развития страны, втискивая Россию в жесткий каркас «Табели о рангах», увенчавшей реформы в 1722 году. Расходы на содержание армии и флота в петровскую эпоху достигли пика не во время Северной войны, а фактически уже после ее завершения — и последние петровские реформы предусматривали сохранение в полном объеме этого бремени и в мирное время[16]. Статус европейской державы и приобщение к мировому сообществу всегда обходились России недешево — платить приходилось обильной кровью и тощими кошельками своих подданных.

...Пора сбросить очередную маску и отправиться на поиски подлинного облика Петра. Царь вовсе не похож на «классического» европейского реформатора XIX—XX веков. И неудивительно, что наши настойчивые попытки натянуть на него эту привычную нам личину разбиваются о холодный скептицизм отзыва Екатерины II: «Он сам не знал, какие законы учредить для государства надобно».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анисимов Е. В. Петр I: рождение империи.//Вопросы истории. 1989. № 7. С. 3—20; Ланщиков А. Император-большевик.//Родина. 1992. № 3. С. 86—92.
2. Ланщиков А. Указ. соч. С. 92.
3. Милюков П. Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892.
4. Полное собрание законов Российской империи — наиболее полный сборник законодательных актов России, расположенных в хронологическом порядке. Первое собрание ПСЗ (ПСЗ-I) из 45 томов охватило период 1649—1825 гг. и было подготовлено и выпущено в свет в 1830 г. по инициативе М. М. Сперанского. В него не вошло около 1/3 законодательных актов Петра I.
5. РГАДА. Госархив. Ф. 9 (Разряд 9). «Кабинет Петра I», в который вошли материалы личной канцелярии Петра I и его ближайших преемников (Екатерины I; Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны — только отдельные документы).
6. Общественные деятели и философы, оказавшие определяющее влияние на развитие общественной мысли и социологических теорий в Европе XVII—XVIII веков.
7. Только в последнее время труды Милюкова вновь попали в поле зрения исследователей петровской эпохи. См. Водарский Я. Е. Петр I//Вопросы истории. 1993. № 6. С. 59—78.
8. Кротов П. А. Создание линейного флота на Балтике при Петре I //Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 313—331.
9. Основу флота петровской эпохи составлял линейный корабельный флот (суда по формальным признакам от 50 пушек и выше; 32-пушечные фрегаты (самый распространенный ранг) к ним не относились).
10. Сенявин Н. А. (ок. 1680—1738) — русский флотоводец, начавший морскую карьеру солдатом Преображенского полка с плаваний во время второго Азовского похода Петра. «Первый из россиян, одержавший победу на море» — в 1719 г. у острова Эзель взял в плен шведский 52-пушечный корабль, фрегат и бригантину, за что при праздновании Ништадтского мира в 1721 г. пожалован в контр-адмиралы.
11. Ласси П. П. (1678—1751) — ирландец, перешедший на русскую службу в 1700 г. Участвовал в крупнейших сражениях и походах Петра (Полтава, Прутский поход). К 1720 г. дослужился до генерал-лейтенанта. Прославился во время русско-турецкой войны (1735—1739): дважды брал Крым, в том числе форсировал Сиваш.
12. Милюков П. Н. Указ. соч. С. 526.
13. Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985. С. 138—149.
14. Маньков А. Г. Проект Уложения Российского государства 1720—1725 гг.//Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 157—166; Его же. Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720—1725 гг.//Дворянство и крепостной строй России в XVIII в. М., 1975. С. 159—180.
15. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 17, 28—29, 68—70.
16. Бюджет флота, например, был увеличен с 1 млн. 200 тыс. руб. до 1 млн. 400 тыс. (т. е. на 17%) в 1724 г.

ВЧК и «Маленький Христос»

В фонде-коллекции «Документальные материалы по истории народов СССР» Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) сохранился оригинал письма известного анархиста Марка Мрачного (Якова Клеванского)[1], написанного на немецком языке в декабре 1923 года. Письмо это без конверта; адресатами корреспондента могли быть сотрудники анархо-синдикалистского журнала «Рабочий путь», выходившего в Берлине, — Соня Бьерклунд и Альберт Иенсен.

Этот документ до второй мировой войны хранился в парижском филиале Интернационального института социальной истории (г. Амстердам) и был конфискован в 1940 году германскими спецслужбами после взятия Парижа. В конце войны письмо Мрачного оказалось в числе трофейных документов, вывезенных Красной Армией.

03. 12. 1923

Дорогой товарищ!

Ваше письмо с 256 тыс. крон и газеты получил. Я благодарю Вас от имени Комитета в защиту арестованных революционеров России[2]. Для нас, а еще более для арестованных в России важно знать, что наши товарищи во всех странах о нас думают, и, как бы ни мала была сумма по сравнению с дороговизной в России, ее, наверное, хватит, чтобы на несколько дней облегчить жизнь четырем-пяти товарищам.

Несколько дней назад наш Комитет обратился за помощью в I. А. А.[3] Речь идет о двух товарищах, Иване Ахтырском[4] и Давиде Кагане[5], которые уже год считаются пропавшими без вести. Давида Кагана я знаю лично уже много лет. В 1917 г. он редактировал в Самаре анархистский журнал «Черное Знамя»[6]. Кроме того он работал в анархистской федерации Самары. Когда контрреволюционный генерал Колчак занял город[7], Давид Каган провел долгое время в тюрьме и только благодаря чуду избежал мученической смерти. В 1919 г. товарищ прибыл в Харьков (Украина). Там он жил в подполье (преследуемый большевистским правительством) под именем Лев Рубин. Он работал в анархистском издательстве «Вольное братство». В этом издательстве вышли кроме прочего «Взаимная помощь» Кропоткина[8] и «Общество будущего» Грава[9]. В июне 1919 г. мы должны были бежать под натиском деникинцев, и только Давид Каган (Лев Рубин) с несколькими товарищами остались там нелегально, чтобы продолжить нашу работу. Трудно описать, в каких ужасных условиях должна была работать наша маленькая анархистская группа в Харькове во время террора банды Деникина. Тюрьмы были переполнены. Рабочих, крестьян и революционеров всех партий сажали в тюрьмы, почти вся харьковская группа тоже была арестована. Некоторые наши товарищи, среди которых Бенджамин, Костя Окониевский, молодой 18-летний товарищ Хершель Цин[10] и другие, о которых мы еще должны рассказать, приняли мученическую смерть от палачей деникинцев. Давид Каган (Лев Рубин) был тоже в тюрьме. Каждый день, каждую ночь, каждый час он ожидал, что пьяные офицеры придут его убить. И все же за несколько недель до того, как большевики снова пришли в Харьков, ему удалось освободиться. Когда в январе 1920 г. большевики пришли в Харьков, они, вероятно, сначала стыдились препятствовать пропагандистской работе анархистов, которые еще совсем недавно вместе с многими коммунистами были освобождены из деникинских тюрем, но «идиллия» длилась недолго, и ЧК усердно принялась за работу. Весь анархистский клуб в Харькове был арестован, среди прочих также Давид Каган (Лев Рубин), который, снова ничего не зная о своей участи, сидел в тюрьме, которая еще со времен царизма была известна под именем «Каторжная тюрьма на Холодной горе». Когда я в июне 1920 г. прибыл в Харьков из Сибири, небольшой круг товарищей решил освободить Давида Кагана, и это им удалось. В июле, августе, сентябре он снова жил в подполье в Харькове, принимал активное участие в работе подпольной конференции анархистской организации Украины «Набат» и был избран в новый секретариат конфедерации «Набат»[11]. Это было

время, когда требовалась нескончаемая энергия. Физически Давид Каган был очень слаб, он едва мог двигаться, и все же он делал все, что было в его силах. Потом было короткое перемирие. По договоренностям мятежной армии Махно с большевистским правительством анархистские организации должны были получить возможность легальной пропаганды на Украине[12]. Начал легально появляться печатный орган «Набата», и мы ежедневно получали приглашения с фабрик и предприятий прислать наших агитаторов и проводили большие собрания. Это были недели лихорадочной просветительной работы. Потом большевики снова порвали договор. Ночью 25-го ноября 1920 г. нас всех снова арестовали[13]. В Харьковской тюрьме находились около трехсот товарищей[14]. В одной камере были: А. Барон[15], Волин[16], Тарасюк[17], Давид Каган и я. Несколько недель спустя нас перевели в Москву, где я находился с Давидом Каганом в камере одной из самых страшных тюрем (один эпизод этого заключения я описал в «Крике о помощи» № 1)[18]. 26-го апреля 1921 г. все заключенные Бутырок были переведены в провинцию[19]. Давид Каган и еще примерно 12 политзаключенных, среди них также Фанни Барон[20], которая позднее была расстреляна ЧК, находились в тюрьме в Рязани[21]. С помощью некоторых товарищей Давиду Кагану удалось бежать. Перед моим изгнанием из России в декабре 1921 г.[22] мне удалось еще раз поговорить с Давидом Каганом, который тогда жил нелегально в Петербурге[23]. Несмотря на свою физическую слабость и личное горе (его ребенок умер во время его заключения), он еще вел политическую деятельность. Он работал над созданием объединения трудящихся в области экономики. С тех пор товарища Давида Кагана я больше не видел. Я знаю только, что вскоре после этого он был снова арестован и что ему снова удалось бежать из Бутырок вместе с Иваном Ахтырским; потом оба товарища были снова арестованы. В октябре 1922 г. они пропали без вести[24]. Нас очень беспокоит судьба этих двух товарищей, и мы надеемся на международную помощь наших товарищей, чтобы заставить Советское правительство сказать нам правду о состоянии здоровья обоих товарищей. Мне трудно описать, какой высоконравственной личностью был товарищ Давид Каган. Может быть, вы получите представление о нем, если я скажу, что среди товарищей он был известен под именем «Маленький Христос». Будучи строгим вегетарианцем, он часто вынужден был голодать как на свободе, так и в заключении. Его тело было слабым, он страдал малокровием, но он обладал редчайшим духом, какой я когда-либо встречал. Я надеюсь, что вы поинтересуетесь состоянием здоровья обоих товарищей и сделаете все, чтобы узнать что-нибудь определенное об их судьбах.

Мой братский привет Вам и Соне.

Марк Мрачный

P. S. Ваше последнее письмо заслуживало бы более обстоятельного ответа, но я вижу, что мои знания немецкого слишком скудны и что Вы меня неправильно поняли в организационном вопросе. Мое письмо и без того уже слишком длинное и Вы простите меня, если я похищаю у Вас так много времени. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы были так любезны и написали бы мне о проходящем сейчас революционном синдикалистском конгрессе[25].

ЦХИДК. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 40. Л. 1—4.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мрачный Марк (Клеванский), уроженец Харькова. Анархист-синдикалист (с 1907). В 1910—1914 гг. находился в эмиграции во Франции, затем возвратился в Россию, дважды арестовывался за пропагандистскую деятельность (1914, 1915). В 1918 г. — член «Революционного бюро» студентов Харькова (при гетмане П. П. Скоропадском). С начала 1919 г. — член Конфедерации анархистских организации Украины «Набат» и редколлегии одноименной газеты. В мае 1919 г. некоторое время находился по поручению харьковских анархистов у махновцев в Гуляй-Поле «для ознакомления с движением» и с началом наступления деникинцев отбыл в Харьков. С августа 1919 г. работал инструктором по внешкольному образованию на Урале и в Сибири, где «поставил типографию» для сибирских анархистов. В июне 1920 г. вернулся в Харьков, в августе участвовал в работе нелегальной конференции «набатовцев», вошел в состав Секретариата Конфедерации, был редактором газет «Голос махновца» и «Харьковский Набат». Участвовал в подготовке легального анархистского съезда, назначенного на 1 декабря 1920 г. в Харькове, арестован 25 ноября большевиками и в числе 40 лидеров анархистов вывезен в Москву. До мая 1921 г. содержался в Бутырской тюрьме, затем в Таганской. 5 января 1922 г. выслан из страны вместе с десятью другими анархистами. В Берлине стал одним из основателей «Заграничного Бюро Российской Конфедерации Анархистов-Синдикалистов», с 1923 г. — постоянный сотрудник журнала «Рабочий путь», сотрудничал в других эмигрантских изданиях («Американские Известия», «Голос Труженика», «Рассвет»). Был жив в 1931 г.

2. «Объединенный комитет защиты заключенных революционеров России» образован в июне 1923 г. в Берлине «для координации действий по защите преследуемых в России революционеров» из представителей «Объединенного комитета заграничных делегаций П. Л. С.-Р.» (И. Штейнберг), «Русского комитета защиты анархо-синдикализма при Международном Товариществе Рабочих», «Группы русских анархистов в Германии» (Волин), «Московского комитета помощи заключенным в России анархистам» (А. Беркман, секретарь — М. Мрачный). 25 июля 1923 г. в детройтской газете «Американские Известия» было опубликовано воззвание Комитета «Ко всем трудящимся!» (№ 84. С. 5—6), а с 3 октября 1923 г. стал выходить специальный Бюллетень Комитета (№ 1 опубликован в «Американских Известиях». № 100. 14 ноября. С. 5—6).

3. «Интернациональная ассоциация рабочих» образована в начале 20-х годов в Лионе.

4. Ахтырский Иван, анархист. В 1922 г. содержался в Бутырках вместе с Д. Каганом. После побега, описываемого в письме, вновь был арестован в октябре 1922 г. в Москве и с этого момента в среде российских анархистов считался пропавшим без вести. В 1925 г. чикагский ежемесячник «Голос Труженика» (орган русского отдела ИРМ) в № 5—6 (март—апрель. С. 23) сообщал, что о судьбе И. Ахтырского «ничего не известно».

5. Коган Лев (он же Коган (Каган) Давид, Рубин Лев, Давид Самарский, «Христос», «Маленький Христос») (?—1923), член анархистских организаций до 1917 г. В 1917 г. — редактор журнала «Черное Знамя» (Самара), член Федерации анархистов Самары. С 1918 г. много раз арестовывался и с небольшими перерывами находился в заключении при разных режимах (об этом говорится в письме М. Мрачного). С августа 1920 г. член Секретариата Конфедерации анархистов Украины «Набат». Арестован 25 ноября 1920 г. в Харькове большевиками, находился в местной тюрьме и вскоре вместе с 40 другими анархистами был вывезен в Москву. Содержался в Бутырской тюрьме, 13 февраля 1921 г. был освобожден на сутки (как и другие анархисты) для участия в похоронах П. А. Кропоткина. С 26 апреля 1921 г. — в Рязанской тюрьме. 19 июля бежал с рядом соратников из нее. Нелегально проживал в Петрограде вплоть до января 1922 г. Арестован, вновь помещен в Бутырскую тюрьму и опять бежал из заключения (вместе с И. Ахтырским). С октября 1922 г. в среде российских анархистов считался пропавшим без вести (после ареста в Москве). По данным чикагского ежемесячника «Голос Труженика» (№ 5—6. Март—апрель 1925 г. С. 23) был «расстрелян в 1923 г. как террорист».

6. Подробных сведений об этом журнале не обнаружено.

7. Самара никогда не была занята войсками А. В. Колчака. С 8 июня по 7 октября 1918 г. она находилась под властью Комитета членов Учредительного Собрания (Комуча).

8. Речь идет о следующем издании: П. А. Кропоткин. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков: «Вольное братство», 1919. 231 с. («Научно-анархическая библиотека»). В этом же году издание вновь вышло в Харькове (в типографии В. Г. Шеншелевича) и в Нью-Йорке (в переводе с английского В. П. Батуринского под редакцией П. А. Кропоткина). Одни из последних изданий этой работы выдающегося анархиста и ученого П. А.Кропоткина (1842—1921) в России вышли в 1922 и 1924 годах под разными наименованиями: «Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса» (М. — Пг.: «Голос Труда», 1922—VIII, 342 с.) и «Взаимная помощь среди животных и людей». (Общедоступное изложение по П. Кропоткину. М.: «На помощь», 1924. 62 с. (« Библиотека крестьянской взаимопомощи». Вып. 6).

9. Грав (Grave) Жан (1854—1939), известный французский анархист, издатель газеты «Новое Время» («Les Temps Nouveaux»).

10. Дополнительных сведении об этих анархистах обнаружить не удалось.

11. Конфедерация анархистских организации Украины «Набат» образована в ноябре 1918 г. на проходившей в Курске конференции анархистов Украины различных течений. Первый съезд «набатовцев» состоялся 2—7 апреля 1919 г. в Елисаветграде. В письме идет речь о работе Всеукраинской конференции «Набата» 3—8 августа 1920 г. в Харькове, когда Д. Каган был избран в новый состав Секретариата Конфедерации.

12. Речь идет о военно-политическом соглашении РВС повстанческой армии Н. И. Махно с правительством УССР, заключенном между сторонами 2 октября 1920 г. в Харькове. В соответствии с соглашением, на территории Советской Украины приостанавливались: 1) всякие судебные, административные или другие преследования лиц, арестованных за участие в действиях махновско-анархистских организаций, 2) всех вышеупомянутых лиц, находящихся под арестом, заявивших о своем отказе прибегать к вооруженной силе против власти УССР, надлежало немедленно освободить и восстановить во всех их правах, 3) все лица, принадлежащие к махновско-анархистским организациям, отказавшиеся от вооруженной борьбы с советской властью, пользуются наравне со всеми рабочими и крестьянами всеми политическими и гражданскими правами. По 4-му пункту соглашения, не подписанному сторонами, но предлагавшемуся махновцами, предусматривалась организация в районе действий махновской армии местным населением «вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная связь с государственными органами Советской Республики» (подробнее об этом см.: Волковинский В. Н. Махно и его крах. М., 1991. С. 169—171).

13. В ночь на 26 ноября 1920 г. воинские части Красной Армии и силы ВЧК, исполняя специальные приказы № 00149 /сш и № 00181/сш РВС Южного фронта (командующий М. В. Фрунзе), в нарушение договоренностей с махновской армией провели скоординированную операцию по ликвидации объединений анархистов в ряде украинских городов (Харьков, Киев, Полтава, Ромны). Формальным поводом для арестов в Харькове стала подготовка анархистами — «набатовцами» легального съезда, назначенного на 1 декабря 1920 г. В руки чекистов попал почти весь Секретариат Конфедерации «Набат», в том числе А. Барон, В. Волин, Л. Готман, Д. Каган, И. Кабась-Тарасюк, М. Мрачный, А. Олонецкий, Н. Чекерес-Доленко и другие. Среди арестованных оказались также члены военно-политической делегации махновцев, участвовавшие в переговорах с командованием Южного фронта (Буданов, Попов, Хохотва).

14. В ходе операции харьковских чекистов против анархистов было арестовано 346 человек.

15. Барон Арон Давидович (1891—?), российский анархист. В движении получил известность как член Киевского союза пекарей, был арестован за пропагандистскую деятельность, сослан в Сибирь, откуда вскоре бежал и вместе с женой Ф. Барон нашел прибежище в США. В 1915 г. вместе с Л. Парсонс редактировал анархистскую газету «Alarm» (Чикаго), принимал активное участие в американском рабочем движении. В июне 1917 г. вернулся в Россию, стал представителем киевских пекарей в местном Совете рабочих и солдатских депутатов, как лектор пользовался популярностью среди рабочих и крестьян. Осенью 1917 г. участвовал в боях с войсками генерала А. М. Каледина. С ноября 1918 г. член Секретариата Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат», редактор одноименной ежедневной газеты, издававшейся в Екатеринославе. В феврале 1919 г. арестован в Екатеринославе по приказу предисполкома Совета рабочих и солдатских депутатов В. Аверина за статью «Мы и они», опубликованную в «Набате» и направленную против большевиков, а также за «антибольшевистские» лекции. Из местной тюрьмы выпущен в конце марта 1919 г. Пытался стать одним из идейных руководителей махновского движения. Летом 1920 г. вместе с Я. Алым и И. Тепером выдвинул предложение силами махновцев захватить Крымский полуостров, «как удобный плацдарм для анархистских социальных экспериментов». Осенью 1920 г. арестован в Москве, более месяца содержался в подвале внутренней тюрьмы ВЧК. Освобожден в результате военно-политического соглашения советской власти с махновцами. Вернулся для пропагандистской работы на Украину. 25 ноября 1920 г. арестован в Харькове, в январе 1921 г. вывезен в Москву и помещен в Бутырскую тюрьму. В знак протеста голодал 11 дней. С 26 апреля 1921 г. содержался в тюрьме г. Орла. В

ноябре 1922 г. переведен в Харьковскую тюрьму и вскоре освобожден «для выезда за границу» и «для устройства личных дел». 18 декабря 1922 г. при явке в ГПУ в Москве в высылке из страны ему было отказано. 5 января 1923 г. по приговору получил два года ссылки в Пертоминский лагерь (отправлен этапом 1 февраля 1923 г.). В знак протеста против издевательств в июне 1923 г. попытался покончить с собой путем самосожжения. 17 ноября 1924 г. отправлен в Кемь, в декабре — во внутреннюю тюрьму ОГПУ, а затем в Новониколаевск. В 1926—1928 гг. отбывал ссылку в Енисейске (по другим данным, в г. Бийске). После окончания срока ссылки в 1929—1930 гг. переведен в Ташкент. Дальнейшая судьба неизвестна.

16. Волин (настоящая фамилия Эйхенбаум) Всеволод Михайлович (1882—1945), публицист, поэт, видный деятель российского революционного движения. В 1905—1911 г. член П. С.-Р., в 1911—1914 гг. — анархист-коммунист, с 1914 г. — анархист-синдикалист. С июля 1917 г. в России, лидер петроградского «Союза анархо-синдикалистской пропаганды», редактор газеты «Голос Труда». В марте 1918 г. возглавил партизанский анархистский отряд и отправился на Украину «для защиты Октябрьской революции от наступающих немцев». В ноябре 1918 г. участвовал в создании Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат», член Секретариата Конфедерации (1918—1920), один из редакторов газеты «Харьковский Набат» (с февраля 1919 г.). С августа 1919 г. в армии Н. И. Махно, председатель Военно-революционного совета (27 октября—25 ноября 1919 г.), один из идеологов повстанческого движения. 14 января 1920 г. арестован близ Кривого Рога чекистами, перевезен в Москву и в марте—октябре 1920 г. содержался во внутренней тюрьме ВЧК. Освобожден 1 октября 1920 г. Выехал в Харьков для подготовки съезда анархистов, арестован в ночь на 26 ноября. В январе 1921 г. переведен в Москву и помещен в Бутырскую тюрьму. В знак протеста против заключения провел десятидневную голодовку. В конце 1921 г. по запросу делегатов съезда Красного Профинтерна (на имя СНК) освобожден и в числе десяти анархистов 5 января 1922 г. выслан за границу. Сотрудничал в различных анархистских изданиях. В 1923 г. — лидер «Группы русских анархистов в Германии», один из создателей «Объединенного комитета защиты заключенных революционеров России». В дальнейшем один из активных деятелей «Издательского комитета Н. Махно» в Париже, готовил к печати 2—3-й тома мемуаров Махно (1936—1937), занимался другой литературно-публицистической деятельностью.

17. Тарасюк-Кабась Иван, анархист-синдикалист, получил определенную известность в эмиграции как деятель «Союза русских рабочих» (США). В Россию вернулся в 1917 г. и сразу вошел в секретариат Федерации анархистов в Екатеринославе и в бюро анархистов Донбасса. Весной 1918 г. входил в Федерацию анархистов Саратова, принял участие в майской конференции анархистов. С 1919 г. — секретарь Гуляй-Польской группы анархистов «Набат», считался заместителем Н. И. Махно, в следующем году вошел в Секретариат Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат». 26 ноября 1920 г. арестован в Харькове чекистами и в январе 1921 г. вывезен в Москву, где содержался в Бутырской тюрьме. С 26 апреля 1921 г. — в Рязанской тюрьме, откуда вскоре бежал, но был опять арестован. По приговору от 4 января 1922 г. получил два года ссылки. С апреля 1922 г. по 15 апреля 1923 г. находился в Холмогорском лагере, затем отправлен в Пертоминск. Освобожден по амнистии. В 1925 г. вновь арестован («за переписку с заграничными товарищами»), отправлен в ссылку в Брянск, в июле переведен во внутреннюю тюрьму ОГПУ, в августе сослан в Архангельск. Летом 1926 г. выслан в Кокчетав, где находился до конца 1929 г., а затем был отправлен в ташкентскую ссылку. В 1932 г., по данным парижского журнала «Дело Труда», (июль—август. № 72. С. 19—20), все еще «находился в ссылке в Ташкенте с продлением срока на один год». Дальнейшая судьба неизвестна.

18. Выходные данные этой публикации М. Мрачного установить не удалось, но в декабре 1925 г. в чикагском ежемесячнике «Голос Труженика» (№ 14. С. 24—25) появилась статья «Крик о помощи. (Письмо рабочих)», принадлежащая ему и описывающая ситуацию в бразильском рабочем движении и репрессии правительства против рабочих.

19. 25 апреля 1921 г. в Бутырской тюрьме при развозе политических заключенных по провинциальным тюрьмам произошло массовое избиение арестантов, спровоцированное охраной тюрьмы.

20. Барон Фанни Анисимовна (?—1921), российская анархистка. В движении с 1912 г., в годы первой мировой войны вместе с мужем А. Д. Бароном находилась в эмиграции в США, принимала активное участие в местном рабочем движении. С июня 1917 г. в России, получила известность как пропагандистка анархизма. 25 ноября 1920 г. арестована в Харькове, в январе 1921 г. вывезена в Москву (содержалась во внутренней тюрьме ВЧК, затем в Бутырках). С 26 апреля 1921 г. — в Рязанской тюрьме, откуда 19 июля бежала в группе анархистов. В сентябре была арестована в Москве, признана соучастницей уголовных преступлений «анархистов подполья», обвинявшихся «в совершении «эксов», ряде безмотивных убийств, изготовлении фальшивых денег и грабежей под маской анархизма». Несмотря на тот факт, что в отношении Ф. Барон у следователей не было прямых улик, 27 сентября 1921 г. по приговору МЧК в группе из десяти человек она была расстреляна. Эмигрантские издания тех лет не без оснований видели в названном деле «провокацию чекистов». Официальную версию следствия см.: «Раскрытие шайки анархо-бандитов. От Московской ЧК по борьбе с контрреволюцией» //Известия ВЦИК. 1921. 30 сентября.

21. По некоторым данным, с апреля 1921 г. в Рязанской тюрьме находились следующие анархисты, составившие впоследствии основу группировки «анархистов подполья» (бежали из тюрьмы 19 июля 1921 г.), казненных по приговору МЧК 27 сентября 1921 г. в Москве: И. Н. Гаврилов, Т. Каширин, Т. П. Силантьев, С. Д. Барон, В. И. Фаер, Ф. С. Чубанов, М. Н. Романов, В. С. Потехин.

22. М. Мрачный был выслан из Советской России 5 января 1922 г. в группе из десяти человек. Подробнее см.: Максимов Г. П. (Гр. Лапоть). За что и как большевики изгнали анархистов из России? (К освещению положения анархистов в России). Штеттин: Издание Анархо-коммунистической группы, 1922. С. 3—31.

23. Правильно: «в Петрограде».

24. После ареста в Москве.

25. Речь идет о 1-м конгрессе Международного Товарищества Рабочих (Революционного Синдикалистского Интернационала), проходившем в декабре 1923 года в г. Инсбруке (Австрия).

Публикацию подготовили кандидаты исторических наук
Т. ВАСИЛЬЕВА
и В. КРИВЕНЬКИЙ

КТО ЧИТАЕТ «РОДИНУ»?

Как вы помните, уважаемые читатели, в последнем номере прошлого года мы опубликовали социологическую анкету (автор социолог В. С. Бащинский).
Редакция хотела располагать полными и объективными данными, кто и почему читает «Родину», чего ждут наши подписчики от журнала в будущем.
Активность читателей превзошла самые оптимистические прогнозы: к апрелю 1994 года ответили более шестисот человек.

Все анкеты были обработаны на ПЭВМ (составитель программы — К. Р. Красновский). Вот основные итоги.

Возраст читателей «Родины»

до 20 лет	7%	от 45 до 50	11%
от 20 до 25	7%	от 50 до 55	6%
от 25 до 30	8%	от 55 до 60	10%
от 30 до 35	12%	свыше 60 лет	15%
от 35 до 40	11%		
от 40 до 45	10%	не указали	3%

Образовательный уровень наших читателей исключительно высок: 3/4 подписчиков имеют высшее образование, каждый четвертый — среднее или среднее специальное. Треть наших читателей получили высшее гуманитарное образование, более четверти респондентов — историки. 2% имеют ученую степень и 4% — ученое звание.

Образование

среднее или среднее специальное	23%
незаконченное высшее	6%
высшее техническое	16%
высшее физико-математическое	2%
высшее естественное (биология, медицина)	8%
высшее экономическое, финансовое	3%
высшее гуманитарное,	8%
в том числе высшее историческое	28%
высшее военное, милицейское	6%

Сфера деятельности

промышленность	13,3%
сельское хозяйство	2,8%
средние и средние специальные учебные заведения	28,8
наука академическая	1,1%
наука прикладная	4,3%
сфера обслуживания	0,9%
военная служба	3,6%
строительство	5,3%
средство массовой информации	1,1%
медицина	4,4%
высшие учебные заведения	10,5%
транспорт, связь	3,2%
финансы, банки, биржи	0,2%
соц. обеспечение, страховое дело	0,5%
торговля и снабжение	1,4%
структуры исполнительной власти, министерства, ведомства	2,8%
структуры представительной власти	0,5%
общественно-политические организации	0,7%
другое, не упомянутое	14,6%

94,5% респондентов читают журнал регулярно. (К сожалению, читатели справедливо жалуются на хроническую задержку очередных номеров.) 3,2% читают журнал примерно 5—6 раз в году и лишь 2,3% ответивших — от случая к случаю, не чаще 2—3 раз в год.

Практически все респонденты (94,1%) являются подписчиками «Родины». 3,0% покупают журнал в киосках, 2,0% берут в библиотеках, 0,9% заимствуют у знакомых и родственников.

Любопытно, что лишь один читатель полагает, что журнал сильно политизирован, 22,0% респондентов утверждают, что он политизирован умеренно, 68,4% наших читателей, то есть квалифицированное большинство, уверены, что журнал сохраняет объективность без крайностей левого или правого толка. 5,5% полагают, что политическая позиция журнала размыта, 4,9% дали иные ответы.

Наряду с «Родиной» респонденты выписывают и читают следующие издания, направленность которых им наиболее близка:

«Правда», «Советская Россия», «День»	6,8%
«Известия», «Московские новости», «Литературная газета»	35,9%
«Комсомольская правда»	27,5%
«Московский комсомолец»	2,7%
«Коммерсант»	1,8%
другие издания	15,1%
не ответили	10,2%

Какие крупные тематические разделы и рубрики представляют для читателей «Родины» наибольший интерес? Наивысший балл (7 — «чрезвычайно интересно») был выставлен:

1. Тематическим номерам («Неизвестные войны России» «380 лет дома Романовых»)	66,1% всех опрошенных.
2. Россия до 1917 года	61,6%.
3. Россия от 1917 до 1985 года	38,1%.
4. Архивы истории (документы из бывших хранилищ КПСС, КГБ, других архивов)	37,1%.
5. Русская идея	32,0%.
6. Русское зарубежье	22,6%.
7. Россия в 1985–1993 годах	19,4%.

Особо подчеркнем, что доля подписчиков, давших отрицательную оценку («особого интереса не вызывает») тем или иным разделам и рубрикам, крайне невелика и колеблется в пределах от 0,5% (тематические номера) до 6,4% (история России в 1985—1993 годах).

Напомним, что «Родина» — популярный исторический журнал. Существуют ли значительные отличия в позиции историков-профессионалов от мнения всех подписчиков журнала, взятых в совокупности? Так была сформирована подвыборка из 155 анкет, заполненных лицами, имеющими высшее историческое образование (58,2% мужчин и 41,8% женщин).

Этой категории читателей журнал постоянно необходим в их профессиональной деятельности, поэтому 96,1% из них читают «Родину» регулярно, по мере выхода в свет, а 3,9% — 5—6 раз в году. Необходимо подчеркнуть, что 89,0% историков выписали журнал на 1994 год. В прошлом году среди историков было несколько больше подписчиков — 95,5%. Отказ от подписки обычно объясняется материальными трудностями, что особенно понятно, когда речь заходит о «ближнем зарубежье». Интересно, что никто из респондентов-историков не читает «Родину» в библиотеке, а многие дают журнал коллегам, ученикам, знакомым.

Историки склонны давать несколько более высокую оценку (72,9%) тематическим номерам, чем это делают все опрошенные, в остальном же мнения историков и прочих респондентов совпадают в мельчайших подробностях: и те и другие высоко оценили основные разделы и рубрики журнала. Отрицательная оценка профессионалов («особого интереса не вызывает») колеблется в пределах от 0,0% (история России до 1917 года) до 5,8% (русская идея). Однако это обстоятельство никак не влияет на оценку «Родины» теми и другими.

Почти каждый пятый историк упрекает редакцию в отсутствии острых, дискуссионных материалов, в малом числе «круглых столов»; причем историки делают это более настойчиво. Около 20% респондентов ждут от исторического журнала большей оперативности в освещении «злобы дня». Каждый десятый ставит нам в вину преобладание фактографии, дефицит глубоких аналитических, концептуальных материалов. Как видим, редколлегии журнала есть над чем подумать.

От редакции.

Всем, приславшим анкеты, выслана книга «Иосиф Сталин в объятиях семьи. (Из личного архива)», выпущенная нашим журналом.

Анализ социологического исследования провел

СЕМЕН ЭКШТУТ,

кандидат философских наук

ТАТЬЯНА ФИЛИППОВА

КАРЬЕРА ПЕТРА ШУВАЛОВА

Надменный временщик и одаренный государственный деятель; необразованный честолюбец и тонкий политик; глава «всероссийской помойки» и лидер «партии порядка»; ловелас и расчетливый супруг; скандальная личность и грозный поборник незыблемости самодержавия... Все эти полярные характеристики были даны современниками одному и тому же человеку — генерал-адъютанту графу Петру Андреевичу Шувалову (1827—1889). Самое поразительное состоит в том, что исходили эти оценки из одного социального круга — от высших сановников империи и видных общественных деятелей, людей опытных и профессионально наблюдательных в отношении своих коллег и политических соперников.

Конногвардеец, обер-полицмейстер, директор департамента общих дел Министерства внутренних дел, управляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, генерал-губернатор Остзейского края, посол в Лондоне, участник Берлинского конгресса и член Государственного совета... Не парадокс ли? На протяжении всей эпохи Великих реформ Шувалов, критически относившийся к либеральным преобразованиям, занимал ключевые посты в государственном аппарате, а в период консервативного «поправения» правительственного курса оказался на второстепенных ролях. Так уж сложилась за четверть века карьера этого государственного деятеля, само имя которого стало нарицательным для определения политики застоя, если не реакции, и чье вельможное могущество отразилось в данном ему современниками прозвище — «Петр IV».

Насколько верным с точки зрения исторической перспективы было подобное восприятие Шувалова? По праву ли можно удостоить эту личность почетным в европейской политической традиции званием «консерватор»?

НА ПУТИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ «КОРОНАЦИИ»

Фамилия Шуваловых среди помещиков обнаруживается — по рядным записям и актам — во второй половине XVI века. Среди предков и ближайших родственников нашего героя были личности примечательные: воевода, стрелецкий сотник, боярин, губернатор, знаменитый фаворит императрицы Елизаветы Петровны, способствовавший ее воцарению, — действительный тайный советник и действительный оберкамергер граф Иван Иванович Шувалов, а еще участники суворовского итальянского похода, дипломаты, земские деятели и даже католический монах.

Отец Петра Андреевича, Андрей Петрович Шувалов, долгие годы служил при дворе в должности обер-гофмаршала, отчего был чрезвычайно искушен во всех хитросплетениях придворной жизни. Мать Фекла Игнатьевна — вдова князя Платона Александровича Зубова, последнего фаворита императрицы Екатерины II, — отличалась непомерным честолюбием.

Начав службу в конной гвардии и не имея серьезного, систематического образования, Петр Андреевич, «чтобы не оставаться во фрунте», поступает в адъютанты к военному министру князю В. А. Долгорукому. В 1856 году он сопровождает князя Орлова на Парижский конгресс, а по возвращении получает должность флигель-адъютанта и вскоре назначается петербургским обер-полицмейстером с производством в генерал-майоры.

С этого времени начинается неуклонное продвижение Шувалова вверх по служебной лестнице. В 1860 году он директор департамента общих дел Министерства внутренних дел, с 1861-го — начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением С. Е. И. В. канцелярии.

Отчего же этот честолюбивый, родовитый и начавший преуспевать при молодом монархе человек избирает себе жандармско-полицейскую стезю, традиционно вызывавшую в русском обществе смешанные чувства опасения, настороженности и брезгливости? Острый на язык, желчный и хорошо осведомленный историк и публицист князь П. В. Долгоруков объясняет стремление Петра Андреевича к полицейской карьере своего рода «бытовым консерватизмом» — сочетанием непомерного честолюбия с отсутствием политических мнений. Он писал о будущем временщике как о человеке, который «готов служить всякому правительству, и хотя, по семейным преданиям своим и по расчету личных выгод, предпочитает самодержавие как самую выгодную форму правления для людей, сочетающих в себе бездарность с властолюбием и пронырливость с безразборчивостью, но готов служить всякому, кто облечет его властью, а где же еще больше власти в России, как не в государственной помойной яме, именуемой III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии?»[1]

Но прислушаемся и к другим голосам. Рациональный и практичный П. А. Валуев, министр внутренних дел, а впоследствии министр государственных имуществ, объяснял шуваловское пристрастие к полицейской карьере тем, что тот явно метил в министры[2], на место самого Валуева. III отделение было для Шувалова хорошим трамплином в Министерство внутренних дел. А видный судебный деятель А. Ф. Кони писал об «осо-

бом психологическом состоянии»[3] российского чиновника, которому свойственно стремление самому трепетать перед монаршим оком и вызывать подобный же трепет у подчиненных. Шувалову же, кроме того, хотелось вызывать трепет у самого монарха. Полицейская осведомленность и профессиональная бдительность давали ему эту редкую возможность.

Именно Шувалов как начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением в значительной степени был ответствен за нервическое беспокойство государя осенью 1861 года, во время студенческих беспорядков в Петербурге. Регулярно и напористо он нагнетал напряжение, донося Александру II о том, что «большинство профессоров не одобряют новых университетских правил и предлагают, между прочим, дозволить студентам заявлять свои требования начальству посредством депутаций, разрешить сходки и т. п...»[4]. А когда волнения вылились в демонстрацию в Колокольном переулке, Петр Андреевич, прискакавший к месту действия с пожарными трубами, чуть было не довел дело до штыковой атаки на студентов. Трагедия, слава богу, обернулась фарсом: на ружья солдат, взятые на прицел, и обнаженные сабли жандармов студенты ответили дружным смехом и криками «браво!».

Впрочем, Шувалов был не столь прост, чтобы ограничиваться политикой репрессий и запугиваний в студенческом вопросе. Так, он поддержал проект главноуправляющего II отделением С. Е. И. В. канцелярии М. А. Корфа, предусматривавший введение французской системы «открытых университетов», что парадоксально сочетало в себе просветительский оттенок с охранительным резоном. Ведь проект предусматривал уничтожить все, «что создает некоторое единство между студентами» и вселяет в них дух корпорации. Более того, в записке на высочайшее имя Шувалов развил охранительную сторону проекта, предложив «совершенно уничтожить студенчество как сословие» и превратить университетские курсы в ряд публичных лекций — что свидетельствовало, кроме прочего, о том, как широко понимал Петр Андреевич компетенцию своего жандармского поста.

Чины Императорской Главной Квартиры (конец 50-х годов XIX в.)
1. Н. Н. Слепцов. 2. Граф А. И. Мусин-Пушкин. 3. А. М. Рылеев. 4. Светлейший князь В. А. Меншиков. 5. Граф К. К. де-Ламберт. 6. Князь А. И. Барятинский. 7. Граф Н. Т. Баранов. 8. Граф В. О. Алленберг. 9. Князь А. О. Орлов. 10. Ф. И. Лефлер. 11. В. Б. Бажанов. 12. Граф П. А. Шувалов. 13. В. Н. Исаков.

Несмотря на некоторый налет скандальности во многих практических действиях и распоряжениях, несмотря на частые и не слишком оправданные отлучки за границу для поправления «нерасстроенного здоровья», Шувалов продолжал пользоваться расположением императора. Более того, постепенно он начал играть все более важную роль в складывавшейся правительственной группировке, которую наблюдатели, в зависимости от своей позиции, будут называть «партией порядка», «станом ретроградов», «нашими ториями». В 1864 году семейные связи и собственная энергия доставят ему должность генерал-губернатора Остзейского края.

Из своей новой должности Шувалов стремился извлечь максимум политического капитала. Для этого ему необходимо было, во-первых, избегать обострения напряженности в западных губерниях, что ему в целом удавалось, и, во-вторых, показать официальному Петербургу свою особую энергию и активность. Деятельность его в крае очень скоро, по наблюдению современников, приобрела лихорадочный характер «по части разных преобразований». Император оценил деловитость Петра Андреевича. Усиление позиций остзейского генерал-губернатора ощутили и его политические противники, такие, как либеральный военный министр Д. А. Милютин, и прежние единомышленники, такие, как П. А. Валуев. Столкновения — открытые и подспудные — происходили между ними все чаще. Валуев, идя ва-банк, как-то в беседе с Александром II даже предложил ему заменить себя на министерском посту Шуваловым, ибо «он прямо глядит в министры внутренних дел и потому только так деятелен в Прибалтийских губерниях»[5].

Но последовавшие за этим разговором события и воля самого Александра решили несколько по-иному судьбу нашего героя.

4 апреля 1866 года участник московского студенческого кружка Дмитрий Владимирович Каракозов совершил неудавшееся покушение на императора. Последовавшее за этим укрепление позиций «правых» в правительстве выразилось — в восприятии современников — в назначении Шувалова на пост шефа жандармов и главного начальника III отделения. Это был высший пост в чиновной иерархии репрессивного аппарата. В том году Шувалову исполнялось тридцать девять лет. Он только вступал в «возраст Цезаря», а политическая «коронация» его уже состоялась.

«ШПИОН EN CHEF»

Пришло время процитировать, наконец, Федора Ивановича Тютчева. Не только потому, что его известное четверостишие непосредственно посвящено Петру Андреевичу Шувалову, но и оттого, что оно почти целиком состоит из характернейших словесных стереотипов эпохи.

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй.

Внезапность возвышения, авторитарность претензий, феномен временщика — все слилось в этой оценке. С нею согласилась бы едва ли не большая часть тогдашнего общества. Гипноз всевластия Шувалова был сильным и устойчивым.

Однако самому Шувалову вскоре пришлось осознать довольно неожиданную и неприятную для него реальность. Внушающее страх III отделение — гроза обывателя, предмет ненависти передового общества — на поверку оказывалось не таким уж и всесильным.

В этих условиях Шувалов поначалу интуитивно, а затем все более сознательно разрабатывает двойную тактику. С одной стороны, он явочным порядком расширяет компетенцию своего поста, вникая в разнообразнейшие вопросы земской деятельности, местного управления, народного просвещения, военного дела, печати и т. д. С другой стороны, рядом преобразований по своему ведомству он пытается теснее связать его с общей системой государственного функционирования.

Прежде всего Шувалов стремится проявить себя как охранитель общественного спокойствия. На заседаниях Комитета министров в присутствии государя он все более «бьет на меры крутого насилия». В своем ближайшем окружении он постоянно говорит, намекая на свою особую осведомленность, о якобы неизбежных и почти готовых осуществиться мероприятиях, направленных против земств, новых судебных учреждений, печати и т. д. Шувалову на этот раз удалось сделать желаемое действительным. И ограничения не замедлили воспоследовать. Рядом законов и циркуляров земства ограничивались в своих материальных средствах и правах распоряжения ими. Особенно острую реакцию земских деятелей вызвал закон от 21 ноября 1866 года, устанавливавший предельные размеры для обложения торгово-промышленных предприятий.

Оборотной же стороной ограничения земской деятельности вполне естественно сделалось усиление административной власти. Закон, принятый при участии Шувалова 22 июля 1866 года, фактически делал губернатора полноправным «хозяином» губернии. Хотя, надо признать, глава III отделения в отличие от консерваторов более позднего времени все же не покусился на те границы, которые с момента введения земских учреждений разделяли сферы деятельности государства и общества.

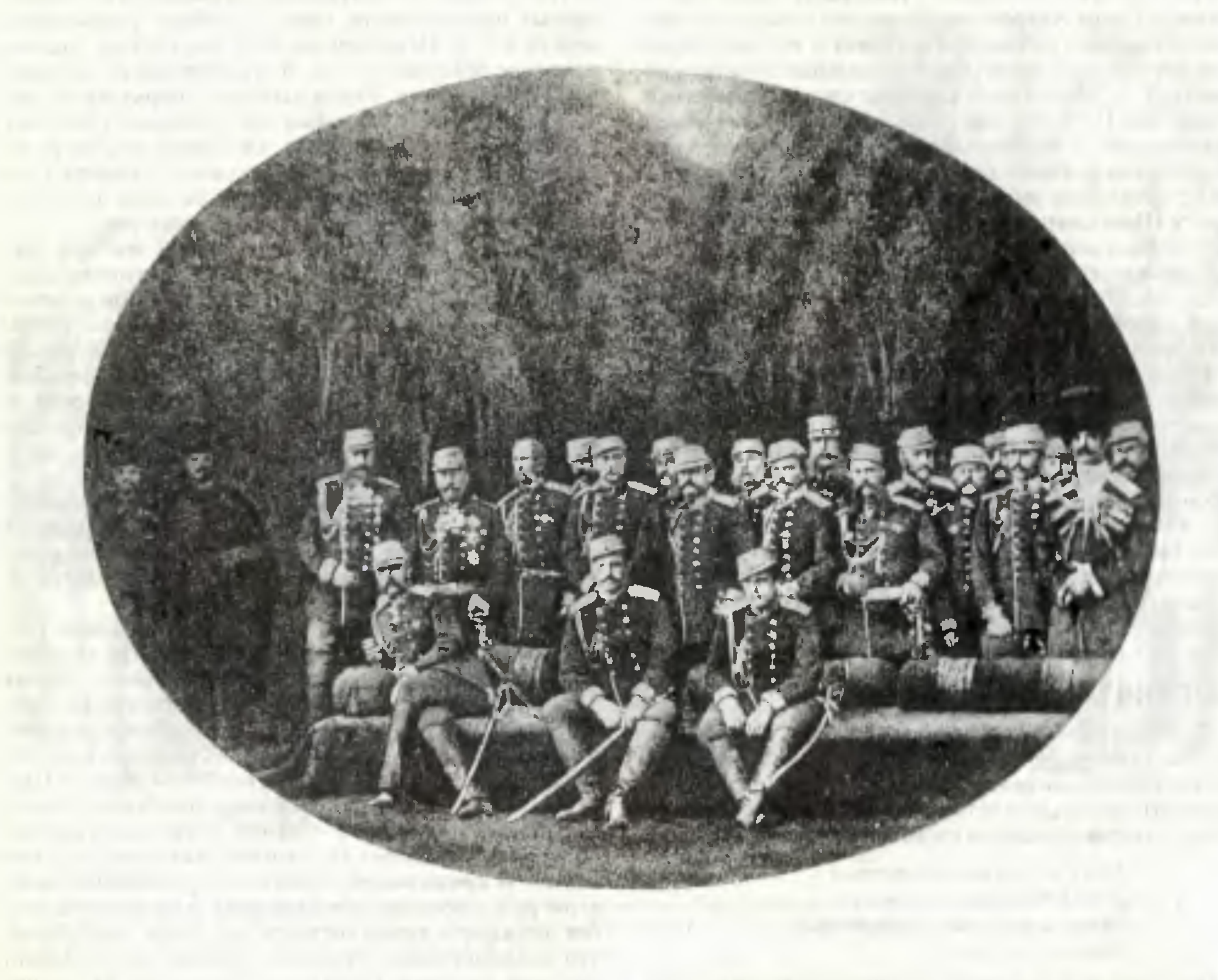
Таким образом, с первых лет своего «царствования» «Петр IV» ассоциировал свою позицию с курсом на «огосударствление» либеральных реформ, на придание административно-бюрократического характера их проведению на практике.

Замысел Шувалова был довольно остроумным. Так, не без помощи своего ставленника, министра юстиции К. И. Палена, он добился принятия закона от 19 мая 1871 года, согласно которому по политическим преступлениям и особо важным случаям общих преступлений чины жандармского корпуса ставились в подчинение прокурорского надзора. Подобным образом Шувалов создал жандармам устойчивое положение в государственном механизме — ценой порчи такой важной части новых судебных учреждений, как прокурорский надзор. В продолжение политики «сращивания» жандармерии с новыми учреждениями была введена особая должность юрисконсульта при шефе жандармов, что долженствовало «придать взглядам жандармерии внешний правовой характер». Назначение на эту новую должность одаренного, но обуреваемого страстью «пожить» прокурора Петербургского окружного суда М. Н. Баженова вызвало приступ саркастического веселья у современников. Один остроумный судебный деятель, узнав об этом назначении, воскликнул: «Не могу понять! Юрисконсульт при III отделении! Да ведь это все равно что сказать: «Протоиерей при доме терпимости»[6].

И все же не стоит упускать из виду проявившееся в подобных действиях стремление Шувалова хотя бы внешне придать правовой характер деятельности свое-

го ведомства, не игнорировать реальность состоявшейся судебной реформы, а попытаться приспособить деятельность III отделения к существованию новых юридических порядков — иногда, впрочем, за счет самих же этих порядков.

Спору нет, «шуваловский» период жандармско-полицейской части был далеко не самым либеральным в истории русской внутренней политики. Да и реально ли было видеть на этом посту либерала? Но вот статистика: за четыре последних года правления Шувалова состоялось 10 политических процессов, а за четыре следующих — 46. Из 277 обвиненных в политических преступлениях 211 были оправданы в 70-е годы (из которых первые четыре — шуваловские), и лишь 64—в 80-е. 19 мая 1871 года принимается пресловутый закон, воспринятый некоторыми современниками как «первый шаг судебной контрреформы», а меж тем 23 июня того же года происходит первый гласный политический процесс по новым судебным уставам[7].

Император Александр II и его свита на Гунибе 11 сентября 1871 года. Сидят — император Александр II, наследник цесаревич, великий князь Владимир Александрович; стоят — наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, генерал-адъютант М. Т. Лорис-Меликов, генерал-адъютант Б. А. Перовский, генерал-адъютант граф П. А. Шувалов, свиты Его Величества генерал-майор Н. В. Воейков и др.

Ясно, что Шувалов не мог не считаться с политической спецификой времени: импульсы либерального реформаторства и стремление к консервативной стабилизации действовали одновременно, осложняя картину жизни общества, придавая многоплановость политическим ролям государственных деятелей. В этом смысле широта амбиций Шувалова, его стремление проникать во все сферы государственной деятельности выглядят не только как признак его чрезмерного честолюбия, но и как проявление некой кризисности состояния политических институтов в ту переходную эпоху.

В отсутствие правительства в европейском смысле слова и уж тем более официальной оппозиции, которая вынуждала бы корректировать правительственный курс, самой власти все более не хватало новых инструментов, чтобы сдерживать натиск модернизации. В меру своего разумения, а вернее интуиции, Шувалов попытался создать такой инструмент. А воплотился он в своего рода коалицию его сторонников — «партию

порядка». Ядро ее составили: товарищ министра, а позднее министр юстиции, грозный, но недалекий граф Пален; трудолюбивый, желчный сторонник классического образования, министр народного просвещения и обер-прокурор Св. Синода граф Д. А. Толстой; министр путей сообщения граф В. А. Бобринский, родственник Шувалова. К четверке графов примыкал «с различными оттенками» министр внутренних дел А. Е. Тимашев. Несколько особняком, но все же в шуваловском фарватере пребывал склонный к рефлексии и критике Валуев.

Занятно, что поначалу «партия порядка» складывалась еще по привычным законам придворной камарильи, а не как политическая группировка. Все назначения, сделанные с подачи Шувалова в тот период, производились по принципу личной преданности ему или родственных отношений с ним. Все это свидетельствовало о традиционном комплексе временщика-царедворца, трудно сочетавшемся с тем обликом государственного человека, который начал вырабатываться в пореформенную эпоху. Своим обликом, манерами, нравом и поведением Шувалов эпатировал высокопрофессиональное, европейски просвещенное чиновничество, пополнившее правительственные круги в период разработки и проведения либеральных преобразований.

Ощутив на первых порах обманчивую легкость в реализации своих амбиций, новый шеф жандармов явно «зарвался». Когда Александр II в рескрипте председателю Комитета министров П. П. Гагарину от 13 мая 1866 года призвал «охранять русский народ от зародышей вредных лжеучений» и «удалять чиновников неблагонадежных», он во всеуслышание заявил, что ему, как начальнику тайной полиции, лучше всего будто бы известны «свойства и направления каждого лица», и потому именно ему следует предоставить право увольнять чиновников всех ведомств.

Самонадеянная попытка объявить себя высшей инстанцией в суждениях о политической лояльности вызвала скорый и резкий отпор со стороны двух очень серьезных политических противников Шувалова и его курса — либерально настроенного великого князя Константина Николаевича, председателя Государственного совета, и военного министра Д. А. Милютина, профессионала и умницы, человека энергичного и самостоятельного. На этот раз Шувалову пришлось отступить. Однако главным итогом этой стычки было то, что отныне расклад сил и распределение политических ролей стали ясными и для действующих лиц, и для их ближайшего окружения. Отныне борьба амбиций, заурядные интриги и взаимные обиды станут постоянным фоном для действительно серьезных разногласий.

Так было и в случае прямого вмешательства Шувалова в формирование экономической политики. Резкую критику с его стороны вызвали действия министра финансов М. Х. Рейтерна, вознамерившегося с целью реорганизации сметно-бюджетной части ограничить расходы ведомств. Не привыкшие чувствовать себя стесненными в средствах руководители ведомств по инициативе Шувалова постарались распространить в правительственных кругах мнение о том, что финансовые трудности начала 60-х годов были вызваны исключительно ошибками политики Рейтерна. Недовольство населения поселяет сомнения в способности правительства справиться с ситуацией, что, мол, в итоге непременно приведет к «земскому собору»[8].

В той же сфере, которая непосредственно относилась к компетенции Шувалова, стоит отметить два серьезных мероприятия: циркуляр Шувалова — Тимашева местным властям, который вменял им помешать студентам, приезжающим на каникулы в провинцию, вести агитацию среди крестьян и рабочих (предвидение «хождения в народ» 1874 года), и факт выдачи швейцарскими властями русского эмигранта, политического преступника со склонностями убийцы-уголовника Сергея Нечаева. Состоявшийся летом 1871 года процесс над Нечаевым, серьезно скомпрометировав нравственную состоятельность революционного движения, стал важной победой начальника III отделения.

Со временем, к началу 1870-х годов, опыт службы на одном из важнейших постов империи, реальная политическая осведомленность, наконец, общее возмужание ума и чувства постепенно освобождают Шувалова от комплекса всемогущего царедворца. Его поведение, мысли, дела и стиль становятся все более соответствующими современности, преодолевают архаику когда-то полюбившейся ему игры в екатерининского вельможу...

Что же касается созданной Шуваловым «партии», то главной трудностью, если не бедой, на этом пути было отсутствие достойных кандидатов в консерваторы для проведения достойного консервативного курса. В результате эта коалиция иной раз, по словам Валуева, «играла в правительство, как земства играют в палату депутатов»[9]. Поэтому возможно, что Шувалову все яснее становилась необходимость какого-то нового метода, способа, пути обновления консервативной политики, придания ей более конструктивного, действенного характера. На этом пути естественным союзником ему мог стать Валуев, давно и серьезно разрабатывавший проблему реорганизации исполнительной власти по типу европейских кабинетов министров и вопрос о введении представительного начала в законосовещательные органы власти. Отмечу, что ни та, ни другая идеи не встречали понимания у самой власти, ревниво оберегавшей свою самодержавную исключительность. Однако Шувалов, опираясь на профессионализм Валуева, все же рискнул при обсуждении в правительстве узкого круга сельскохозяйственных проблем выступить с очередным проектом введения выборного начала. По замыслу Шувалова, в состав соответствующей комиссии должны были войти в ы б о р н ы е сословные и общественные представители с весьма ограниченными полномочиями. При всей скромности такого предложения недруги охотно ухватились за этот повод и отплатили Шувалову его же монетой, возразив ему, что это, мол, похоже на начало Земского собора. На пути Петра Андреевича встало созданное когда-то им же самим пугало.

В скорой отставке Шувалова со своего грозного поста многие исследователи усматривали недовольство императора именно этим начинанием шефа жандармов. Однако, справедливо возражают другие, предложенная им комиссия все же была создана после его отставки, а значит, причина ее — в ином. А именно — в области психологии, в ее историческом измерении, инерции и причудах. Могущественный сановник, чье имя дало название целому периоду российской внутренней политики, допустил одну серьезную

сплошность. Своим высокомерием и апломбом он восстановил против себя княжну Екатерину Долгорукую — долгую, сильную и болезненную любовь Александра II. Оскорбленное самолюбие женщины и ревность фаворитки вернее всяких «конституционых» мечтаний сокрушили Петра Андреевича.

Интриги ее кружка были психологически очень точно выверены. Государю исправно сообщали о том, что его ближайший придворный отзывается о нем «крайне непочтительно и неприлично». А чего стоило одно упоминание при императоре известнейшего прозвища Шувалова — «Петр IV»! К тому же Александру Николаевичу, похоже, просто надоело бояться. Даже мнительная личность устает от эксплуатации кем бы то ни было своей слабости. Шеф жандармов и главный начальник III отделения исчерпал за восемь лет весь лимит тактики запугивания императора.

Не совсем точно рассчитав свои силы, Шувалов както, ссылаясь на крайнюю усталость, выразил желание занять какой-нибудь видный дипломатический пост. Через месяц за карточным столом и как бы вскользь он получил ответ императора — предложение поехать послом в Лондон. Предпочесть этому назначению Шувалов мог разве что отставку с государственной службы.

Одна мысль, думается, должна была особенно травмировать его самолюбие — то, к а к легко и к е м он был заменен на посту, которому придавал такое большое значение. На его место был назначен «крошечный ex-атаман, ум которого часто прозывался канареечным»[10], — А. Л. Потапов, в прошлом виленский генерал-губернатор.

Итак, Петру Андреевичу воздалось его же мерой. Его лишила власти и влияния на императора — именно как временщика и фаворита, по законам алькова — женщина. И случилось это в тот момент, когда сам Шувалов только начал преодолевать свой бытовой, патриархальный консерватизм во имя нужных и важных задач консерватизма просвещенного, политического. Однако на этом «зимнедворцовствование» графа Шувалова уже закончилось.

ОТ ЛОНДОНА ДО ВАРТЕМЯГ

Оказаться с важнейшей дипломатической миссией при одном из первенствующих европейских дворов, иметь дело с такими «зубрами» мировой политики, как премьер-министр лорд Биконсфилд и министр иностранных дел лорд Дерби, — все это было очень серьезным испытанием для деловых способностей графа Шувалова. Приобретенный в отечестве опыт, с учетом его специфически-полицейского оттенка, вряд ли мог особенно помочь на новом посту и в новой стране. К тому же задачи русского посла в Лондоне осложнялись нарастанием во второй половине 70-х годов серьезных противоречий между Россией и Англией в вопросе о Балканах и Средней Азии.

Дебют Шувалова не был удачен. Излишняя болтливость, весьма часто, по наблюдениям современников, посещавшая его, отнюдь не способствовала его успеху на новом поприще. Весь 1875 год он «снует между Лондоном и Парижем, потому что влюблен». Однако в следующем году дело резко меняется. Приближающаяся русско-турецкая война заставляет его серьезно заняться дипломатией.

Кульминацией же дипломатической карьеры Петра Андреевича стало его участие в подготовке и проведении Берлинского конгресса, подведшего итоги русско-турецкой войны и европейского кризиса. Его роли в этих исторических событиях различные круги в России и Европе давали прямо противоположные оценки.

Позор, бездарность, поражение! — слышались голоса из среды читателей «Московских ведомостей» и «Гражданина». «Печальные результаты...» — вздыхал император. Высокий профессионализм, чрезвычайные дипломатические способности— так оценивали работу Шувалова его коллеги — иностранные дипломаты[11].

Однако тогда в России меньше всего было тех, кто трезво и реалистично смотрел на ситуацию, понимая, что сохранить все завоеванное по Сан-Стефанскому договору с Турцией и не ввязаться при этом в очередной конфликт, но уже не с дряхлеющей Портой, а с мощной Англией, — было бы попросту невозможно. А потому уступки русской дипломатии были неизбежны, а выдержка и упорство в отстаивании того, что еще можно было отстоять, велики.

Позднее, летом 1880 года, в ответ на обвинения «святош, кликуш и всякого безмозглого сброда», Шувалов составит записку, в которой четко, немногословно и аргументированно отведет два главных обвинения: его препятствование вступлению русских войск в Константинополь и уступки, сделанные им на Берлинском конгрессе. Говоря о сложившейся тогда международной обстановке, Шувалов сразу же снимает с себя обвинение по первому пункту. «Если мы не вступили в Константинополь, — пишет он, — то только потому, что главнокомандующий не решился на это и даже не верил в возможность подобного шага. Впоследствии однако предпочли не возлагать ответственность за это на брата императора, а нашли более удобным свалить все на дипломатию, а именно на представителя России в Лондоне»[12].

Что касается второго обвинения, то Шувалов подчеркивает, что первоначально он сам был принципиальным противником созыва подобного конгресса, не без оснований опасаясь заключения на нем невыгодного России соглашения между Лондоном и Веной. Когда же Великобритания ввела свой флот в проливы, Шувалов взял на себя рискованную инициативу обратиться к вновь назначенному британскому министру иностранных дел маркизу Солсбери и достиг с ним соглашения продолжить переговоры об одновременном отступлении от Константинополя русской армии и британского флота. Кроме того, он взял на себя миссию сообщить германскому канцлеру Бисмарку об этих переговорах и предложить ему выступить с инициативой созыва конгресса. Успехом самостоятельных действий Шувалова были удивлены и в Петербурге, и в Берлине, и в Лондоне.

Месяц, проведенный в Берлине во время работы конгресса, остался для Петра Андреевича «самым тяжелым воспоминанием в жизни». Работать ему приходилось по 18 часов в сутки. Даже дипломатические противники русского представителя делали ему маленькие уступки в рабочем порядке, принимая во внимание растущее истощение его нервных и физических сил. На этом фоне холодная реакция официального Петербурга на результаты, достигнутые в Берлине, и горячая ненависть «невежественной и фанатичной в своих славянских тенденциях публики»[13] глубоко оскорбили Шувалова своей несправедливостью. Его профессиональная позиция вызывала скорее реакцию эмоционального отторжения, чем аргументированные претензии. В России уже разгорались шовинистические страсти, и делать какие-то уступки Англии, вообще вести дипломатию по-европейски становилось непопулярным.

В следующем, 1879 году Шувалов покидает свой пост в Лондоне. В Петербурге ему придется столкнуться с застарелой неприязнью тех, кто так долго трепетал перед всемогущим когда-то диктатором. В упрек лично ему поставят все: и растущую волну революционного терроризма, и антирусские высказывания Бисмарка, и взбудораженное Берлинским конгрессом общественное мнение...

В разгар народовольческой «дуэли» с самодержавием в феврале 1880 года Шувалов составил для государя записку. На нее никто не обратил внимания. А ведь в ней было сказано много справедливого. Он писал, что беда России в том, что в ней нет «правильных органов для выражения общественного мнения»; что «если нигилисты упорствуют в своих адских замыслах, то лишь потому, что рассчитывают на сочувствие общества»; что властям надо созвать представителей прессы для разъяснения им задач борьбы с нигилизмом. После трагических событий 1 марта 1881 года Шувалов еще серьезнее всматривается в положение дел в стране. Его интерес вызывает записка Б. Н. Чичерина «Задачи нового царствования» с предложенной в ней идеей пополнения Государственного совета членами, избранными дворянством и земством.

Шувалов менялся, но стереотип восприятия его обществом оставался прежним. Его имя продолжало оставаться нарицательным для определения политики реакции. Конечно же, в свой последний петербургский период он вовсе не стал либералом, хотя, как говорили многие современники, «сильно взял «лево руля»[14]. В самом деле, в конце 80-х он будет выступать против института земских начальников, ограничивавшего деятельность земств, против ужесточения русификаторской политики в Прибалтийском крае...

После Лондона у него еще было много незначительных дел, частных поручений и мелких интриг. И было разочарование. В жизни, в карьере, в судьбе. Эти горькие мысли иногда скрашивались охотой в его поместье в Вартемягах и очень часто — любимым бургундским. Участие Шувалова в многочисленных заседаниях многочисленных комиссий становилось все более символическим, а речи — все менее вразумительными.

10 марта 1889 года приходит известие о смерти Шувалова. Нарыв в ухе вызвал заражение крови и быструю смерть.

Потом — панихида в его доме на Миллионной, вынос тела в присутствии августейшей четы. Похороны в Вартемягах. Отпевание. «На обратном пути сильная метель»[15].

* * *

Как-то в старости Шувалов с горечью заметил: «Меня использовали в незрелом состоянии и отбросили, когда я созрел»[16]. Точнее не скажешь. В этом была беда не только Петра Андреевича, но и самодержавной власти как таковой. Консерватизм, не успевший стать просвещенным. «Консервативное обновление», не востребованное вовремя. Одиночество власти, не рисковавшей положиться даже на преданных ей «охранителей», если последние предлагали ей хоть что-то слегка изменить в ее природе.

И потом эта неизменная скандальность молодого Шувалова! Скандал был жанром его жизни. Пресловутые пожарные трубы в Колокольном, бесконечные и очень несвоевременные романы между Лондоном и Парижем. А подстреленный им как-то на охоте загонщик[17] — чем не сцена из «Летучей мыши»? Он часто бывал бестактен в пору своего всевластия, открыто называл своих подчиненных «моими скотами», шокируя коллег и общество[18]... И враги, и друзья не отказывали себе в злом удовольствии постоянно пересказывать эти неловкие и забавные случаи. Что было причиной тому? Плата за страх, который он внушал одним, или же зависть к экстраординарному могуществу, которую он вызывал у других?

Последний скандал вокруг личности Петра Андреевича разразился уже посмертно. 15 марта, на следующий день после похорон, суворинское «Новое время» опубликовало бранную статью со стандартным набором претензий к покойному по поводу Берлинского конгресса. Вдова послала дочь к императрице «просить заступничества от выходок прессы»[19]. По приказу государя «Правительственный вестник» печатает оправдательную статью, стремясь положить конец этой критике «с занесением на надгробие».

Но Петр Андреевич уже не мог ни оскорбиться бранью, ни порадоваться заступничеству. Его земные дела и помыслы предстали перед иным судом, о смысле которого он догадывался уже давно. Как-то он написал такие слова: «По мере того, как я старею и наблюдаю жизнь, я с каждым днем все более убеждаюсь, что все события направляются более могущественной волей, чем воля человека, и что роль личностей ничтожна...»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1992. С. 209.
2. Дневник П. А. Валуева. М., 1961. Т. I. С. 115.
3. Кони А. Ф. Избранное. М., 1989. С. 92.
4. Цит. по: Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: 60-е годы XX века. М., 1993. С. 65.
5. Дневник П. А. Валуева. Т. II. С. 84.
6. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 86, 87, 88.
7. См.: Троицкий Н. А. Царизм перед судом прогрессивной общественности. 1866—1895. М., 1979. С. 281—283; Он же: Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма. 1860—1882. М., 1978. С. 76.
8. См.: Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. М., 1981. С. 74.
9. Дневник П. А. Валуева. Т. II. С. 286.
10. Там же. С. 311.
11. П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 года// Красный архив. Т. 59. С. 109; Dictionary of Political History. L., p. 319.
12. П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе... С. 87.
13. Там же. С. 98—109.
14. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 93.
15. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 175—176.
16. Там же. С. 176.
17. Там же.
18. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 90.
19. Дневник... Половцова. Т. 2. С. 176.

Мария Максимовская.

«МЕЛОДИЯ ДЛЯ ТРЕХ ГЛАЗ»...

«Демоны Москвы».

«Летние игры спящих птиц».

«Красные сны на зеленой земле»

«Небо Цейлона над Сатурном».

«МЕЛОДИЯ ДЛЯ ТРЕХ ГЛАЗ»...

Один искусствовед «ориенталистской ориентации», рассматривая полотна Марии Максимовской, заметил, что в них есть что-то цейлонское.

Она откликнулась:

— А я родилась на Цейлоне.

Достаточно взглянуть на эту русейшую синеглазо-белокурую женщину, чтобы оценить загадочность ситуации. Я, во всяком случае, услышав это признание, не нашел ничего лучшего, как спросить:

— Ваш папа дипломат?..

Не совсем. Но вроде того. Но все-таки цейлонская реальность стала базисом детских воспоминаний? Тоже не совсем. Но около того. Родители вернулись в Москву так быстро, что ребенок неполных двух лет ничего, конечно, не запомнил. Но получил в свое распоряжение фотографии, слайды, фильмы, альбомы. Стало быть, Цейлон все-таки стал фоном? Не совсем... Лучше сказать: фоном стала «застойная» отечественная реальность, осознаваемая с тех пор, как наши войска вошли в Чехословакию...

Почувствовав, что передо мной классический пример разлада со средой, бунта против отцов и терзаний потерянного поколения, я, конечно, в этот вопрос вцепился. Цейлон — это что-то вроде утерянного рая в ситуации обретенного ада? Не совсем. Ад и рай смешиваются в тебе самом. Вы когда-нибудь носили камни в почках? Это и твое, и чужое: носишь и не можешь избавиться. Да, что-то сизифовское. Но ведь в полотнах — никакой тяжести, ничего свинцового, каменного. Гармония, певучесть линий, праздник... Пока не всмотришься.

Ищу аналогов. Вроде бы авангард. Но техника, техника! Это же что-то доисторическое: батик, что-то малайское, гималайское, африканское, цейлонское. Восковая маска по маркизету. В Европе этого не знали до гогеновских времен...

Гоген? Да, конечно. Но скорее Матисс — от его работ идет такая бешеная энергия. Скорее Генералич с его наивом. Скорее Бердслей: пластическая мера. Кроме того, у Бердслея нет «школы». А что, «школа» мешает? Да нет, просто не нужна. А детская художественная? Это не в счет: хорошо, что не испортили. А авиационный институт после школы? Это вынужденно. Впрочем, в МАИ «под крылом самолета» неистовствовала самодеятельность, требовавшая декоративных фонов; плоскости шесть на шесть приходилось закрашивать «малярной кистью», может быть, это и руку «поставило».

Руку — но не душу. Душа искала путей в другой мир. В параллельную реальность. Чтобы уйти из «этой».

Но неужели в «этой» реальности так-таки не было ничего родного? Ну, не совсем. Был, например, андеграунд. Цой? Нет, Цой слишком тяжел, социален. Скорее Гребенщиков — вот кто ищет гармонию внутри души, а не зовет перестраивать этот мир. Бог и дьявол — они ведь в самом человеке, иначе мы быстро друг другу шеи сворачивать начнем.

А «шестидесятники»? О нет, ни в коем случае! Их энтузиазм невыносим. Да, но все-таки у «шестидесятников» была тяга к просвету? Взять то же кино: Германа приемлете? Что?! Никогда! Терпеть не могу соцреализма, даже перевернутого. А Сокуров? Да уж скорее Сокуров... Но ведь и Сокуров социален в основе? Да, но музыка, чистота тона! Вот Виктюк: что он там про попов и нигилистов — этого не помню, но — вихрь декоративности! Стилистика должна превышать смысл. Надо не «повествовать» и не «изображать», а обволакивать чувство линией. «Про что» картина? Не знаю. Зритель придумает. И название — тоже.

Названия комментирует муж художницы, журналист Эдвард Максимовский.

— *Демоны Москвы*, — объявляет он. И поясняет тоном заговорщика: — *Портрет Лужкова.*

Я вижу изящество изогнутых линий, взметнувшихся в танце. Потом угадываю круглое лицо, словно разрываемое внутренними взрывными силами.

— *Летние игры спящих птиц.* — Взмах роскошных перьев, крыльев, хвостов под солнышком, а всмотришься — сцепились в смертном хвате клювы, и солнце — как налитой кровью глаз.

— *Красные сны на зеленой земле.* — Праздничный, матиссовски жаркий танец, а всмотришься: фигуры, взлетевшие в воздух, сейчас ударятся оземь.

— *Немезида.*— Расцветший диковинный цветок, а приглядишься: женщина, летящая к земле — за мгновение до удара.

— *Небо Цейлона над Сатурном.* — Ну вот, кажется, настоящий Матисс — крутящиеся танцующие фигуры. Но у Матисса жаром тел накален колорит, а здесь — что-то ледяное вдруг, что-то подводное, «осьминожье».

— *Утро на Сатурне.* — Праздник, праздник! Золотые косы, золотое платье. Но косы похожи на змей. И агнцы по второму плану не пасутся мирно, а бегут в ужасе.

— *Мелодия для трех глаз.* — Темнеет, густеет колорит. Вроде бы свирель, цветочки, листочки, а вдумаешься — стебли, растущие из головы, уже раздвинули череп, и два зрачка втеснились в один глаз, как камни в почку.

Кажется, Мария Максимовская с техники батика переходит на масло. Цейлонское, конечно, остается: декоративный Восток и певучесть линий. Каменная же тяжесть, взрывные силы и русская непредсказуемость — в потаенной глубине.

ЛЕВ АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук

Иоанн Антонович

Император Иоанн Антонович.

ГЛАВА IX
ОПАСНАЯ ФАМИЛИЯ

Значительно больше испытаний выпало на долю Брауншвейгской фамилии — свергнутого императора Иоанна Антоновича и его родителей. В Манифесте 28 ноября 1741 года императрица «из особливой нашей природной к ним императорской милости, не хотя никаких им причинять огорчений», всю фамилию велела отправить на родину в Германию. И действительно, январской ночью 1742 года из Петербурга выехал большой обоз в сопровождении конвоя гвардейцев под началом Василия Федоровича Салтыкова.

Когда кортеж не спеша добрался до Риги, императрица (вероятно, по совету кого-то из приближенных) справедливо рассудила, что на свободе, да еще за пределами России, Брауншвейгская фамилия крайне опасна. Возмужав, свергнутый император сам мог предъявить права на престол. Он мог также стать пешкой в руках иноземных недоброжелателей, готовых шантажировать императрицу. Поэтому, невзирая на заявления о природной милости, фамилию в Риге было велено взять под стражу. Оттуда узников через несколько месяцев перевели в Динамюндский форт, а в январе 1744 года — в Раненбург, крепость, сооруженную по чертежу Петра Великого для А. Д. Меншикова. Впрочем, Раненбург тоже признали неподходящим местом для ссылки опасной фамилии. После шестимесячного пребывания там узников решено было отправить подальше от столиц, в глухомань, причем Иоанна Антоновича отлучили от родителей. В Холмогорах свергнутый император содержался до 1756 года, когда глухой январской ночью его перевели в Шлиссельбургскую крепость. Остальные члены семьи продолжали жить в Холмогорах, где Анна Леопольдовна родила еще двоих сыновей. Во время родов последнего, в 1746 году, она скончалась. Ее супруг Антон Ульрих умер в 1776 году в возрасте 60 лет.

Самой трагичной оказалась судьба Иоанна Антоновича. Менялись владельцы императорской короны, но жизнь таинственного узника Шлиссельбурга оставалась неизменной — он был обречен на заточение как при Елизавете, так и при ее преемниках. Его считали опасным узником, в особенности Екатерина II, не имевшая никаких прав на престол. В изоляции коротал дни не только свергнутый император, но и стражники, его охранявшие и обслуживавшие.

Уже Елизавета сделала все возможное, чтобы вытравить из памяти современников само имя свергнутого императора: из обращения были изъяты монеты с его изображением, а также изданные от его имени указы. Все документы, в которых упоминалось имя Иоанна Антоновича, выдирались из дел и отправлялись в Москву. Они образовали особую коллекцию, и поныне хранящуюся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Любопытная деталь: правительство Елизаветы Петровны, во избежание употребления имени Иоанна Антоновича, назвало коллекцию так: «Дела под известным титулом». Информационный потенциал ее крайне низок, ибо в ней сосредоточены документы с октября 1740 по ноябрь 1741 года: в большинстве своем это неоконченные дела (без отражения начала и конца события), что крайне усложняет работу с ними.

Коротко о дальнейшей судьбе безымянного узника Шлиссельбурга. Режим его содержания предусматривал полную изоляцию от внешнего мира. Инструкция предписывала смотреть накрепко, чтобы в казарму, где размещался арестант, никого не впускали. Равным образом запрещалось и выпускать из нее арестанта. «Вам и команде вашей, кто допущен будет арестанта видеть, отнюдь никому не сказывать, каков арестант, стар или молод, русский или иностранец, о чем подтвердить под смертною казнью, коли кто скажет».

Приведем выдержки из донесения капитана Овцына, приставленного для охраны арестанта, за 1759 год. Май: «Об арестанте доношу, что он здоров, и хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался, что его портят шептаньем, дутьем, пусканьем изо рта огня и дыма». Июнь: «Арестант здоров, а в поступках так же, как и прежде, не могу понять, воистину ль он в уме помешался или притворничает. Сего месяца 10 числа осердился, что не дал ему ножниц; схватив меня за рукав, кричал, что когда он говорит о порче, чтоб смотреть на лицо его прилежно, и будто я с ним говорю грубо, а подпоручику, крича, говорил: «Смеешь ли ты, свинья, со мною говорить»... Во время обеда за столом всегда кривляет рот, головою и ложкою на меня, также и на прочих взмахивает и многие другие проказы делает». Июль: «Прикажите кого прислать, — истинно возможности нет; я и о них (офицерах. — *Н. П.*) весьма сомневаюсь, что нарочно раздражают; не знаю, что делать, всякий час боюсь, что кого убьет; пока репорт писал, несколько раз принужден был входить к нему для успокаивания, и много раз старается о себе, кто он, сказывать, только я запрещаю ему, выхожу вон» (Русский архив. 1864. Кн. V. Стлб. 386—387).

По заданию руководителя Тайных розыскных дел канцелярии Овцын спросил у арестанта, кто он. Тот ответил, что он человек великий, один подлый офицер все у него отнял и имя переменил. «Я ему сказал, — доносил Овцын, — чтоб он о себе той пустотой не думал и впредь того не врал, на что, весьма сердясь, на меня закричал, для чего я смею ему так говорить и запрещать такому великому человеку... Видно, что ноне гораздо более прежнего помешался; дня три как в лице кажется почернел, и чтоб от него не робеть, в том, высокочтимейший граф, воздержаться не могу; один с ним остаться не могу; когда станет шалеть и делает страшную рожу, отчего я в лице переменюсь — он, то видя, более шалит...»

Разумеется, полная изоляция и запрещение даже охранникам общаться с узником оказали влияние как на его психику, так и на его умственное и физическое развитие. Его инкогнито навещали Петр III и Екатерина II, причем последняя поделилась впечатлениями в своих записках. Полностью доверять императрице вряд ли следует — она была заинтересована в том, чтобы представить Иоанна Антоновича полным дебилом, лишенным способности даже связно говорить. Если неполноценность узника была бы столь очевидной, у Екатерины не было бы оснований ужесточать режим его содержания и поручать Никите Ивановичу Панину составить секретную инструкцию шлиссельбургскому коменданту, а также капитану Даниилу Власьеву и поручику Луке Чекину, непосредственно отвечавшим за охрану арестанта.

Принцесса Анна Леопольдовна.

В инструкции, считавшейся строго секретной, узник оставался безымянным даже для коменданта крепости, обязанного обеспечивать его быт. В сутки на питание арестанта выделялось полтора рубля; коменданту поручалось организовать посещение им церкви и строжайше соблюдать тайну его имени. Инструкция обязывала коменданта подавать рапорты обо всех происшествиях в крепости с периодичностью в две недели, а о лицах, в той или иной мере проявивших интерес к узнику, — немедленно.

Инструкция двум офицерам (кстати, изъятым из подчинения коменданту крепости) возлагала на них охрану узника и его воспитание. Власьев и Чекин были единственными лицами, допущенными к общению с арестантом. Более того, им вменялось в обязанность ни на минуту не оставлять его в одиночестве — один из них непременно должен был находиться в его покоях, а ночью их обязывали спать рядом с ним. Воспитательные функции ограничивались душеспасительными разговорами с целью подготовить узника к пострижению в монахи.

Под командой офицеров находились 12 солдат, один унтер-офицер и один капрал. Кроме них, два солдата готовили пищу и ухаживали за узником. Как это было принято в XVIII веке, инструкция предусматривала все детали содержания арестанта: «Во время ночное изнутри первые двери закладывать крюком, а другие запирать замком и ключи хранить у себя». Особо позаботились о том, чтобы никто из караульных солдат не мог видеть арестанта — во время обеда он должен был находиться за пологом.

Караульная команда во главе с Власьевым и Чекиным сама находилась на положении узников: караульным запрещалось покидать территорию крепости, попадаться на глаза посторонним и т. д. Самым важным пунктом инструкции следует признать четвертый, где говорилось об обязанностях охраны в случае, если будет предпринята попытка освободить арестанта. Тогда надлежало «арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать».

Как ни пытались сохранить в тайне имя шлиссельбургского узника,

Продолжение. Начало см. в № 10—12, 1993; № 1—2, 5—7, 1994.

слухи о том, что там находится Иоанн Антонович, не только стали достоянием гарнизона крепости, но и просочились в столицу, где шепотом рассказывались всякие были и небылицы об узнике. Сведения о нем стали известны и подпоручику Смоленского пехотного полка Василию Яковлевичу Мировичу, которым прочно овладела мысль свергнуть Екатерину II и посадить на ее место Иоанна Антоновича.

Заманчивая идея созрела у Мировича через пару лет после воцарения Екатерины. На рискованный шаг его воодушевили два обстоятельства. Одно из них — необычайная легкость, с которой на глазах у Мировича заняла трон Екатерина Алексеевна. Удачный переворот сопровождался наградами и пожалованиями, на которые рассчитывал и Василий Яковлевич. Во-вторых, у Мировича были личные претензии к Екатерине. Он приходился племянником известному Ивану Мазепе, чьи имения были конфискованы после измены, а родственники отправлены в ссылку в Сибирь. Служебная карьера Василия Яковлевича складывалась не лучшим образом, испытывал он и материальные затруднения. Он решил поправить свои дела хлопотами о возвращении хотя бы части местностей, некогда принадлежавших его дяде-гетману. Екатерина, к которой попала челобитная Мировича, отказалась удовлетворить его просьбу. Тогда подпоручик обратился с прошением о назначении ему пенсии. И в этом ему было отказано.

Все эти события происходили в апреле 1764 года, а уже в мае у Василия Яковлевича созрела мысль вручить императорский скипетр Иоанну Антоновичу. Эта попытка переворота существенно отличалась от предыдущих и по своему характеру и способу достижения цели была, пожалуй, ближе всего к перевороту, осуществленному Минихом. Их роднили конспирация и узкий круг посвященных лиц. Но одно существенное отличие в первом случае определило успех, а во втором — обрекло задуманное на неудачу: статус Миниха в военной иерархии резко отличался от статуса Мировича. Миних — фельдмаршал и президент Военной коллегии; Мирович — всего-навсего подпоручик. Миних опирался на гвардию, Мирович — на солдат нехотного полка.

Мирович, похоже, человек осторожный, подозрительный и достаточно основательный, доверил тайну замысла лишь своему прияте-

Антон Ульрих, принц Брауншвейгский.

лю — поручику Великолукского пехотного полка Аполлону Ушакову. Заговорщики взаимно обязались «о принятом своем намерении никогда никому не открывать и никого себе в сообщники не приискивать».

Однако случилось непредвиденное: Ушаков утонул, и Мировичу пришлось действовать одному — найти замену утонувшему он не смог. Составленный Василием Яковлевичем план, казалось бы, предусматривал все детали, начиная от ареста коменданта крепости, освобождения Иоанна Антоновича и доставки его в Петербург до составления манифеста о восшествии его на престол, текста присяги и определения судьбы свергнутой Екатерины («в уединенное место заточению предать»). Мирович совместно с Ушаковым изучал топографию Шлиссельбургской крепости и площади в Петербурге, где находился артиллерийский корпус, которому должен был быть представлен освобожденный из заточения император.

Мирович не учел лишь два момента, один из которых лишал переворот всякого смысла: подпоручик, конечно же, не знал о существовании секретной инструкции, обязывавшей стражников лишить Иоанна Антоновича жизни при попытке его освободить. Не рассчитывал Мирович и на сопротивление караульной команды.

Поначалу события развивались в соответствии с планом. Вопреки очередности Мирович напросился в караул Шлиссельбургской крепости. Операцию по освобождению Иоанна Антоновича он наметил на день, когда императрица находилась не в Петербурге, а в Риге.

В ночь на 5 июля 1764 года Мирович подал гарнизонному караулу команду «К ружью», взял под стражу коменданта крепости полковника Березникова, построил подчиненных солдат и двинулся с ними к казарме, где находилась гарнизонная команда, охранявшая узника. Вопреки ожиданиям, завязалась перестрелка. Мирович вновь построил команду, зачитал ей манифест, распорядился о доставке пушки.

Вскоре по взаимному соглашению перестрелка прекратилась. Мирович в сопровождении Чекина вошел в покои, где содержался Иоанн Антонович. На полу лежало его мертвое тело — инструкция была выполнена в точности. Мировичу оставалось лишь в отчаянии спросить у Чекина: «За что вы невинную кровь такого человека пролили?» — и распорядиться уложить его на кровать и унести из казармы. Отдав почести покойнику, он обратился к солдатам с речью:

— Вот, господа, наш государь Иоанн Антонович, и теперь мы не столь счастливы, как бессчастны. А всех больше за то я потерплю, а вы не виноваты и не ведали, что я хотел делать. И уже за всех вас буду ответствовать и все мучения на себе сносить.

Мирович был казнен.

Так закончилась жизнь свергнутого императора.

Теперь вернемся к событиям ноябрьской ночи 1741 года, когда младенец Иоанн Антонович был лишен престола. Рассказ о перевороте в пользу Елизаветы Петровны был бы неполным, если бы мы не коснулись вопроса о роли в нем французской и шведской дипломатии. К сожалению, историки располагают здесь далеко не первоклассным источником, требующим к себе весьма осторожного и критического отношения. Речь идет о депешах французского посла Иоахима Жана Тротти маркиза де ла Шетарди, действовавшего заодно с послом Швеции Эриком Матиасом Нолькеном. Дипломаты склонны к преувеличению и приукрашиванию своей роли в жизни двора, при котором они были аккредитованы. Проверить же их свидетельства не всегда возможно, ибо другие источники отсутствуют.

Например, если довериться Шетарди, то именно он и никто другой явился руководителем переворота и подвигнул на этот шаг робкую и нерешительную Елизавету. Чего стоит такое утверждение маркиза: в половине первого ночи 25 ноября, проезжая мимо дома посла по пути в казарму, цесаревна якобы дала ему знать, что «летит к славе». Не вызывает никакого доверия и заявление француза о детально разработанном им плане переворота, начиная с появления Елизаветы в казарме в ночные часы кончая составлением списка лиц, подлежавших аресту.

Отрицать роль маркиза в перевороте не приходится, но сколь безосновательно он ее преувеличивал, демонстрирует следующий факт, опровергающий основные положения донесения от 26 ноября 1741 года. Шетарди узнал о свершившемся перевороте только от курьера Елизаветы и был потрясен этим известием!

Старания шведов и французов в пользу цесаревны можно объяснить исключительно стремлением извлечь из ее воцарения собственные выгоды. Для Франции лишение трона Брауншвейгской фамилии было благоприятно в плане ослабления позиций ее извечного соперника — Австрии, которая в правление Анны Леопольдовны рассчитывала на помощь России. В перспективе французская дипломатия руками своей ставленницы Елизаветы рассчитывала вернуть Россию «по отноше-

Внутренний вид каземата в Шлиссельбургской крепости, в котором содержался и был убит император Иоанн Антонович.

нию к иностранным державам в прежнее положение», то есть вновь определить ее участь как захолустья Восточной Европы. Это не мешало послу щедро расточать обещания Елизавете и убеждать цесаревну, что во Франции «заняты лишь ею и ее выгодами», а король Людовик XV ничем так не обременен, как «мыслью способствовать ее счастью».

Неизмеримо большие выгоды сулило воцарение Елизаветы северному соседу — Швеции. Ее дипломатия вынашивала идею о возвращении прибалтийских провинций, отторгнутых у нее по Ништадтскому миру 1721 года. Этот шведский план носил следы явной авантюры: предполагалось, что Швеция объявит войну России, победоносно ее завершит, посадит на престол Елизавету и та в благодарность за оказанную ей услугу вернет ей земли, отвоеванные потом и кровью русского народа в Северную войну.

Согласно сведениям Шетарди, за достоверность которых он не ручался, честолюбивые помыслы Елизаветы Петровны стали проявляться с конца 1740 года: «Если верить дошедшим до меня из нескольких источников слухам, то существует недовольство, и простолюдины, боготворящие принцессу Елизавету, возносят мольбы о наступлении переворота» (донесение от 23. XII. 1740). Спустя десять дней, в январе 1741 года, маркиз доносил, что он сумел поговорить с Елизаветой и та «горько жаловалась на правительницу и фельдмаршала Миниха». Посол извещал своего министра о выгодах, которые могли извлечь Франция и Швеция за оказание помощи Елизавете: «Утвердить принцессу в намерениях, по-видимому благоприятных к Франции, или разделить по крайней мере благодарность, какую стяжает Швеция, поддерживая интересы принцессы Елизаветы».

Одновременно с французом контакты с Елизаветой установил и Нолькен. В отличие от Шетарди, довольствовавшегося устными заверениями Елизаветы, шведский посол затребовал от нее письменных заверений и обязательств: «Если провидению, убежищу угнетенных, угодно будет даровать счастливый

исход задуманному плану, не только вознаградить короля и королевство Шведское за все издержки этого предприятия, но и представить им существенные доказательства моей признательности».

Достаточно было проницательности даже цесаревны, новичка в политических интригах, чтобы под всяческими предлогами откладывать подписание составленного Нолькеном обязательства. Поставить свою подпись означало превратиться в заложницу шведской дипломатии даже в случае успеха переворота. Если же план провалится, то цесаревна уже не могла бы рассчитывать на заточение в монастырь — ее ожидала гораздо более суровая кара за предательство национальных интересов страны. Подпиши она эти обязательства — и ореол дочери Петра Великого сразу же поник бы. Лесток передавал Шетарди ход мыслей Елизаветы: французский посол должен войти в ее положение и согласиться, «что, как дочь Петра I, она должна быть более осмотрительной относительно завоеваний, сделанных ее отцом и так дорого ему стоивших».

Основательность опасений Елизаветы вполне разделил министр иностранных дел Франции. «Я ничуть не удивлен, — писал он Шетарди, — что принцесса Елизавета избегала предварительных объяснений о какой бы то ни было земельной уступке Швеции со своей стороны». Оба дипломата, министр и посол, вполне понимали, что она «сделается ненавидимой народом, если окажется, что она призвала шведов и привлекла их в Россию» (Сб. РИО. Т. 92. С. 247).

В конечном счете Нолькену так и не удалось уговорить Елизавету. Последнюю попытку он предпринял в канун своего отъезда в Стокгольм.

— Подлинник у меня в кармане, — заявил швед цесаревне, — и в одну минуту дело может быть окончено, потому что стоит только вашему высочеству подписать и приложить свою печать.

Но Елизавета уклонилась от подписи и на этот раз, сославшись на присутствие придворного, на верность которого она не могла положиться.

Мы не знаем, сколь серьезно собиралась выполнять цесаревна свои устные обещания — быть может, она отказалась бы от них на другой день после воцарения, — но ясно, что и эти словесные обязательства были даны в ущерб национальным интересам России. В случае, если скипетр окажется в ее руках, она бралась возместить Швеции все ее расходы на войну, выплачивать ей субсидии на протяжении всей жизни, предоставить шведским купцам торговые привилегии, поддерживать шведскую дипломатию на международной арене и т. п.

Таким образом, участие в заговоре французских и шведских дипломатов вписало не самую светлую страницу в историю переворота и, надо полагать, не оставило радужных воспоминаний у Елизаветы Петровны. Ее не могла не тревожить мысль об опасных последствиях, если тайные переговоры с послами станут известны правительству, а ее заинтересованность в нападении шведов на Россию окажется достоянием двора и армии.

Предполагалось, что в начавшейся войне русская армия не окажет сопротивления шведам, когда узнает, что они открыли военные действия ради защиты интересов наследников Петра Великого. Сопротивление русской армии будет парализовано выступлением заговорщиков. Успехи шведов на театре войны должны были вызвать чувство радости у цесаревны, ибо они расчищали ей путь к трону. Более того, по настоянию Елизаветы Петровны главнокомандующий шведской армией граф Карл Эмилий Левенгаупт выпустил манифест, обращенный к «достохвальной русской нации», в котором заявлял, что шведская армия вступила в пределы России ради единственной цели — освободить русский народ от несносного иноземного притеснения: жизнь и имущество русских людей находились во власти засевших в правительстве иностранцев. Манифест заканчивался заверением о желании Швеции дружить с Россией и призывом объединенными усилиями шведов и русских сбросить иноземное иго. Однако манифест не оказал никакого влияния на ход событий — его экземпляры отступавшая шведская армия оставила в одном из населенных пунктов, и они оказались в распоряжении русского командования: содержание манифеста осталось неизвестным «достохвальной русской нации». С манифестом Левенгаупта правительница и ее окружение были знакомы. Из его содержания они могли сделать вывод об усилении антинемецких настроений в столице и необходимости принять меры по своей безопасности, но не сделали ни того, ни другого.

Употребляя современную терминологию, действия Швеции явились грубым вмешательством во внутренние дела России. Однако мысль о том, что успех переворота зависит от помощи извне, настолько утвердилась в сознании цесаревны, что она искренне сожалела о сокрушительном поражении шведских войск под Вильмандштадтом.

В конечном счете хитроумные расчеты шведской дипломатии обернулись крупными просчетами. К счастью для Елизаветы Петровны, ее упования на иностранную помощь тоже оказались просчетом. Две тысячи червонных вместо обещанных 15 тысяч — таков скромный вклад Шетарди в переворот. В канун его, 24 ноября, он считал фантастичной такую возможность: «...если партия принцессы не порождение фантазии (а это я заботливо расследую, обратившись к ней с настойчивым расспросом), вы согласитесь, что весьма трудно будет, чтобы она могла приступить к действиям, соблюдая осторожность, пока она не в состоянии ожидать помощи от Швеции».

«Заботливо расследовать» шансы Елизаветы маркизу не пришлось. Ночью 25 ноября его известили об успешном перевороте, и ему пришлось спешить во дворец, чтобы поздравить цесаревну с восшествием на престол.

(Продолжение следует)

НАТАЛЬЯ ЛЕБИНА,
кандидат исторических наук

ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТОЙ

Как-то так повелось, что в исторической науке советского времени приоритеты прочно и надолго были отданы политической жизни страны в разных ее спектрах. Съезды, конгрессы, митинги, встречи на высшем уровне, субботники, коллективизация, индустриализация... Да мало ли поистине славных страниц в нашей истории?

И забывали о тех, кто в этом непосредственно участвовал, наблюдал, одобрял, рукоплескал — о простых советских людях. Не модно было изучать повседневную жизнь.

А все-таки, как он жил, что любил, чего боялся, что ел, во что верил — он, русский человек? Ответить на эти вопросы мы и попытаемся в новой рубрике.

«НЕИЗБЕЖНЫЙ ПУТЬ»

После прихода к власти партия большевиков забрала в свои руки так называемое «обычное право» церкви, то есть регулирование и контроль за фактами брака, рождения и, конечно, смерти. Декретом СНК РСФСР от 7 декабря 1918 года организация похорон была передана в ведение местных Советов, а кончина человека стала именоваться «актом гражданского состояния». Отпевание усопших в большинстве городов, и прежде всего в Петрограде, разрешалось только при получении удостоверения о регистрации смерти в советском учреждении. Церковные документы считались недействительными.

Накануне первой мировой войны комиссия народного здравия при Государственной думе рассматривала законопроект, который предполагал создание крематория по специальному разрешению Министерства внутренних дел. Сжиганию могли подвергать только лиц тех исповеданий, где допускался подобный способ погребения, а также в случае желания покойного. И все же крематорий в России не был построен.

Строительство крематория началось в январе 1919 года, в самый разгар голода и мора в Петрограде. Организационную работу возглавлял Б. Г. Каплун — племянник М. С. Урицкого, в 1919—1921 годах — член коллегии отдела управления делами Петроградского Совета. Местом строительства крематория избрали территорию Александро-Невской лавры. Естественно, что представители петроградской епархии были настроены весьма отрицательно к подобному решению.

На первых порах большевики уделяли крематорию особое внимание. Ю. П. Анненков вспоминал: «*Чрезвычайное увеличение смертности петербургских граждан благодаря голоду, всякого рода эпидемиям и отсутствию лечебных средств, а также недостаточное количество гробов, выдаваемых тогда напрокат похоронным отделом Петросовета, навело Каплуна на мысль построить первый в России крематорий. Это казалось ему своевременным и прогрессивным. Каплун даже просил меня нарисовать обложку для «рекламной брошюры», что я и сделал. В этом веселом «проспекте» приводились временные правила о порядке сожжения трупов в «Петроградском государственном крематории» и торжественно объявлялось, что «сожженным имеет право быть каждый умерший гражданин»*[1].

Строительство под девизом «Неизбежный путь» развернулось согласно плану. На территорию Александро-Невской лавры начали завозить стройматериалы. Но в декабре 1919 года подыскали другое место — на Васильевском острове, близ Смоленского кладбища. Конечно, можно усмотреть в этом факте политическую подоплеку — элемент попытки примирения с церковью. Но важнее оказались причины материального характера: нехватка средств и рабочих рук. Уже в начале 1920 года в наспех переоборудованном здании старой бани стали производить церемонии сожжения трупов. Первого покойника отобрали в городском морге. По иронии судьбы им оказался нищий. И в дальнейшем кремация производилась публично, при стечении многих зевак.

Каплун довольно часто наведывался в крематорий. По словам К. И. Чуковского, большевистский лидер говорил: «*Не поехать ли в крематорий?», как прежде говорили: «Не поехать ли к «Кюба» или в «Виллу Родэ»?*» (так назывались самые шикарные петербургские рестораны). Но обстановка в крематории была угнетающей. Тот же Чуковский писал в своем дневнике 1 января 1921 года: «*Все голо и откровенно. Ни религия, ни поэзия, ни даже простая учтивость не скрашивают места сожжения. Революция отняла прежние обряды и декорумы и не дала своих. Все в шапках, курят, говорят о трупах, как о псах*»[2]. Питерский крематорий просуществовал недолго, после отставки Каплуна он прекратил свою работу. Вероятно, поэтому первым в СССР считают московский крематорий, построенный в 1922 году.

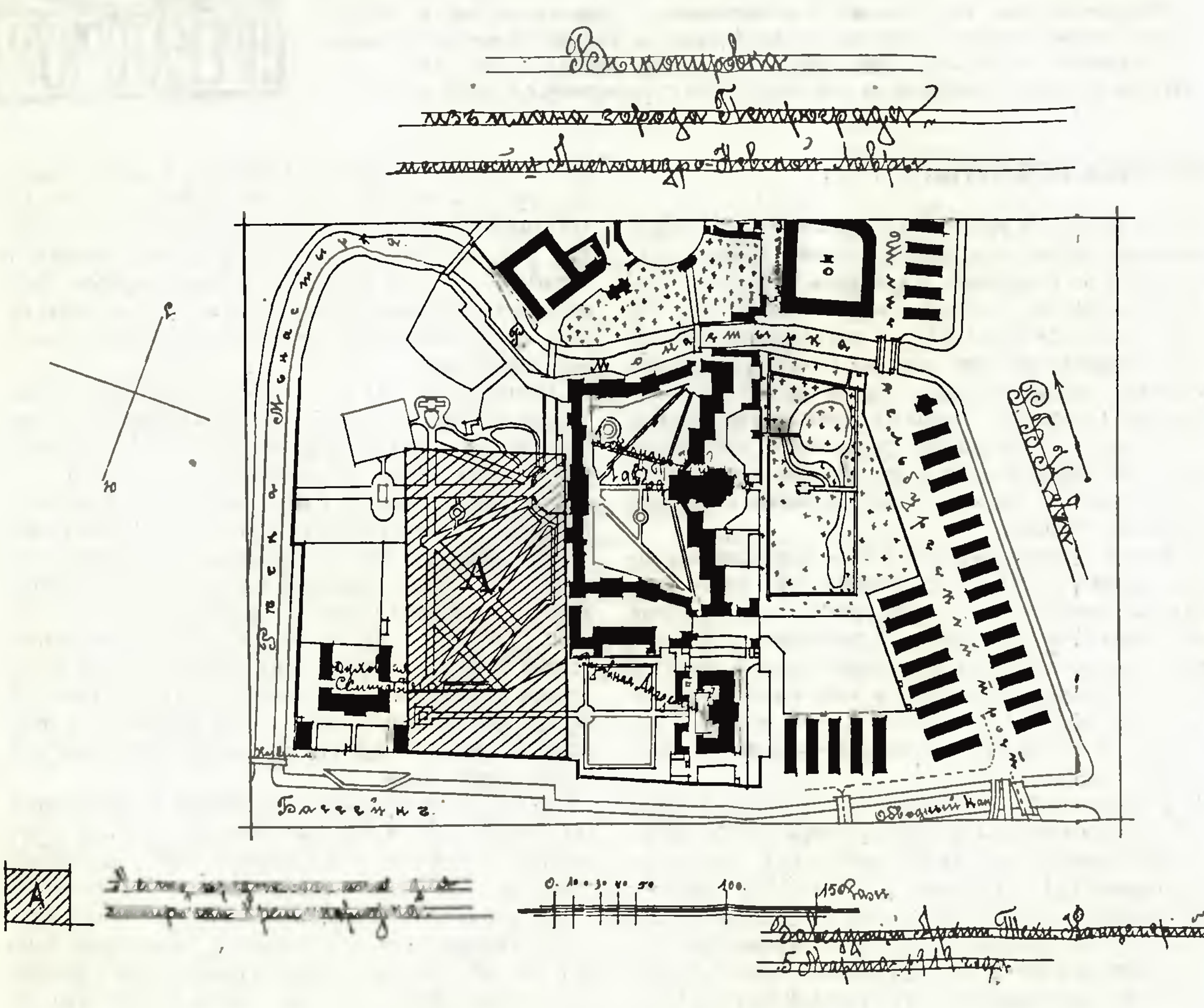
В 20-е годы власти Ленинграда не предприняли но-

вых попыток создания крематория, хотя в городе и действовало Общество содействия развитию идей кремации в России. Захоронение умерших горожан шло обычным путем, на кладбищах. Но и тут обряд приобрел ярко выраженный политический характер. На всех городских кладбищах появились специальные «коммунистические площадки», которые охранялись и тщательно убирались. На кладбище на территории Александро-Невской лавры прямо перед папертью собора с середины 20-х годов стали хоронить крупных партийных и советских работников. (Здесь в 1929 году была похоронена и З. И. Лилина — жена Г. Е. Зиновьева, одна из ярых гонительниц русской православной церкви.)

Тем временем старые кладбища приходили в упадок. Пренебрежение к «отеческим гробам», инспирированное, в частности, и шумными кампаниями по вскрытию мощей, захватывало новые поколения ленинградцев. Так, опрос молодежи в 1929 году показал, что большинство юношей и девушек поддерживали политику ликвидации церквей, а также кладбищ. Некоторые из опрашиваемых предлагали вообще сровнять с землей места захоронения предков, *«а на месте кладбища (*имелись в виду Охтинское, Смоленское, Волково. — *Н. Л.) разбить парк. Парк с театром, кино и культурными развлечениями»*[3].

ДОСТУПНАЯ ВЕРЕВКА

В дореволюционном Петербурге самоубийства были явлением довольно обычным, несмотря на то, что православная церковь осуждала суицид. Самоубийц запрещали хоронить по церковному обряду; незаконными в правовом отношении считались их предсмертные распоряжения. Покушавшихся на самоубийство могли подвергнуть тюремному заключению. Все эти положения фиксировались официальным законодательством

Выкопировка из городского плана Петрограда. Местность Александро-Невской лавры. А — территория, предполагаемая для постройки крематория.

Российской империи, что тем не менее не останавливало людей. Дореволюционная статистика свидетельствует о взаимосвязи количества самоубийств и социально-политической обстановки в обществе. Так, в Петербурге в 1910 году было зарегистрировано 38,5 случаев суицида на 100 тысяч жителей, а в 1915-м — то есть в период первой мировой войны — в три с лишним раза меньше. Довольно низким был этот показатель и в 1917 году. В 1918 году количество самоубийств несколько возросло, а с переходом города к нормальной жизни стало стабильно повышаться. Известный публицист В. Серж, вернувшийся в Ленинград в 1926 году, писал, что *«город живет ценой десяти-пятнадцати самоубийств ежедневно»*[4]. Конечно, это в определенной степени гипербола. Тем не менее уровень суицидности в бывшей российской столице в середине 20-х годов в 8 раз превышал общероссийский показатель. Ленинград занимал в это время седьмое место в мире по количеству совершаемых самоубийств. В 1929 году показатели суицида почти достигли уровня 1910 года — пика поражения первой революции.

В годы первых пятилеток волна суицида пошла на убыль.

У самоубийц (до и после революции) наблюдаются некоторые общие черты. Так, и в столице Российской империи, и в социалистическом Ленинграде среди самоубийц преобладали мужчины — около двух третей от всех покончивших с собой. Петербургские самоубийцы в среднем оказывались моложе, чем в России в целом, и вообще смертность от суицида в среде молодежи города была выше, чем у взрослого населения. Довольно стабильным был и такой показатель, как сезон совершения суицида. Летом и весной самоубийства происходили чаще, чем осенью и зимой. Существовало и вполне определенное время суток, на которое выпадало наибольшее количество случаев добровольного ухода из жизни: днем, примерно в 14—15 часов, и вечером, в 23—24 часа.

Но изменились способы самоумерщвления. Особенно это видно на примерах женских самоубийств. Если в 1912 году 70 процентов женщин совершили это с помощью яда, то уже в 1925—1926 годах — лишь половина, а в 1934-м — чуть больше четверти[5]. Сокращение фактов отравлений в 20—30-х годах по сравнению с дореволюционным временем свидетельствует прежде всего о нарастающей бедности. В 30-е годы большинству ленинградцев были совершенно недоступны уже известные и распространенные в Европе снотворные.

Самым распространенным способом ухода из жизни в социалистическом Ленинграде стало повешение: веревки были доступны. Большинство случаев самоубийств происходило по невыясненным причинам. Так, по данным 1925 года, в Ленинграде и Москве из 581 самоубийцы лишь 121 мотивировал этот акт в предсмертной записке[6]. Встречающиеся там формулировки весьма расплывчаты, и четко размежевать, что является мотивом для «душевного расстройства», а что — для «отвращения к жизни», представляется просто нереальным.

Вообще интерес, проявляемый советскими властными и идеологическими структурами к проблеме суицида, особенно в 20-е годы, на общем фоне явного обесценивания жизни человека кажется несколько странным.

Новое общество впервые задумалось об отношении к фактам суицида, когда в 1925 году было обнаружено, что среди умерших членов ВКП(б) самоубийцы составляют 14 процентов[7]. Среди людей, добровольно ушедших из жизни, оказались Е. Бош, Ю. Литвинов, Е. Глазман — личности, принадлежавшие к верхним эшелонам власти. Эти сведения явились толчком к партийной дискуссии. Ем. Ярославский, уже в 1924 году выступивший в «Правде» со статьей «Нужно сурово осудить самоубийства», на XXII Ленинградской губернской конференции ВКП(б) в декабре 1925 года заявил, что самоубийцами являются лишь *«слабонервные, слабохарактерные, изверившиеся в мощь и силу партии»* личности[8].

Вспышка суицида, связанная с трагической гибелью С. Есенина, активизировала идеологическую кампанию по осуждению лиц, добровольно ушедших из жизни. Мировая история уже знала подобные факты, которые в психологии и психиатрии получили название «эффекта Вертера». Покушение на самоубийство под влиянием примера — довольно характерное и не зависящее от социальной ситуации явление. Но что нашим идеологам до зарубежной науки! Общепринятой постепенно становилась точка зрения, отраженная в резолюции II всесоюзного психоневрологического съезда 1924 года: *«Та нервно-психическая атмосфера, которая создается в советской общественности, является лучшим предупреждающим и лечебным средством для борьбы с нервно-психическими болезнями»*. Лица, все же прибегнувшие к суициду, осуждались не менее рьяно, чем в царской России.

Но государство не могло остаться безразличным к причинам, толкавшим людей на добровольную смерть. Новая власть стремилась управлять личностью во всех сферах: производственной, общественно-политической, интимной. Суицид в определенной степени является свидетельством свободного выбора человеком своей судьбы, что не могло устраивать тоталитарное государство.

Летом 1926 года исполком Ленинградского Совета совместно с губкомом ВЛКСМ провел специальное обследование случаев самоубийства среди молодежи. Доклад инструктора губкома комсомола, обнаруженный в одном из петербургских архивов, не содержал цифровых данных (их засекретили и передали в органы ОГПУ). В докладе приведены факты самоубийств *«из-за любви»*, *«из-за постыдной болезни»*, *«из-за ссоры с родителями»* и т. п. Однако вывод сделан сугубо политизированный: средний самоубийца является *«законченным типом, интеллигентом, нытиком,*

склонным к самобичеванию»[9]. В том же случае, когда суицид совершался рабочим, его относили к числу людей, *«еще не переварившихся на фабрике»*.

«Отрыв от коллектива» считался главной причиной добровольного ухода из жизни. Подобная точка зрения постепенно становилась всеобщей. Так, комсомолки «Красного треугольника» в 1928 году считали причиной самоубийства своей подруги прежде всего отрыв от комсомола: *«Она совсем опустилась, ей ничего не оставалось делать, как отравиться»*. А молодые рабочие завода «Электросила» заклеймили поступок покончившего с собой комсомольца следующим образом: *«Это выродок... Он в коллективе активно не работал и был связан с одиночками»*[10]. Неофициально самоубийства приравнивались к таким фактам нарушения общественного порядка, как хулиганство, а нередко и более серьезным преступлениям. В большинстве ленинградских газет сведения о добровольном уходе человека из жизни публиковались в разделе «Происшествия» с нетактичными комментариями. 1 сентября 1929 года «Правда» в одной из статей под общим заголовком «Коммунары Ленинграда, смелее развертывайте самокритику, бейте по конкретным проявлениям правого оппортунизма» привела целый список фамилий членов ВКП(б), покончивших жизнь самоубийством после обвинения их в приверженности к правому оппортунизму.

Суицид в общественном сознании все больше и больше приобретал характер позорного явления. И примеры такого отношения подавали власть имущие, прежде всего И. В. Сталин. На попытку самоубийства сына Якова он, судя по письму к жене Н. С. Аллилуевой, отреагировал следующим образом: *«Передай Яше от меня, что он поступил как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего»*. Еще большей демагогией явилось отношение Сталина к факту самоубийства жены. Для основной массы населения советского государства Н. С. Аллилуева, как было сказано в некрологе от 10 ноября 1932 года, просто «скончалась» без указания каких-либо причин. Однако слухи о том, как ушла из жизни супруга вождя всех народов, распространились довольно быстро. Официальная же версия по приказу И. В. Сталина сводилась к смерти из-за «болезненного состояния». Неудивительно, что с начала 30-х годов властные и идеологические структуры стали вообще замалчивать сведения о любых самоубийствах.

И все же советские и партийные органы пристально следили за динамикой самоубийств. Сведения о всех фактах добровольного ухода ленинградцев из жизни, фиксируемые милицией, систематически поступали в обком ВКП(б), лично А. А. Жданову. Так, в 1935 году он тщательно рассматривал два сообщения. Первое касалось самоубийства работницы завода «Вулкан», которая, перед тем как повеситься, убила двух своих детей, 3 и 5 лет, и оставила записку следующего содержания: *«Сделала сама я от худой жизни»*. Подобный случай явно не вписывался в идиллическую картину жизни простого труженика, которую рисовала советская пропаганда. Второй факт, привлекший внимание Жданова, — это самоубийство бывшего работника Карельского обкома ВКП(б). По доносу его должны были вызвать в НКВД, где намеревались предъявить обвинение в контрреволюционной деятельности[11].

Суицид коммуниста в обстановке политического психоза, раздутого в Ленинграде и в стране в целом, рассматривался как дезертирство и даже как косвенное доказательство вины перед партией, что не могло в дальнейшем не повлиять на судьбу родных и близких. Это начали понимать очень многие, и неудивительно, что в минуты психологического срыва, влекущего за собой самоубийство, люди оставляли очень своеобразные записки. Зимой 1937 года в одной из ленинградских больниц застрелился лежавший там человек, член ВКП(б) с 1905 года. Вот текст его предсмертной записки: *«В смерти своей прошу никого не винить. Мучительные физические боли не дают мне возможности переносить их дальше. Политики в моей смерти не ищите. Был постоянно верен своей партии ВКП(б) и остался верен. А Великому Сталину нужно сейчас как никогда провести твердый и решительный разгром всех остатков вражеских партий и классов. Никаких отступлений. Жалею, что меня покинули силы в этот момент. Поддержите все же, если можете, товарищи, материально и морально мою семью. Прощайте. Счастливо и радостно стройте свою жизнь. Рот фронт»*[12]. Такие предсмертные записки должны были насторожить представителей властных структур, так как свидетельствовали о явном неблагополучии в социалистическом обществе. Однако советская система предпочитала рассматривать самоубийства лишь с политической точки зрения. А вскоре на отношение людей к смерти стали оказывать влияние массовые репрессии и политические судилища. Призывы к санкционированному убийству «врагов народа» стали нормой жизни общества, превращая смерть в некую обыденную деталь повседневности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. Л., 1991. Т. 1. С. 92—93, 94.
2. Чуковский К. И. Дневник. 1901—1929. М., 1991. С. 153.
3. Зудин И., Мальковский К., Шаламов П. Мелочи жизни. Л., 1929. С. 70.
4. Serge V. Memoirs of Revolutionary. 1901—1941. London. 1963. P. 199.
5. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 60. Л. 345.
6. Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг. М.; Л., 1929. С. 20—21.
7. Известия ЦК ВКП(б). 1925. № 34. С. 5.
8. Партийная этика: Документы и материалы. М., 1989. С. 246.
9. ЦГА ИПД. Ф. К—601. Оп. 1. Д. 735. Л. 1.
10. Там же. Ф. К—156. Оп. 1а. Д. 18. Л. 17; Ф. К—1791. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.
11. Там же. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1191. Л. 5; Д. 1197. Л. 164.
12. Там же. Д. 2332. Л. 115.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

ИСОВСКИЙ ФАРТ

Испанцы, обнаружившие в Южной Америке в период ее завоевания крупицы тяжелого тускло-серебристого металла, приняли его за низкопробное серебро (серебро по-испански — плата) и снисходительно нарекли серебришком (платиной). Из-за чрезвычайной плотности и тугоплавкости платине долго не находили применения, пока изобретательные ювелиры не установили, что она легко сплавляется с золотом и серебром, совершенно не отражаясь на их достоинствах. Фальшивомонетчики, воспользовавшись вслед за ювелирами ценным свойством платины, наводнили Испанию поддельной монетой. Разгневанный король запретил ввоз в

Закладка платинового рудника в Нижне-Тагильском округе (конец XIX в.).

метрополию злополучной платины. Чиновники таможен обязывались топить ее в море после изъятия у контрабандистов .

Дряхлеющая феодальная Испания нуждалась в огромном количестве благородных металлов. Тут-то и вспомнили о платине. По секретному распоряжению короля в XVII веке ее стали подмешивать к золотым дублонам и серебряным песо. Но властелины Испании отнюдь не являлись исключением. Страсть коронованных особ «для блага народа» делать деньги числом поболее, ценою подешевле — общеизвестна. Подвержены ей были и многие российские самодержцы.

БЕЛОЕ ЗОЛОТО

За величием и внешним благополучием Российской империи после победы над Наполеоном Бонапартом скрывалось плачевное состояние финансов. Война «съела» значительную долю золотого запаса. Тогда-то и обратились к опыту истории. Дипломаты поведали об одной из давних тайн Мадридского двора. А ученые, порывшись в фолиантах и отчетах экспедиций, заявили, что горные районы Колумбии, где испанские конкистадоры встретили «серебришко», близки по геологическому строению к отрогам Уральского хребта. Дабы окончательно рассеять сомнения, Александр I повелел офицерам Горного корпуса основательно обследовать недра Каменного пояса.

В 1819 году партия рудознатцев, работавшая в Гороблагодатском округе, сообщила в Уральское горное правление о неизвестном ранее «белом золоте», найденном в одной из золотоносных россыпей. За пять лет поисково-разведочных работ было открыто несколько месторождений «белого металла». Его запасов с лихвой хватило для надобностей финансового ведомства.

Но прежде чем заставить платину служить Отечеству, предстояло решить непростую техническую задачу. О плавке платины (температура ее плавления 1770°) в то время нечего было и думать. Обработка с использованием мышьяка, применявшаяся в Англии, была очень трудоемкой, опасной для жизни и к тому же неэкономной. Поэтому министр финансов Е. Ф. Канкрин поручил обер-берг-пробиреру лаборатории Департамента горных и соляных дел П. П. Соболевскому и его помощнику В. В. Любарскому отыскать простой и надежный способ получения ковкой платины.

Благодаря открытию шведского химика Шеффера они уже знали, что платина — не смесь ранее известных металлов, а новый химический элемент. Прежде всего следовало научиться отделять ненужные примеси, для чего оказалась вполне пригодной «царская водка». Образующуюся от воздействия кислоты платиновую губку распиливали на плоские куски и подвергали сильному сжатию под прессом, затем хрупкий, легко крошившийся материал нагревали до белого каления и снова помещали под пресс. В результате ковкую платину, минуя процесс плавления, удавалось превращать в достаточно прочный монолит, которому можно было придать любую форму.

Убедившись в материальном воплощении идеи Канкрина, Николай I приказал чеканить платиновые деньги достоинством в 3, 6 и 12 рублей.

Закономерность формирования коренных месторождений платины в редких для земной коры дунито-оливиновых породах была установлена лишь в XX веке. А на первых порах ее, как и золото, искали в россыпях, размытых горными реками, и на склонах гор, в многочисленных логах. Открытие знаменитой Исовской системы лишило покоя владельцев соседнего с Гороблагодатским Тагильского округа — Демидовых. Наняв лучших поисковиков, они вскоре стали обладателями другого платиноносного района — Тагильского. Правда, исовская «светлая» платина, более чистая по химическому составу, ценилась выше «темной» — тагильской.

Добывавшаяся потом и кровью тысяч подневольных рабочих платиновая руда подлежала сдаче на Петербургский монетный двор. На чеканку денег с 1829 по 1844 год было употреблено ее около 900 пудов. Далее выпускать эту монету оказалось невыгодно. Цена на платину поднялась, и она стала значительно дороже серебра, на что немедленно отреагировали доморощенные фальшивомонетчики. В отличие от далеких предшественников с Пиренейского полуострова они уменьшали в монетах долю платины за счет подешевевшего серебра.

В связи с подделкой и скупкой платиновой монеты выпуск ее в 1845 году прекратился. Эта мера, ограждавшая государственный бюджет, тяжело отразилась на владельцах приисков. Для облегчения участи платинопромышленников правительство разрешило продавать сырье за границу. Однако спрос на него в Европе оставался еще ограниченным. Поэтому казенное ведомство и большинство частных предпринимателей забросили промыслы до лучших времен.

«МАТТЕЙ» И ЗИМОГОРЫ

Поражение самодержавия в Крымской войне, экономический кризис, вызванный отменой крепостного права и неурожаями, вновь расстроили финансы России. Сановная бюрократия хваталась за любую возможность пополнения опустошенной казны. В 1867 году за бесценок продается Аляска. Тогда же правительство по дешевке уступило изъятую у населения платиновую монету вместе с запасом сырья, хранившегося на монетном дворе, английскому торговому дому «Джонсон, Маттей и К°». Необдуманная операция имела роковые последствия для уральского платинового дела. Британская компания, завладев партией платины весом около 1,4 тысячи пудов, обрела возможность диктовать цены на одну из важных статей русского экспорта.

Справедливости ради следует заметить, что господство «Маттея» на мировом рынке зиждилось не на денежном мешке или «благородном» происхождении основателей клана, а на его технических достижениях. Англичане первыми научились извлекать из платиновой руды чистый металл. Правда, применявшийся в туманном Альбионе способ не отличался совершенством и производительностью, но и нужда в платине пока была невелика. В середине XIX века внимание агентов «Маттея» приковали сообщения об исследованиях французских химиков Сент-Клер Девилля и Дебре.

Потратив более пяти лет, дуэт единомышленников в 1857 году доказал возможность плавки платины в высокотемпературном пламени гремучего газа (смесь кислорода с водородом). Открытие французских ученых совершило переворот в металлургии платины, метод чрезвычайно заинтересовал англичан.

В 80-х годах XIX века затяжная депрессия в платиновом деле сменилась подъемом. Требования рынка резко возросли. Основными потребителями платины выступали уже не ювелиры и зуботехники, а новые отрасли промышленности: химическая, электро- и радиотехническая. Уральские месторождения давали не менее 95 процентов сырья, но распорядителем на рынке была не Россия, а три европейские фирмы, объединившиеся в «синдикат аффинеров». Роль лидера принадлежала в нем «Маттею», имевшему в Лондоне несколько заводов. Освоив сложную, находившуюся под покровом тайны, технологию, синдикат навязывал поставщикам сырья невыгодные контракты.

С 1870 года царское правительство, обеспокоенное легкими победами немцев во Франции, рождением Парижской коммуны, решило на всякий случай пополнить валютный запас. По новому Горному уставу к добыче благородных металлов допускалось «простонародье». На уральские прииски хлынула масса старателей. Надеялись «зимогоры», что вот-вот пофартит и откупятся они от безжалостных кредиторов. Да не тут-то было. «Маттей», диктовавший цены на платину, лишал легковерных должников всякой надежды на обогащение.

Платинопромышленники «средней руки», по праву считавшие себя основателями отрасли, пытались противопоставить коварному синдикату во главе с «Маттеем» национальное акционерное общество и сообща завоевать место под солнцем. Но не все соглашались с подобным предложением. Разноголосица усилилась, когда понадобились средства на строительство аффинажного завода. Многие из приисковиков отказались делить с казной расходы на его сооружение.

Тогда правительство заключило в 1898 году договор с новорожденной французской «Платинопромышленной компанией анонимного общества». Получив право приобретать в собственность платиновые прииски, компания взамен должна была построить на Урале или в Петербурге аффинажный завод. С ее помощью Министерство финансов рассчитывало покончить с монополией «Маттея». Но финансовое положение компании поначалу оказалось более чем скромным. Оборотных средств хватило лишь на спешную покупку у некоего международного авантюриста де-Прэне Вийеры нескольких десятков приисков общей площадью в 10 тысяч десятин. Расчет правления компании оказался верным, промедли они — и прииски перехватили бы вездесущие агенты «Маттея». Завладев сырьевой базой, французы сделали второй шаг в борьбе с могущественным конкурентом: они отказались продавать руду по ценам, навязанным синдикатом. С 1905 года сырье стало перерабатываться в готовый продукт на заводе, основанном в пригороде Парижа. В ближайшем будущем компания обещала царскому правительству построить точно такое же предприятие в России. Но выполнять договорное обязательство она, естественно, не спешила, прекрасно понимая, что в этом случае лишится значительной доли доходов.

Распознав истинные намерения французских капиталистов, уральские платинопромышленники добивались от правительства немедленного введения государственной монополии на торговлю ценным сырьем, чтобы избавиться от произвола европейского синдиката. Поводом для их настойчивых просьб послужило официальное обращение в 1906 году второго по значимости поставщика платины на мировой рынок — Колумбии — к тогдашнему премьер-министру Столыпину. Предложение колумбийского правительства о национализации в обеих странах добычи и экспорта уникального сырья бесспорно заслуживало внимания. Платина к тому времени стоила уже намного дороже золота. Для обсуждения злободневного вопроса было созвано особое совещание с участием представителей различных министерств и ведомств. Платинопромышленники Урала доказывали необходимость и выгоду государственной монополии на платину, но их доводы встретили в штыки акционеры французской компании. Они пугали правительственных чиновников якобы неизбежными убытками от национализации отрасли.

Исовские платиновые прииски графов Шуваловых. Платино-промывальная фабрика (начало XX в.).

Стремясь избежать дипломатических осложнений во взаимоотношениях с европейскими державами и США, царское правительство не поддержало инициативы Колумбии. Между тем французский капитал расширял экспансию на Урале. В 1907 году Платинопромышленная компания вынудила наследников графа Шувалова подписать долгосрочный контракт о продаже ей по

сниженной цене сырья, добывавшегося на приисках Лысьвенского и Гороблагодатского округов. Во Францию потекла и платина, найденная в Николае-Павдинской даче, в окрестностях Конжаковского камня.

Не по зубам компании оказался пока лишь Нижне-Тагильский посессионный округ. Демидовы по давней традиции сбывали платиновую руду фирме «Джонсон, Маттей и К°» со скидкой 10 процентов от цены Лондонской биржи. К тому же англичан были обращены преимущественно на Кыштымские медные руды и Кочкарское золото. Американцев привлекала превосходная платина, какой еще не нашли в Новом Свете. Но заокеанские бизнесмены опоздали к дележу пирога. Ключевые позиции в перспективной отрасли заняла парижская компания, вырвавшая лидерство у старшего партнера по синдикату — «Маттея». Что же касается титулованной аристократии — графов

Драга Путиловского завода на одном из приисков.

платиновое дело они рассматривали в качестве «рычага Архимеда», намереваясь за счет его развития преодолеть экономические затруднения. С этой целью они привлекли к поисково-разведочным работам в округе лучших русских геологов, не скупились на механизацию промыслов, купив несколько драг.

СТРАСТИ ВОКРУГ ПЛАТИНЫ

Очередное расстройство финансовой системы России после русско-японской войны и революционных событий 1905—1907 годов, с одной стороны, и растущий спрос на цветные и благородные металлы, с другой, вызвали усиленный приток в горную промышленность Урала иностранного капитала, прежде всего английского. Взоры ан-

Шуваловых, князей Абамеле-Лазаревых, Демидовых, во владениях которых имелись запасы платины, — то для них ее добыча служила второстепенной статьей доходов в сравнении с прибылями от выплавки чугуна, меди, выделки кровельного железа, продажи строевого леса и т. п.

Между тем парижские акционеры шаг за шагом прибирали к рукам уральскую платиновую кладовую. В 1909 году они сокрушили последний «бастион» на пути к безраздельному господству на приисках, а следовательно, и на мировом рынке, заключив выгодную сделку с Демидовыми. Правление компании, осведомленное о том, что сидевшим на мели Демидовым нечем даже расплачиваться с рабочими, навязало им за выданный аванс в 750 тысяч рублей долгосрочный контракт с правом разработки и реализации тагильской платины. Фирме «Джонсон, Маттей и К°» скрепя сердце пришлось уступить давнего и покладистого контрагента более сильному сопернику.

Засилье иностранных монополий в платиновом деле Урала сводило на нет преимущества России как главного поставщика уникального минерала. Можно ли было мириться с тем, что цены, устанавливавшиеся европейским синдикатом на очищенный металл, в десятки раз превышали стоимость вывозимого с Урала сырья при относительно скромных затратах на его аффинаж. В печати все чаще высказывались радикальные требования об ограничении сферы деятельности иностранного капитала, о временном запрете, «в наказание» бесцеремонным аффинерам, вывоза из страны платиновой руды.

Страсти накалились до того, что наболевший вопрос вынесли на обсуждение Думы и Государственного совета. Отвечая на запросы думских депутатов, эксперты заявили, что при отсутствии аффинажного завода Россия и впредь обречена экспортировать сырье по незначительным ценам. Вытеснение зарубежных монополий из платинового дела представлялось царским чиновникам невозможным по причинам экономическим (нехватка отечественных капиталов) и политическим (союзные державы восприняли бы это как недружелюбный акт).

Правительство Николая II, избегавшее портить отношения с «дружественными» державами, под давлением общественного мнения в 1913 году решилось лишь на куцый закон, который предусматривал повышение пошлин на экспортируемую платину и ужесточение наказаний спекулянтов и контрабандистов. Ни для кого не являлось секретом, что в приисковых поселках с их бесчисленными кабаками агенты русских и иностранных коммерческих банков и профессиональные спекулянты скупали у старателей утаиваемую от хозяев платину. Контрабандным способом за рубеж переправлялось до 20 процентов ее добычи. Для пресечения контрабанды на приисках вводился строгий

полицейский надзор. Демидовы, например, мобилизовали для «наблюдений» за приисковыми рабочими свою многочисленную лесную стражу. Более тщательно стал производиться таможенный досмотр на пограничных станциях и в портах. Сотрудники почтовых отделений обязывались регистрировать при отправке посылок за границу вид и вес металла, а также паспортные данные его отправителей.

ДАЕШЬ ЗАВОД!

Известную пользу принятые меры, конечно, принесли, но они не меняли ситуацию в корне. Для этого надо было овладеть технологией аффинажа. Вскоре такое предложение поступило: акционерное общество Николае-Павдинского горного округа вызвалось построить нужный стране объект за свой счет, да еще в невероятно короткий срок.

По договору, подписанному в мае 1914 года, подрядчик давал обязательство ровно через год построить завод с ежегодной производительностью до 400—500 пудов рафинированного сырья, то есть почти всего добывавшегося на Урале.

Строительство завода было в самом разгаре, когда началась мировая война. Непосредственное участие в ней приняла и ... платина. Экспорт стратегического металла из России был сразу же запрещен, а поскольку внутри страны потреблялась мизерная его часть, добыча платины стала сокращаться. Считаясь с небывалым спросом на металлы платиновой группы, царское правительство увеличило размеры кредитования хозяев приисков, неоднократно повышало закупочные цены на платину, подлежавшую сдаче в казначейство. Обязательная сдача государству не гарантировала, однако, ее сохранности. Запрет экспорта стратегического сырья, не подкрепленный соответствующими экономическими мерами, соблюдался лишь на бумаге. В жизни все обстояло иначе. Госбанк, обремененный расходами, был не в состоянии оплачивать всю сдававшуюся платину, поэтому ее разрешалось закладывать и в коммерческие банки. На Урале, в частности в Екатеринбурге, где в мирное время функционировала платиновая биржа, имелись отделения крупнейших банков: Сибирского, Русско-Азиатского, Волжско-Камского, Русского для внешней торговли, Азовско-Донского. Владельцы частных банков находили способы отправки ходового товара за границу, о чем в Министерство иностранных дел поступали сигналы от сотрудников российских посольств.

Нехватку платины особенно бо-

Отправка платины с прииска на железнодорожную станцию. 1900 г.

лезненно ощущала бедная ресурсами Германия. Она использовала любую возможность для приобретения стратегического сырья: от заброски шпионов на уральские платиновые прииски до подкупа банковских и государственных чиновников. Утечка металла к военным противникам — в Германию и Австро-Венгрию — раздражала союзников России по Антанте. Под нажимом Англии и Франции царское правительство ввело в конце 1915 года реквизицию платины, угрожая расправой уличенным в хищении и контрабанде. На приемных пунктах, открытых в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Кушве, ряде приисковых поселков, реквизируемая платина оценивалась в 2—3 раза дешевле, чем на черном рынке.

Нарушение коммуникаций в ходе военных действий крайне осложнило ввоз горной техники из-за рубежа, а отечественные заводы, зависевшие от импорта многих узлов и деталей, почти прекратили ее выпуск. Интенсивное освоение месторождений Колумбии, Канады, Южной Африки не восполняло российской доли поставок на мировой рынок, сократившейся почти на четверть. Диспропорции между предложением и спросом сырья нарастали и вылились к 1917 году в так называемый «платиновый голод», заставивший правительства воевавших государств пойти для его преодоления на чрезвычайные меры, вплоть до принудительного изъятия «оборонного» металла у ювелиров и дантистов.

В связи с войной Министерство торговли и промышленности перенесло срок пуска аффинажного завода. Помимо общих трудностей военного времени, осложнявших контакты с поставщиками, выполнение заказов срывалось неприкрытым саботажем некоторых иностранных фирм, входивших в европейский синдикат потребителей платины. В обстановке еще большего засекречивания методов рафинирования платины нечего было

и думать об обмене творческим опытом с «союзниками». Зарубежные фирмы в ответ на официальные запросы Российской Академии наук давали искаженную информацию, намеренно преувеличивали данные относительно затрат на внедрявшееся производство. Так что приходилось опираться на свои знания и интуицию.

И тем не менее в феврале 1917 года состоялся пуск первой очереди Екатеринбургского аффинажного завода. Видя, каким щедрым источником для пополнения государственного бюджета может стать первенец отечественного аффинажа, царское правительство намеревалось выкупить его в казну. Но дни самодержавия были сочтены. Работавший с перебоями из-за недостатка сырья и химических реагентов завод после Октябрьской революции был остановлен.

По решению Пермского губернского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшегося в декабре 1917 года, прииски и платиноносные земли в пределах губернии объявлялись национальной собственностью. В мае 1918 года уральская платиновая промышленность была национализирована, одновременно закрыли отделения частных банков.

Руководство приисками после бегства или отстранения от дел прежних хозяев перешло к выборным органам — Комитетам и Деловым советам. Начинать свою деятельность им пришлось прямо-таки в экстремальной ситуации. Старые владельцы, покидавшие промыслы, не забывали прихватить с собой деньги и запасы платины.

Низкие расценки, задержки в выдаче заработка толкали старателей на путь хищений. По свидетельству автора книги о платиновых металлах А. Локермана, в конце 1917 — начале 1918 года на государственные приемные пункты сдавалось не более 20 процентов руды, остальное количество уплывало по цепочке скупщиков и перекупщиков за границу. Правда, в отличие от прошлых лет, не на Запад, а преимущественно на Восток — в Харбин, где скопилось множество русских эмигрантов.

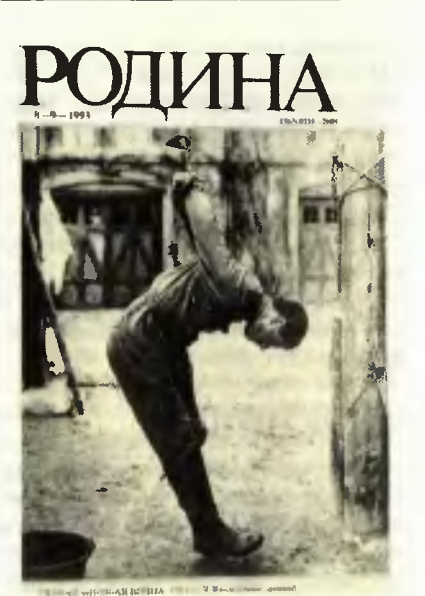
Осенью 1918 года почти вся территория Урала оказалась в руках белых. Адмирал Колчак вымел из Екатеринбурга шумливое «Уральское правительство», сформированное из местных кадетов и эсеров, объявив себя Верховным правителем России. После реставрации буржуазно-помещичьей власти на Урал возвратились многие горнозаводчики, золото- и платинопромышленники. В Екатеринбурге снова открылись отделения коммерческих банков, английское и американское консульства.

Горная промышленность Урала занимала важное место в планах колчаковского правительства, намеревавшегося возобновить добычу золота и платины. Для борьбы с хищениями благородных металлов создавалась горная милиция, дублировавшая функции царской горнопромышленной стражи. Драконовские методы, вплоть до расстрела отказывавшихся трудиться и уличенных в спекуляции, принесли определенные результаты. В период колчаковщины владельцы приисков сдали 40 пудов золота и около 20 пудов платины. Реквизированного металла, по некоторым сведениям, накопилось также немало. Легко понять рвение сыщиков уголовного розыска, охотившихся за похищенной и скрываемой платиной, если учесть, что размер вознаграждения достигал почти трети ее стоимости.

Денационализация промышленности и земельного фонда, введение трудовой повинности на предприятиях, экспроприация у крестьян продовольствия и фуража вместо обещанной свободы лишали «колчакию» социальной опоры. Летом 1919 года войска Восточного фронта выбили колчаковцев с Урала.

* * *

Учитывая уникальность уральских платиновых месторождений, В. И. Ленин одобрил инициативу Главзолота и подписал 2 декабря 1921 года декрет о создании государственного треста «Уралплатина». В его состав вошли наиболее богатые прииски шести горных округов, Екатеринбургский аффинажный и Московский платиновый заводы.

ЮБИЛЕЙ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ВЫЗВАЛ ПОВЫШЕННЫЙ ИНТЕРЕС К СОБЫТИЯМ 80-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ. НАШ ЖУРНАЛ НЕ СТРЕМИТСЯ ОТМЕТИТЬ В СРОК ТУ ИЛИ ИНУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ДАТУ. И ВСЕ ЖЕ НАРАСТАЮЩЕЕ ВНИМАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ К ЭПОХЕ 1914—1918 ГОДОВ — МЫ СУДИМ О НЕМ ПО ЗНАЧИТЕЛЬНОМУ ЧИСЛУ ПИСЕМ ПОСЛЕ ВЫХОДА В СВЕТ НОМЕРА «ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: 1914—1918 ГГ.»(№ 8—9,1993) — ОБЯЗЫВАЕТ НАС ВНОВЬ ОБРАТИТЬСЯ К ЭТОЙ ТЕМЕ. МАТЕРИАЛЫ, КОТОРЫЕ ПРЕДЛОЖЕНЫ ЧИТАТЕЛЯМ «РОДИНЫ» В ПОДБОРКЕ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ, ПОЯВИЛИСЬ БЛАГОДАРЯ НАШЕМУ ТЕМАТИЧЕСКОМУ НОМЕРУ. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ РАЗВЕДКИ, РАССКАЗ ВЕТЕРАНА ТОЙ ДАЛЕКОЙ ВОЙНЫ, ПИСЬМО ОТ ПОТОМКОВ ГЕРОЯ, О КОТОРОМ МЫ РАССКАЗАЛИ В № 8—9 ЗА 1993 ГОД, — ВСЕ ЭТО ЧАСТЬ ДОПОЛНЕНИЙ, ИСПРАВЛЕНИЙ, ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ПОСЛЕ ВЫХОДА ТЕМАТИЧЕСКОГО НОМЕРА. И В ДАЛЬНЕЙШЕМ МЫ БУДЕМ ЗНАКОМИТЬ ЧИТАТЕЛЕЙ С НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫМИ ОТКЛИКАМИ.

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ

Воевавших на фронтах первой мировой осталось совсем немного. Так неужели не выполним их невеликую просьбу — приравнять в льготах к участникам Великой Отечественной войны, ведь они тоже защищали Россию.

Этот человек старше двадцатого века. Ему идет сто третий год. Зовут его Макс Натанович Клейнман. Для него новейшая история России не книжки и кадры кинохроники — жизнь. В действующей российской армии он оказался с первого дня войны. Первой мировой войны.

Макс Натанович сам позвонил в редакцию, узнав о выходе в свет специального номера о войне 1914—1918 годов, и с удовольствием согласился рассказать о том, что видел и пережил в те годы.

М. Н. Клейнман ФОТО СЕРГЕЯ ПОТАПОВА

Родился я в Риге 10 декабря 1891 года, получил среднее образование в реальном училище. Мне, еврею по национальности, по существовавшей 3-процентной норме получить высшее образование было почти невозможно, поэтому я поступил на работу в аптеку — учеником. Надо было отработать три года до получения права сдать экзамены на помощника провизора. До сдачи экзаменов мне оставалось три месяца, когда настал мой черед отправляться на воинскую службу. Я обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством об отсрочке — мне отказали. Это было в 1913 году. Я вынужден был явиться на призывной пункт, меня признали годным к военной службе и отправили в Рязань, в 138-й Болховский пехотный полк, в пятую роту. С этого момента началась для меня тяжелая жизнь в армии.

Как рядовой, я обязан был выполнять беспрекословно все приказания взводного, не говоря уже о распоряжениях фельдфебеля, который фактически был хозяином роты. Я имел среднее образование и по существовавшему положению не должен был заниматься черной работой. Меня же заставляли, например, вставать утром в 4 часа и чистить картошку на кухне, выносить параши, приводить в порядок уборные во дворе. Добиться правды на месте было невозможно, и я, не спрашивая никого, написал о беззаконии в Петербург, в Генеральный штаб, подписавшись: «С совершенным почтением рядовой 138-го пехотного Болховского полка 5-й роты» и приложив 7-копеечную марку для ответа. Через две недели, вечером на поверке, меня вызвали из строя и за обращение не по команде объявили десять суток ареста. Поскольку я был еще «молодым» солдатом и присягу не принял, гауптвахту заменили двумя часами «под ружьем». Каждый из десяти дней мне полагалось стоять по стойке «смирно» по два часа с полной выкладкой. Заключалось это в следующем: тебя крепко застегивают ремнем, в вещевой мешок кладут два кирпича, две буханки хлеба и еще много всего — до 80 фунтов (32 кг), и ты с винтовкой, которая весит 13 фунтов (5 кг), стоишь как истукан. Гораздо хуже, чем на гауптвахте. Было очень трудно стоять без движения, я думал — не выдержу, но стоял как проклятый. Прощения не просил, потому что считал себя правым. В конце концов добился, что меня редко назначали на дежурство и не надо было выносить параши. Но зато меня часто ставили дневальным или дежурным по роте. В роте узнали, что я жаловался в Петербург, и, поскольку большинство солдат было неграмотно, меня попросили писать всякие жалобы, обещая платить по 10 копеек. Я ответил просившим, что написать могу, но кто подпишет, раз они неграмотные? Так сделка не состоялась.

Питались мы так: тринадцать солдат ели из одного общего котла — в основном суп с кусочками мяса, по одному кусочку на человека. Брать мясо ты имел право только после стука отделенного командира: каждый старался захватить лучший кусочек. Кроме того, к обеду давали на палочке 100 граммов вареного мяса. Солдатский хлеб весил 2 фунта (800 грамм) и был замечательный. Кто имел деньги, тот покупал себе в солдатской лавке белый хлеб с изюмом — фунт три копейки. Лично я на питание жаловаться не могу. Одевали хорошо. Были пошивочная и обувная мастерские, где шили каждому солдату по мерке обмундирование, а сапоги выдавали по размеру. Присягу принимали в апреле. Только после нее ты становился настоящим солдатом и отвечал за свои действия.

После строевых занятий у нас проводилась своеобразная политподготовка — надо было выучить звания членов императорской семьи, а именно: его императорское величество император Российский, король Польский, князь Финляндский и т. д., потом, по порядку, как зовут императрицу, его высочество сына

и т. д. Поскольку солдаты были неграмотными, то им это давалось очень трудно, и зубрили они ежедневно. Кроме того, были следующие вопросы, ответы на которые мы обязательно должны были знать. Для чего существует в России армия? Ответ: чтобы по приказанию выступать против внутренних и внешних врагов. Кто наши внешние враги? Английское, французское и германское государства. А внутренние? Социалисты. А кто такие социалисты и почему они враги? Это интеллигенты, не желающие работать и выступающие против царя-батюшки. Газеты и книги в казарме иметь не разрешалось. Кругозор солдата был очень ограничен, а высказывать свое мнение — упаси Боже!

Молодой солдат обязан был с уважением относиться к старшему солдату, а последний часто эксплуатировал молодого. Унтер-офицеры, которые имели две нашивки, были чаще всего сверхсрочниками и командовали взводами, это было уже начальство. По существу, солдат был отрешен от внешнего мира, поэтому развлечений не было. Иногда солдаты баловались такой игрой: добровольно укладывали одного вниз лицом, завязывали ему глаза и вставали вокруг. Один из стоящих ударял по мягкому месту добровольца, а тот должен был угадать — кто. Пока не угадаешь, кто ударил, лежи и получай шлепки (а руки бывали, ох, сильные!).

К лету 1914 года мы выехали в лагерь, жили там в палатках по шесть человек. Существовало наказание — внеочередные наряды. Это значит: уборка, кухня и все остальное, что требовалось для чистоты помещения. Лично я имел «удовольствие» до войны получить вторично в наказание 20 часов стояния «под ружьем». В лагере отбывание наказания начиналось в 12 часов дня, во время солнцепека. Многие не выдерживали, падали, но от наказания не освобождались. Вырабатывалась крепкая, стойкая, могучая, сильная и дисциплинированная русская армия.

Война началась с того, что ротный командир Соколов прочитал перед строем царский Манифест: Германия хочет завоевать Россию, и поэтому царь-батюшка

Лето 1914 года.

вынужден объявить немцам войну. Это было по старому стилю 17 июля 1914 года. Война была нами принята как тяжелый удар, никаких объяснений никто никому не давал. Начали приезжать из деревень родные. В казарме стоял плач. Ко мне приехал отец из Риги, встреча была тяжелой. В день нашего отъезда на станции Рязань творилось невообразимое, уезжала целая дивизия, родных было очень много, и все с иконами, которые клали около колес. На солдат одевали иконки и благословляли их. Были священники, раввины — много религиозных представителей. Когда поезд тронулся, стоял такой плач, что не выдержали и заплакали даже солдаты в вагонах. Так была принята война в 1914 году.

Менялось ли у меня понимание войны? Я единственно жалел, что могу погибнуть молодым! На седьмой день мы прибыли в город Ковель, оттуда начались ежедневные переходы с полной выкладкой по 25 верст в день. Первый бой был 14 августа: в четыре утра нас подняли на марш, а в два часа дня мы сцепились с австрияками. Первым из наших погиб — представьте — санитар. Австрияки наш натиск не выдержали, ибо атака была зверская. Как только австрияки дрогнули и начали отступать, мы, пехотинцы, расступились с криком: «Кавалерия, вперед!» — и тогда на прорыв ринулись казаки и кавалеристы с пиками и саблями. Рубили отчаянно. После первого боя мы трубили победу, а на поле боя лежали изрубленные враги — солдаты-австрийцы. Вообще австрийцы, чехи, венгры были плохие вояки. Впоследствии они часто сдавались в плен без боя. Так, однажды ночью сдались два полка в полном составе вместе с офицерами. Дошли мы на австрийско-венгерском фронте до крепости Перемышль, заняли ее, после чего нас перебросили на германский фронт. К тому времени наши ряды поредели. Погиб наш ротный командир капитан Соколов, выбыл раненый фельдфебель, а о солдатах и говорить нечего! После штурма Перемышля в роте из двухсот сорока человек, с которыми я был в Рязани, осталось семь. Пополнение, которое появилось, не было так подготовлено. Стал ощущаться недостаток в снарядах: артиллерии нашей не было слышно. Питание на фронте осуществлялось так: поздно вечером приезжала кухня, и мы получали пищу в котелках. Днем же питались сухарями или добывали пропитание в деревнях, через которые проходили. Спали чаще всего под открытым небом, мылись редко. Что касается настроения солдат — оно было неважное. Знакомых на фронте в то время не нашлось, обменяться мнением было не с кем. Знали только, что немец напал на Россию, что царь-батюшка объявил войну и что надо защищать родину. Разница с образом врага во второй мировой войне колоссальная. В отношении силы германской армии в первую войну: мы немцам не уступали, и нельзя сказать, что немецкая армия была лучше, особенно в 1914 году. Может быть, к войне их армия была лучше подготовлена, но разбить нас они не могли — дальше реки Вислы мы их не пустили. Мы знали, что есть царь-батюшка и что жизнь мы отдаем за Россию. Был у нас один такой случай, когда наш полуротный приказал сняться и занять в лесу лучшую позицию. Приказание выполнили не все, а один заявил: «Русский солдат не отступает» — и остался лежать в окопе. И все же на германском фронте приходилось гораздо труднее, чем на австрийском.

В декабре 1914 года я был тяжело ранен: нас перед утренней атакой послали резать немецкую проволоку, а немцы вдруг включили прожекторы и стали стрелять из орудий. Меня ударило в грудь — осколком. Очнулся в вагоне. Медсестра узнала, что у меня недавно был день рождения (двадцать третий), поздравила: второй раз родился! Начались мои скитания по госпиталям: Минск, Орел, Саратов. Летом 1915 года меня уволили из армии, как непригодного по состоянию здоровья к воинской службе. Я стал студентом отделения фармакологии медицинского факультета Казанского университета, где проучился до 1918 года.

Спорят в газетах, когда в России жили лучше — тогда или сейчас?

По поводу нашумевших брошюры и фильма С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Как человек, видевший ту Россию своими глазами, скажу, что Говорухин не знает России до и после 17-го года. То, что говорит Говорухин о спокойной и стабильной России, не соответствует действительности. После поражения в русско-японской войне, после Манифеста

1944 год.

17 октября 1905 года в стране началось брожение, я в то время подростком вместе с другими бегал на митинги, ходил с рабочими на демонстрации. Спокойнее стало вскоре после того, как премьер-министром оказался Столыпин. И все же были еврейские погромы до и после 1914 года — особенно жестоким был кишиневский; было дело Бейлиса, резня между татарами и армянами, высокая детская смертность... Вообще же оценить, какой период был лучше, какой хуже, — не возьмусь, потому что весь XX век был для многих несчастным веком.

Думаю, что на всю Россию ветеранов первой мировой войны осталось не больше двух десятков. Я писал письма в разные инстанции, чтобы на них распространили льготы участников второй мировой войны — они ведь тоже сражались за Россию, — но все пока безрезультатно.

МАКС КЛЕЙНМАН

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ

ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Для устранения выявленных в ходе войны с Японией существенных недостатков в русской армии с 1905-го по 1912 год проводится ряд военных реформ.

Теперь военная разведка подчинялась Главному управлению Генерального штаба (ГУ ГШ*) и штабам военных округов. Главное управление Генерального штаба вело стратегическую разведку о «наших вероятных противниках»[1], а штабы военных округов — «детальную тактическую разведку в пределах вероятных будущих театров военных действий»[2]. Проведенная в 1910 году реорганизация закрепила принятое ранее организационное разделение между добывающим и обрабатывающим органами. Так, 5-е, а в последующем Особое, делопроизводство занималось добыванием разведывательной информации, а статистические делопроизводства обрабатывали поступающие сведения о разведуемых иностранных государствах.

Необходимым (но не единственным) условием службы в центральном аппарате разведки и за рубежом (на должности военного агента) являлась принадлежность к корпусу офицеров Генерального штаба. Какие же еще требования предъявлялись к сотруднику разведывательного органа? Об этом можно судить из рапорта от 14 октября 1910 года, представленного на имя генерал-квартирмейстера ГУ ГШ[3]. В связи с вакантной должностью помощника делопроизводителя Особого делопроизводства от генерал-квартирмейстера испрашивалось ходатайство о назначении на эту должность помощника старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа Генерального штаба капитана Майера. «*Капитан Майер*, — отмечалось в рапорте, — *владеет французским, немецким и английским языками, очень усерден, чрезвычайно интересуется вопросом военной разведки, на каковую тему делал сообщение в штабе войск гвардии и Петербургского ВО в 1909 г., весьма серьезен и с инициативой*». «*Что касается свойств его характера*, — подчеркивалось далее, — *то, насколько удалось выяснить, он весьма настойчив, в высшей степени тактичен, прекрасно воспитан и вполне сдержан в своих разговорах*». При этом обращалось внимание на то, что «*денежные дела его в полном порядке и долговых обязательств, по-видимому, не имеет*». Людвиг Андреевич Майер был включен в штат Особого делопроизводства полтора года спустя, в 1912 году, в чине подполковника. В июле 1914 года его назначили на должность военного агента в Бельгии и Голландии.

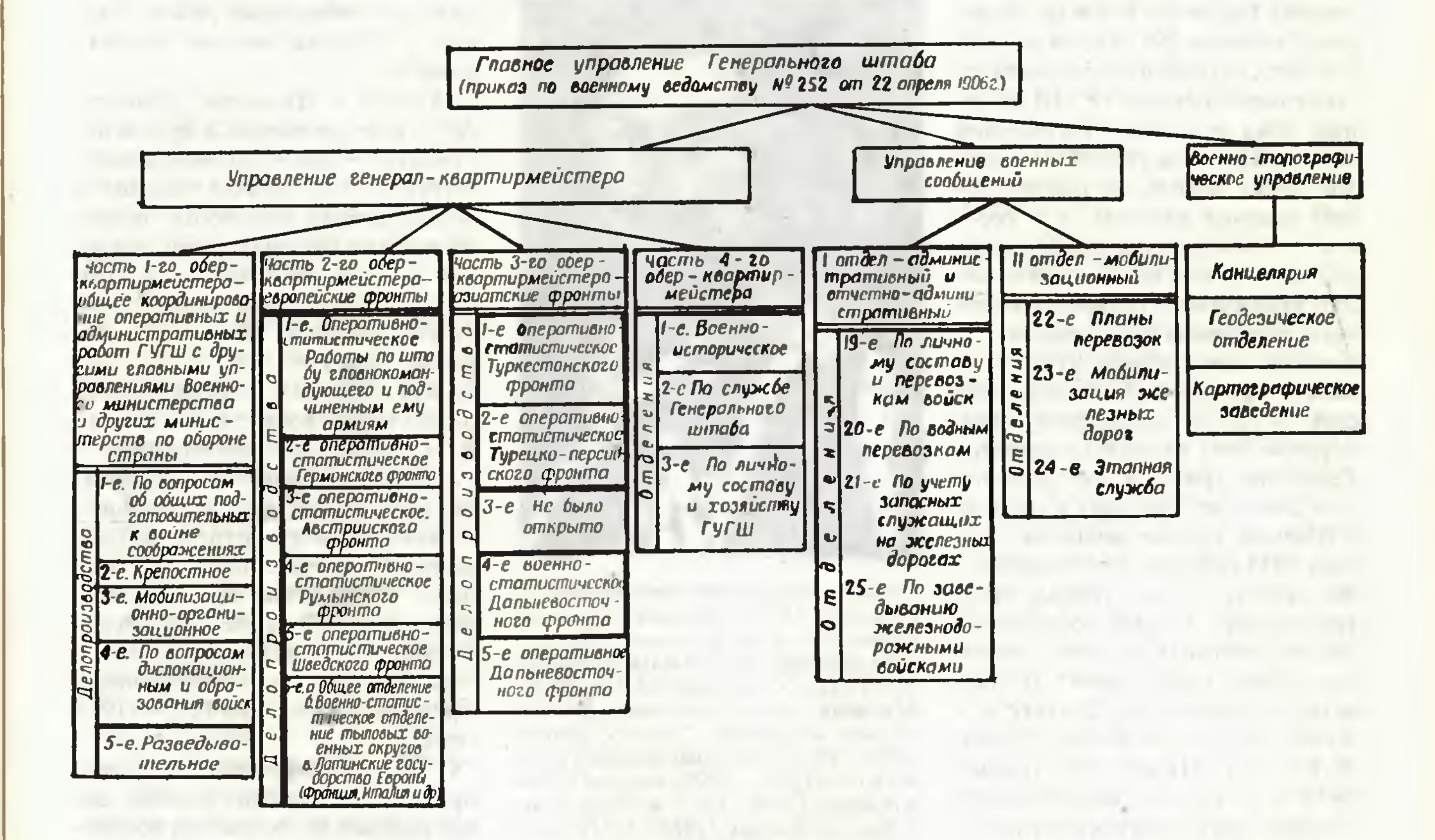
Зарубежные силы и средства Главного управления Генерального штаба начала XX века состояли из негласных агентов, военных агентов и офицеров, командируемых за границу с разведывательными задачами.

Впрочем, за границу офицеров командировало не только ГУ ГШ, но и другие главные управления военного министерства, а также морское ведомство и штабы военных округов. Какой-либо координации в этом вопросе не наблюдалось. Поэтому нередко одни и те же задачи возлагались на офицеров различных ведомств. Обмен же собранными разведывательными сведениями производился далеко не всегда. В командировки выезжали официально и неофициально, как по своим, так и по фиктивным документам. Предлоги для поездки за границу были самыми разнообразными: для участия в маневрах, ознакомительного посещения предприятий оборонной промышленности, под видом лечения, отпуска, поездки к родственникам, на охоту, для совершенствования в иностранных языках и т. д. Так как зачастую разведывательные задачи ставились далеким от разведки людям, то контрразведке противника не представляло особого труда обнаружить таких «разведчиков» и воспрепятствовать их деятельности.

Основным источником добываемых разведывательных сведений Главного управления Генерального штаба являлись негласные и военные агенты. Негласные (тайные) агенты — прежде всего иностранцы, привлеченные к сотрудничеству с разведкой. Кроме того, к этой категории относились русские офицеры на должностях «прикрытия» при официальных российских зарубежных представительствах (в подавляющем большинстве случаев при консульствах) — негласные военные агенты, а также подданные России в негосударственных учреждениях за рубежом или проживающие за границей как частные лица. Иногда негласные агенты объединялись в агентурные организации.

Привлечение иностранцев к тайному сотрудничеству с разведкой осуществлялось чаще всего случайно, в основном за счет «доброжелателей», которые письменно или устно обращались с предложением услуг в российские миссии, к военным агентам, в штабы военных округов или непосредственно в Главное управление Генерального штаба в Санкт-Петербурге. Нередко такого рода услуги предлагались через третьих лиц. В большом потоке людей часто попадались вымогатели, желающие поживиться за чужой счет. Под видом разведывательных сведений попадалась и аккуратно подготовленная дезинформация, за которую запрашивались большие суммы. На установление подлинности предлагаемых документов иногда уходили целые месяцы.

Институт негласных военных агентов строился на основе направления в консульства стран, пограничных с Россией, представителей военного ведомства. Назначение офицеров на консульские должности было сопряжено с формальностями и длительной канцелярской волокитой. 5-е (Особое) делопроизводство, подыскав кандидата на пост негласного военного агента, заручалось одобрением руководства ГУ ГШ. После этого кандидатура согласовывалась с Министерством иностранных дел. Далее испрашивалось «высочайшее соизволение». Так, «*26-го сентября сего года* (1910. — *М. А.*) *последовало высочайшее соизволение на назначение помощника военного агента в Китае, подполковника Афанасьева, консулом в Цицикаре, с переименованием его в надворные советники*»[4]. После получения «высочайшего соизволения» офицер подавал прошение об отставке на то же «высочайшее имя». Наконец отставка получена, и соискатель должности за границей представляет прошение на имя министра иностранных дел о зачислении его на службу по этому ведомству, где он будет числиться в «резерве чинов» от двух до пяти месяцев. В начале XX века негласные военные агенты были только в странах

Структура Главного управления Генерального штаба.

* Главное управление Генерального штаба — центральный орган управления русской армии. В состав Генерального штаба входили также Войсковое управление (от штабов военных округов до штабов отдельных бригад) и корпус офицеров Генерального штаба.

Ближнего и Дальнего Востока и Азии, хотя предпринимались неоднократные попытки распространить эту практику и на Западную Европу.

После окончания русско-японской войны 1904—1905 годов приоритет в организации и ведении разведки ГУ ГШ отдает Дальнему Востоку. Это был серьезный просчет. И как следствие — весьма напряженная ситуация, затруднявшая вскрытие планов и деятельности вероятных противников, в первую очередь Германии и Австро-Венгрии. 24 ноября 1911 года в докладной записке Особого делопроизводства отмечалось, что ГУ ГШ на Западе пока не имеет *«собственной агентурной сети, способной в мирное время дополнять работу наших военных агентов, а в военное — долженствующей сыграть роль главнейших источников нашего осведомления в стратегическом тылу вероятных противников»*[5]. В качестве первоочередной ставилась задача организовать агентурную сеть ГУ ГШ на Западе следующим образом: пять негласных агентов в Германии, три — в Австро-Венгрии, два — на Балканах и один — в Швеции. По состоянию на 1 января 1914 года, постоянная негласная агентура отдела генерал-квартирмейстера ГУ ГШ состояла из шести негласных агентов и шести агентурных организаций[6]. Из них четверо работали на Востоке и в Азии: № 12 — в Китае (Брей); № 17 — в Индии (Андреев); № 18 — в Сеистане (Выгорницкий, офицер при вице-консуле) и № 17 —в Пекине (Чжао-юй-тин), и только двое — на Западе (№ 87 — в Германии и № 118 — в Румынии и Болгарии). Пять из шести агентурных организаций действовали на Востоке и в Азии (три из них возглавлялись негласными военными агентами: № 6 — в Корее (Бирюков, консул в Гензане); № 14 — в Маньчжурии (Афанасьев, консул в Цицикаре); № 15 — в Корее и Маньчжурии (Надаров, вице-консул в Янцзыфу); № 20 — в Монголии (Ладыгин, коммерческий агент на Китайско-Восточной железной дороге); № 23 — в Азербайджане (Андриевский, военный секретарь в Урмии). На Западе имелась всего одна агентурная организация (полковник Лавров). В 1914 году планировалось создать аналогичную организацию в Австро-Венгрии под руководством отставного генерал-майора фон Котена.

Деятельность негласной агентуры ГУ ГШ на Востоке и в Азии была достаточно эффективной. В заключении о разведывательной работе штаба Кавказского ВО отмечалось: *«Генерального штаба полковником Андриевским в течение 1913 г. доставлено 49 донесений и сводок, из коих имеют существенное значение 44, т. е. около 90%. Предоставляемые названным офицером сведения отличаются полнотой, вполне рисуют общее положение дел в персидско-турецкой спорной полосе и характеризуют отношение местного населения к России, Турции и Персии... Следует отметить и приветствовать установление связи между названным офицером и служащими в турецком консульстве в Урмии, благодаря чему ему удавалось добывать некоторые документальные данные о деятельности этого консульства. В общем, необходимо признать деятельность полковника Андриевского по сбору сведений в порученном его наблюдению районе Турции и Персии весьма продуктивной»*[7].

Занкевич Михаил Ипполитович (род. 17 сентября 1872). Закончил Псковский кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по I разряду. Младший делопроизводитель Военно-ученого комитета Главного штаба (1900—1903), помощник военного агента в Вене (1903—1905), военный агент в Румынии (1905—1910), военный агент в Австро-Венгрии (1910—1913), генерал-майор (сентябрь 1914), начальник штаба дивизии (1916), генерал-квартирмейстер ГУ ГШ (март 1917).

«Консул в Цицикаре Афанасьев, — подчеркивалось в другом документе, — *дает обстоятельные сведения о китайских войсках и мероприятиях китайского правительства в Хейлундзянской провинции, а также по вопросам о колонизации Маньчжурии (около 40 входящих номеров). Донесения его весьма полезны»*[8].

Определенных положительных результатов добился полковник В. Н. Лавров, возглавлявший агентурную организацию № 30. Проживая как частное лицо во Франции, он имел негласную агентуру в Дрездене, Франкфурте-на-Майне, Лейпциге и Саксонии. Среди негласных агентов Лаврова был писарь 19-го германского корпуса, от которого он получил мобилизационные планы корпуса на 1913— 1914 годы.

С 1864 года офицеры, состоящие при дипломатических миссиях для наблюдения за состоянием военного дела, получают звание военных и морских уполномоченных — военных агентов. К началу первой мировой войны военные агенты имелись при российских дипломатических миссиях 17 государств — Германии, Австро-Венгрии, Дании, Швеции, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии, Румынии, Болгарии, Турции, Черногории, Сербии, Франции, Китая, Японии и Северо-Американских Соединенных Штатов. Для получения разведывательной информации они активно использовали легальные возможности: посещения военного министерства страны пребывания, беседы с сотрудниками ведущих министерств и ведомств, ознакомительные поездки по стране, привлечение центральной и провинциальной прессы. Однако, чтобы составить полное представление о вооруженных силах потенциальных противников, этих сведений было недостаточно.

Узнать военные планы этих стран в отношении России и ее союзников можно было только через иностранцев, имеющих доступ к таким материалам. Вопрос о том, надо ли военным агентам привлекать к сотрудничеству с разведкой иностранных граждан на рубеже XIX—XX веков, был спорным и решался поразному. Так, «Инструкция военным агентам (или лицам, их заменяющим)»[9] от 1880 года (с несущественными изменениями в 1905 году) предписывала военным агентам поиск тайной, негласной агентуры на случай кризисной ситуации или начала военных действий. «...*Существенною обязанностью их* (военных агентов. — *М. А.*), — отмечалось в инструкции, — *должно быть заблаговременное приискание надежных лиц, через посредство коих можно было бы поддерживать связи со страной в случае разрыва и получать верные сведения даже тогда, когда официальное наше представительство ее оставит»*[10]. Это требование было опущено в «Инструкции военным агентам» от 1912 года, и ведение негласной агентурной разведки уже не вменялось им в обязанность.

С особыми трудностями в работе сталкивались военные агенты в Берлине и Вене. Официальная информация, предоставляемая им в германских и австро-венгерских штабах и военных учреждениях, была крайне незначительна и не устраивала Главное управление Генерального штаба, требовавшее от военных агентов именно секретных сведений. Результат в этом случае всецело зависел от личных качеств военного агента, его желания и умения работать. К этому следует добавить, что контрразведки Германии и Австро-Венгрии пристально следили за каждым шагом официальных военных представителей России. Российские агенты, решая поставленные задачи, привлекали к сотрудничеству иностранцев. Чаще всего риск был оправдан, но иногда он стоил военному агенту должности. Именно по этой причине Генерального штаба полковник Базаров 22 июня 1914 года вынужден был покинуть свой пост военного агента в Берлине, разделив участь своего предшественника полковника Михельсона.

Батюшин Николай Степанович (род. 16 февраля 1874). Закончил Астраханское реальное училище, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по I разряду. Помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа (1903—1904), помощник старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии (1904—1905), старший адъютант штаба Варшавского ВО (1905— 1914), генерал-майор (1915), генерал для поручений при главнокомандующем армией Северного фронта (1915).

В 1913 году из-за ареста одного из своих негласных агентов оставил свой пост и выехал в Россию военный агент в Вене Генерального штаба полковник Занкевич. Прибыв в Вену в конце 1910 года, он, ознакомившись с состоянием дел, доносил генерал-квартирмейстеру, что для получения необходимых сведений о военных приготовлениях Австро-Венгрии следует *«прибегнуть к содействию негласной разведки»*. *«Считаю нужным доложить,* — указывал Занкевич, — *что подвергаюсь опасности быть скомпрометированным»*. Среди иностранцев, привлеченных им к сотрудничеству с русской военной разведкой, был чех Яндрич, который *«доставил ряд документальных сведений из не подлежащих оглашению учебников, принятых в австро-венгерской академии Генерального штаба»*[11], а также *«курс военной географии (пограничный район Австро-Венгрии и России); организационные сведения по австро-венгерской армии (устройство артиллерии и снабжение ее огнестрельными припасами); средства связи; санитарная и ветеринарная служба...»* Деятельность Занкевича на должности военного агента в Австро-Венгрии в первой половине 1913 года была высоко оценена в Особом делопроизводстве Отдела генерал-квартирмейстера ГУ ГШ. Отмечалось, что *«работа его вообще, а во время балканского кризиса в особенности, при значительной производительности отличалась добросовестностью и аккуратностью. Сведения о военных приготовлениях австрийцев были настолько полны, что обрисовывали последние вполне определенно... Такой же обстоятельностью отличались и те многочисленные статьи, которые послужили главным основанием для составления изданных делопроизводством 1-й и 2-й частей сборника «Вооруженные силы Австро-Венгрии». Кроме того, полковник Занкевич оказывал делопроизводству ряд очень полезных услуг по выписке и доставлению разных карт изданий, частью даже не подлежащих оглашению; им же вполне успешно выполнялись также все поручения главных управлений Военного ми-*

нистерства по сношению с лицами, предлагающими свои изобретения...»[12] «*В общем,* — делался вывод, — *полковник Занкевич представлял собой тип образцового военного агента*».

Трудности, с которыми сталкивались агенты в Германии и Австро-Венгрии, показали целесообразность работы на территории третьих, нейтральных стран, в первую очередь Швейцарии и Бельгии. Еще в 1907 году в рапорте на имя начальника Генерального штаба отмечалось, что «*разведка из Швейцарии легко может производиться беспрепятственно в желаемом направлении, в особенности в сторону Германии и Австрии*»[13]. В этой связи особое внимание обращалось «*на назначение соответствующего лица на должность военного агента в Швейцарии, которое бы своим основательным знакомством с военным устройством среднеевропейских государств, знанием иностранных языков и своими личными качествами давало гарантию успешного выполнения тех трудных и сложных обязанностей, которые будут ныне на него возложены*». Однако все эти разумные рассуждения, как часто бывает, остались на бумаге, а подобранный кандидат — Генерального штаба полковник Ромейко-Гурко — оказался не на высоте предъявляемых требований.

Значительно успешнее разведкой главного противника России — Германии — с территории третьих стран занимался военный агент в Дании, Швеции и Норвегии Генерального штаба полковник Игнатьев. С 1907-го по 1912 год он создал негласную агентурную сеть. Среди его агентов были германский полковник в отставке Шварц, унтер-офицер главной испытательной артиллерийской комиссии в Шпандау, шведский капитан, по указанию Игнатьева перешедший на службу в германскую артиллерию. От них Игнатьев получил ценные секретные материалы, в том числе по организации обороны крепости Киль, в порядке мобилизации германских резервных формирований; чертежи принимавшейся на вооружение германской армии первой полевой гаубицы; документы, относящиеся к организации германской полевой артиллерии.

В штабах военных округов разведывательной деятельностью под руководством ГУ ГШ занимались отчетные, а впоследствии выделенные из их состава разведывательные отделения. Для каждого штаба округа определялся отрезок территории иностранного государства, в пределах которого предписывалось организовать разведку. Заграничная негласная агентура штабов военных округов, состоящая из привлеченных к сотрудничеству иностранцев, подразделялась на «внутреннюю» и «внешнюю». «Внутренней» поручался «сбор документальных данных в центральных и местных военных управлениях и в войсковых штабах...»[14], «внешняя» обеспечивала сбор необходимых сведений через непосредственное наблюдение и изучение войск, крепостных укреплений, железнодорожных сообщений и т. д.

Самойло Александр Александрович (род. 23 октября 1869). Закончил Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду. Старший адъютант штаба Киевского военного округа (1904—1909), делопроизводитель ГУ ГШ (1909—1914), делопроизводитель управления генерал-квартирмейстера Ставки (1914—1915), помощник генерал-квартирмейстера штаба армии Западного фронта (1915—1917), генерал-майор (1916). В гражданскую войну помощник военрука Западного участка отрядов завесы, начальник штаба БеломорВО, помощник начальника штаба РККА, начальник Московского окружного управяения военно-учебных заведений (1920—1923), инспектор Главного управления ВУЗ РККА (1923—1926), на преподавательской работе (1926—1948), генерал-лейтенант (с 1940). Умер в 1963 г., похоронен на Новодевичьем кладбище.

Наиболее эффективно разведывательные задачи решали штабы Варшавского и Киевского военных округов. Старший адъютант штаба Варшавского ВО Генерального штаба полковник Батюшин провел значительную работу по организации и ведению разведки в Австро-Венгрии и Германии. Об эффективной деятельности разведывательного отделения свидетельствует «Список германских и австрийских документов, полученных агентурным путем с 1907 по 1910 г. включительно» штабом Варшавского ВО. Этот список содержит в себе названия 120 документов, среди которых материалы по развертыванию полевых армий, запасных и ландверных войск на 1910—1911 годы, мобилизационные планы некоторых германских корпусов, схемы инженерной обороны и т. д. Согласно докладной записке генерал-квартирмейстера ГУ ГШ, штаб Варшавского военного округа «*осуществлял свою разведку в 1912 году при чрезвычайно тяжелых условиях, созданных австрийской контрразведкой... неоднократно нечувствительные потери в людях. Тем не менее к концу года* (1912. — *М. А.*) *он располагал значительной агентурной сетью как в Австрии, так и в Германии, а именно: 1) в Галиции 18-ю агентами-резидентами внешней агентуры (агенты-наблюдатели), пребывающими в 10 пунктах, и двумя агентами внутренней разведки в Кракове и Перемышле; 2) в Пруссии 13-ю агентами-резидентами внешней агентуры, пребывающими в девяти пунктах, и тремя агентами внутренней разведки (два — в Бреславле, один — в Торне)*»[15]. В 1911—1912 годах на руководстве Батюшина находился ценный агент-источник документальной информации — писарь штаба крепости Торн по фамилии Велькерлинг. Передаваемые «торнским агентом» документы имели «*общее стратегическое для нас значение на случай войны с Германией*»[16].

Старший адъютант штаба Киевского ВО Генерального штаба полковник Самойло с 1904-го по 1909 год создал эффективно действующую агентурную сеть в Австро-Венгрии. Им лично в конце 1903 года за русской военной разведкой был закреплен ценнейший агент, получивший впоследствии порядковый номер 25*. В 1913 году этот агент характеризовался как «*весьма осведомленный и располагающий весьма секретными, очень ценными документальными данными, которые и периодически доставлял*»[17]. От № 25 в 1913 году были получены следующие секретные документы: «Krieg ordre de Bataille» (боевое расписание на случай войны. — *М. А.*) к 1 марта 1913 года с особым «Ordre de Bataille» (боевое расписание. — *М. А.*) для войны с Балканами; мобилизация укрепленных пунктов; инструкция об этапной службе; положение об охране железных дорог при мобилизации; новые штаты военного времени в австро-венгерской армии; некоторые исключительные мероприятия на случай войны; сведения о минировании важнейших технических сооружений в Галиции». С 1909-го по 1914 год делопроизводитель австро-венгерского делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера ГУ ГШ А. А. Самойло неоднократно выезжал за границу в секретные официальные командировки. Благодаря ему русское военное командование имело исчерпывающую информацию о всех сторонах деятельности австро-венгерской армии, планах ее стратегического развертывания на случай войны с Россией и Сербией.

* Специальное исследование, предпринятое автором, доказывает, что этот агент не был полковником Редлем.

Игнатьев Алексей Алексеевич (род. 17 февраля 1877). Закончил Влад.-Киевский кадетский корпус, Пажеский Его Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду. Командир эскадрона, помощник старшего адъютанта управленил генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии, помощник старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего (1904— 1905), обер-офицер для поручений при штабе 1-й армии корпуса (1905—1907), военный агент в Дании, Швеции, Норвегии (1907—1912), военный агент по Франции (1912—1917). С 1937 г. в Красной Армии, генерал-лейтенант (1943), редактор военно-исторической литературы. Умер в 1954 г., похоронен на Новодевичьем кладбище.

В 1914 году, согласно «проекту расходного расписания»*, по статье 1 § 5** сметы Главного управления Генерального штаба «на надобности собственно разведки» запрашивалось 681 600 рублей. Из них на разведывательную деятельность штабов военных округов предполагалось ассигновать 330 тысяч рублей; военным агентам «*на ведение разведки и приобретение мелких секретных документов*» — 75 тысяч; на содержание агентурных организаций и негласной агентуры — 173 тысячи. Отдельно на приобретение секретных документов выделялось 50 тысяч рублей. Сумма мизерная, если учесть, что стоимость одного миноносца по ценам 1906 года определялась в 800 тысяч рублей.

Несмотря на отдельные положительные результаты, русской военной разведке накануне первой мировой войны не удалось создать надежную и эффективно действующую агентурную сеть. К негласному агентурному сотрудничеству в подавляющем большинстве случаев привлекались случайные люди. Поступающие же секретные документы не всегда анализировались должным образом. Никаких практических мер для подготовки агентурной сети к действиям с началом войны Главное управление Генерального штаба не предприняло.

* Высочайше утвержден 8 января 1914 г.
** Секретные расходы, производимые по Отделу генерал-квартирмейстера ГУ ГШ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 11. Д. 5493. Л. 1—3.
2. Там же.
3. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 37967. Оп. 2. Д. 15. Л. 225.
4. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 5278. Л. 3.
5. Там же. Оп. 11. Д. 5493. Л. 1—3.
6. Там же. Л. 195—196.
7. Там же. Д. 4177. Л. 101—104.
8. Там же. Л. 125—153.
9. Там же. Ф. 5. Оп. 4. Д. 24. Л. 1—2.
10. Там же. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 519. Л. 106— 114.
11. Там же. Д. 1710. Л. 21—24.
12. Там же.
13. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 6. Л. 97.
14. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1004. Л. 85—93.
15. Там же. Л. 112—119.
16. Там же. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 5493. Л. 4—8.
17. Там же. Д. 1710. Л. 21—24.

Дорогая «Родина»!

Мы, дети Ивана Никаноровича Воросова, статью о котором и портрет вы опубликовали в журнале № 8—9 за 1993 год: Воросов Иван Иванович, Чижова (Воросова) Татьяна Ивановна и Воросова Анна Ивановна, приносим вам глубочайшую благодарность за то, что не забыли героев первой мировой войны.

Низкий поклон вам за это.

Закончил войну Иван Никанорович в чине сотника, и нам помнится, что у него был четвертый (по счету) Георгий, но у нас дома почему-то хранилось только два, а еще французская медаль да часы «Павел Буре».

К настоящему времени, за исключением иконы Спасителя, которой благословляла Ивана Никаноровича бабушка, провожая на военную службу (по всей видимости, в1911 году), да несколь-ких фотографий с фронта, ничего не сохранилось.

На фронте началась поэтическая деятельность отца, и вроде некоторые его стихи в то время печатались. До 1945 года его рукописи были в целости и сохранности. К сожалению, мы помним только два названия его стихотворений: «Мокржиц» (это местечко, которое брали казаки) и «Атака». Там были такие слова: «Уплетают картошку казаки..., доктор мирно любуется нежным цветком, как бы выразив к бою презренье..., вдруг слышится команда с горы: «Стройся, 4-я сотня, к атаке!»..., Мы наметом пошли...» — вот это все, что удержалось в нашей памяти.

На войне он получил дозу отравления химическими (как у нас говорили, удушливыми) газами. Как будто очень много казаков было поражено газами насмерть, а наш отец выжил лишь потому, что в момент газовой атаки тщательно накрылся намоченной шинелью. Это спасло ему жизнь тогда, но не прошло для него бесследно: он умер 27 октября 1929 года от гангрены легких. Недомогал длительное время (несколько лет), а острый период длился всего 16 дней.

Статья о нашем отце и его портрет взволновали всех нас. Поистине, Родина все-таки помнит своих сыновей, защищавших ее.

Мы выросли без него, но память о нем всегда для нас священна. Его подвиги были нам известны, только не с такими подробностями.

В настоящее время потомки Ивана Никаноровича Воросова почти все проживают в городе Красноярске. Это дети — трое (было четверо: старший сын, Александр, 1920 года рождения, умер); внуки — восемь; правнуки — четырнадцать;праправнуки — четыре.

Еще раз выражаем вам свою признательность.

Воросовы

ФОТО СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

Воинская святыня

Жених и невеста перед венцом

Воспоминания об А. Тарковском

АНДРЕЙ СМИРНОВ,
кандидат исторических наук

«ЗНАМЯ ЕСТЬ СВЯЩЕННАЯ ХОРУГВЬ...»

«В русском народе, — замечал в 1913 году военный историк и публицист Ф. Ф. Орлов, — с давних еще пор существует почитание военных знамен, как святыни. При встрече со знаменем какого-либо полка многие снимают шапки, «осеняет себя крестным знамением православный народ»... Что значит стоять или умереть за знамя, у нас все отлично знают и понимают, кто и не был на военной службе»[1]. И это при полном отсутствии культа национального флага, столь характерного, например, для тогдашних немцев или французов. Но сила народной традиции естественна и понятна: фундамент представлений о высоком значении боевого знамени на Руси закладывался еще задолго до того, как Петр Великий основал регулярную армию...

Сама идея боевого стяга сугубо рациональна. Знамя должно было служить ориентиром в гуще рукопашной схватки, где перемешались свои и чужие, одетые к тому же в самые разнообразные «порты» и доспехи. Реющее над толчеей боя огромное цветное полотнище показывало, где дерутся свои, куда должен пробиваться отрезанный, потерявший из виду товарищей воин. Под знамя собирались после боя, стекались при отступлении; такие «стягивающие» всех к себе «стяги» имелись у каждой части войска. Понятно, что каждая из сторон стремилась лишить неприятеля его ориентиров, «подсечь» вражеские стяги. Сделать это было непросто: именно потому, что вокруг знамени сплачивались, добраться до него атакующие могли, лишь истребив всех стоящих на пути. Зато, если стяг все же удавалось повалить или захватить, в рядах противника появлялась растерянность, сумятица, паника. Многие вдруг ощущали

Георгиевское знамя 16-го стрелкового батальона (с 1888 года — полка), входившего в состав знаменитой «Железной бригады» (4-й стрелковой).

себя одинокими, затерянными на поле боя; исчезала надежда на помощь товарищей: было ясно, что они погибли вместе со стягом. А большие потери плюс смятение духа — залог поражения.

Неудивительно, что в общественном сознании знамя начинало ассоциироваться с определенными понятиями. Во-первых, оно стало символизировать отдельную войсковую часть. «Бяше... у Юрья стягов 17, а труб 40, (с)тол(ь)ко же и бубнов, а у Ярослава стягов 13, а труб и бубнов 60» — так пишет о численности войска Владимиро-Суздальской земли автор «Повести о битве на реке Липице» — междоусобном побоище, разыгравшемся 21 апреля 1216 года[2].

«Стягивающее» всех к себе знамя становилось наглядным выражением единства воинов одной части, их боевого товарищества. Не случайно знамена стрелецких полусотен в XVII столетии именовались «братскими».

Наконец, потеря знамени еще в незапамятные времена превратилась в символ поражения. Вспомним «Слово о полку Игореве» — сообщение о разгроме русской рати поэт укладывает в горестное: «Падоша стязи Игоревы». А отсюда был уже один шаг до признания знамени символом воинской чести. Ведь последняя во все времена заключалась прежде всего в исполнении до конца ратного долга, а упорная защита знамени, потеря которого грозила поражением, стала своеобразным эталоном борьбы до последней капли крови...

Но порожденная практикой символика способна и сама оказывать воздействие на практику. Обращение к символам облегчает усвоение человеком высоких идей, воспитание его на этих идеях. Прикрепленное к древку полотнище, которое одно на всех, которое нельзя бросить, как бы трудно ни было, за которым надо идти до конца, всегда напомнит воину о долге, чести, которая выше смерти, о святости уз товарищества...

Это прекрасно понимал царь-солдат, император Петр Великий. Заглянем в его знаменитые артикулы — статьи второй части Устава воинского 1716 года. «Которые стоя пред неприятелем или в акции (в бою. — *А. С.*) уйдут, — гласил артикул 94, — и знамя свое или штандарт до последней капли крови оборонять не будут, оные имеют шельмованы быть; а когда поимаются, убиты будут; или ежели возможно в роту или полк отданы и тамо без

процесса (без суда. — *А. С.*) на первом древе, которое прилучится, повешены будут». Конечно, не материальная ценность значка-ориентира заботила Петра, нет: «понеже кто знамя свое или штандарт до последнего часа своея жизни не оборонит, оный недостоин есть, чтоб он имя солдат имел». Еще более ярко эта мысль выражена в артикуле 97: бежавшие с поля боя полки и роты, независимо от того, сохранили они свои стяги или нет, лишались их вместе с честью: «...без знамен вне обоза стоять имеют, пока они храбрыми своими делами паки заслужат»[3].

Устав 1716 года заложил основы еще одной традиции. «В бою не надлежит ему знамя свое оставляти под смертною казнию, — говорилось в инструкции ротному знаменосцу — прапорщику, — но подобает ему оное в левой руке держати, а правою рукою оборонятися даже до смерти, не оставляя оного... а егда опасной случай в ретираде (или отводе) учинится, тогда знамя от древка отодрать надлежит, и у себя схоронить или около себя обвить, и тако себя со оным спасать»[4].

Впрочем, Петр не уповал на одну лишь букву уставов. Высокое значение полотнища на древке утверждали и его воинские ритуалы. Через понятие «знамя» выражалась суть воинского долга в тексте военной присяги (утвержденный Уставом 1716 года, этот текст практически без изменений просуществовал в нашей армии 200 лет — до февраля 1917-го!). «От роты и знамя, где надлежу... — клялся каждый пехотный и кавалерийский рядовой, унтер и обер-офицер, — никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, непременно, добровольно, и верно так, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду»[5]. А ведь слова присяги произносили перед Святым Евангелием, целуя его по окончании клятвы «Всемогущим Богом»... Так святость присяги переходила на знамя. Этому способствовала и другая особенность мудрого ритуала: клятва давалась «при распущенном знамени».

А ритуал отдания чести воинскими частями? Знамена склонялись только перед государем; всем прочим владетельным особам и должностным лицам войска лишь «делали на караул».

Однако Петр I, столько сделавший для возвышения знамени, сам же и низвел его до обыденной тряпки. Жалуемые государем стяги превратились при нем в рядовые предметы снабжения, заготовляемые самими полками и заменяемые по выслуге 5 лет — подобно котлам, киркам, палаткам и прочему табельному имуществу. И уж совсем трудно объяснить, почему Петр лишил права на знамена артиллеристов. Ведь этим он словно отказывал боевым стягам во всяком символическом значении и признавал за ними лишь функцию ориентиров! Ориентиры пушкарям и впрямь не требовались...

Перегиб исправил лишь Павел I, установив 30 апреля 1797 года, что знамена и штандарты (кавалерийские знамена) жалуются государем, обязательно освящаются и служат бессрочно. Отныне они могли быть заменены лишь в том случае, если часть удостаивалась специальных наградных знамен либо, просуществовав 100 (или 150, или 200 и т. д.) лет, приобретала право на стяг с юбилейной надписью (последнее правило ввели в 1838 году). Характерна история со знаменем Казанского губернского батальона, пожалованным в 1800 году. К 1871 году полотнище совершенно истлело, и батальон ходатайствовал о выдаче ему нового знамени. Однако казанцам отказали: 150-летний юбилей их части был уже позади, а до 200-летнего оставалось еще 40 лет. Новое знамя прислали лишь в 1911 году, когда батальон уже был развернут в 193-й пехотный Свияжский полк.

Так благородный символ еще больше приподнялся над своим материальным обликом полотнища на древке. А затем и символика знамени обогатилась новыми значениями. Это зафиксировала уже «Памятка для нижних чинов», утвержденная военным министром 11 марта 1835 года. «Знамя, — определяла она, — есть священная хоругвь, под которой соединяются верные своему долгу воины. Знамя — святыня, слава, честь и жизнь служащих. Честный, храбрый солдат — умрет в руках со знаменем, а не даст его на поругание неприятелю, ибо знамя заключает в себе все священные драгоценности наши: Веру, Государя и Отечество»[6]. Таким образом, петровское

понятие о стяге как о символе воинской чести и боевого товарищества расширилось. Ко второй трети XIX века на знаменах и штандартах стали изображаться символы всех трех «священных драгоценностей» — крест, вензеля пожаловавшего стяг монарха и гербовый двуглавый орел. После этого освященные и навечно пожалованные государем знамена уже нельзя было не назвать святынями...

Петровские артикулы читались и толковались еще румянцевским и суворовским «чудо-богатырям»; затем в основу занятий с солдатами легла «Памятка» 1835 года. Согласно утвержденным в 1880 году «Положениям о порядке обучения молодых солдат», «значение знамени» относилось к «сведениям, знание которых обязательно для каждого рядового» пехоты и кавалерии. Более того, это значение вчерашний новобранец должен был уяснить себе в первую же из 16 недель тогдашнего «курса молодого бойца». Кстати, разъясняя эту тему, многие командиры не ограничивались «программным» определением, а прибегали к привычным для крестьянского парня понятиям. В конце прошлого века, например, говоря о святости боевого знамени, его часто сравнивали с образом.

В XIX веке появились и новые ритуалы. Глубоким смыслом обладал, например, обряд прибивки полотнища вновь пожалованного знамени к древку. Старший в чине из присутствующих доколачивал верхний из «наживленных» гвоздей; затем молоток передавался следующему по старшинству военному, и последний гвоздь вбивал рядовой. Ведь знамя объединяло всех в полку — от генерала до рядового...

Знамя жаловалось навечно — и прибивалось раз и навсегда. Даже на починку древка, если она влекла за собой необходимость «перебивки» полотнища, с 1883 года требовалось испрашивать высочайшее разрешение.

При отдании чести «священным хоругвям» все военнослужащие, включая и генералов, становились во фронт (а генералы, например, «делали фронт» еще только императору, императрице, великим князьям, княгиням и княжнам, иностранным монархам, титулуемым «ваше величество», и их наследникам). Сами же знамена и штандарты склонялись лишь перед императо-

рал-майор А. А. Тучков 4-й в «день Бородина», штабс-капитан лейб-карабинерного Эриванского полка М. Менделеев под Карсом 17 сентября 1855 года, командир 63-го пехотного Углицкого полка полковник В. Ф. Панютин под Шейновом 28 декабря 1877 года...

Идея высокого значения знамени, став могучим средством воинского воспитания, влияла и на боевую практику. При этом она и сама обогащалась новыми оттенками, приобретала новое звучание. «...Кусок материи... сохранение которого стоило жизни сотням, а может, и тысячам людей, входивших в состав полка в продолжение его векового существования... такой кусок материи есть святыня — не условная военная святыня только, но святыня в прямом и непосредственном значении этого слова»[15] — так писал в 1868 году будущий «учитель русской армии» Михаил Иванович Драгомиров. Та же мысль выражена в простых и искренних строках капитана Е. М. Кирилова:

...Те знамена, что видали,
Как под ними умирали
Офицер и рядовой,
Защищая их собой.
Те знамена — гордость наша,
Те знамена — слава наша,
Память всем нам дорогая
И святыня полковая[16]

26 августа 1831 года под Варшавой осколками польской гранаты был искалечен штандарт 3-го дивизиона лейб-гвардии драгунского полка. Однако при ремонте новое древко увенчали прежними Георгиевским крестом с отбитым концом и орлом с погнутым крылом — этими немыми свидетелями того, как со словами: «Спасите, спасите штандарт» — упал под ним смертельно раненный штандарт-юнкер Руновский и как выручил свою святыню штабс-капитан Левкович с десятью драгунами...

Старое знамя не просто «становилось святыней в прямом и непосредственном значении этого слова». Оно превращалось в символ связи поколений. Самим своим видом такой стяг вызывал в сознании молодого солдата картины былых сражений, образы «прежних боевых товарищей», о которых ему рассказывали на занятиях по истории части. А затем появлялось стремление и самому стать похожим на них.

Особенно действенным средством воспитания воинов на боевых традициях части стали наградные знамена и штандарты — простые с надписью отличия, жаловавшиеся в 1800—1877 годах, и введенные в 1806 году Георгиевские — со знаком ордена св. Георгия в навершии и кистями на Георгиевских лентах. Этот символ отличался большей наглядностью: на полотнищах наградных «хоругвей» помещалась надпись с указанием ратных дел, за которые часть удостоилась отличия. Впечатляюще выглядела, например, надпись на полковом Георгиевском знамени 48-го пехотного Одесского полка: «В воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 17 и 20 Января 1814 г. при Бриен-Ле-Шато и Ла-Ротиер, 25 Декабря 1853 г. при Четати, 4 Августа 1855 г. на р. Черной и за Севастополь в 1854 и 1855 годах». За второй записью в этом перечне (Ла-Ротьер) стояли 136 убитых и раненых одессцев, за третьей — 693, за четвертой — 10046[17]...

Стремление заслужить наградной стяг бывало столь же мощным, что и желание не посрамить старых знамен. Для некоторых частей наградой были и простые знамена (штандарты) без надписей. До 1828 года не полагалось стягов егерским, саперным и пионерным полкам и батальонам, до 1833-го — гусарским, уланским и конно-егерским полкам, а во второй половине XIX века — вновь формируемым отдельным батальонам (кроме резервных, которые в военное время развертывались в полки). «Священную хоругвь» эти части могли получить только за боевое (редко — за «смотровое») отличие или по достижении ста лет существования.

Сохранились воспоминания, как мечтал о знамени, отправляясь на войну 1877 — 1878 годов, 14-й стрелковый батальон. «Жив не буду, а без знамени в Одессу не приедем», — поклялся тогда штабс-капитан В. А. Червинский Он был смертельно ранен на Шипкинском перевале 12 августа 1877 года, когда его батальон вместе с другими частями 4-й стрелковой бригады уже получил в войсках прозвище «железных стрелков». Забалканский поход И. В. Гурко, бросок на помощь защитникам Шипки, бои на перевале и новый поход за Балканы принесли батальону сначала простое, а затем и Георгиевское знамя.

Только в 1897 году знамена получили все отдельные батальоны — кроме железнодорожных, понтонных и обозных, «которым по роду службы в военное время и в силу особенностей их боевого назначения не соответственно было бы иметь знамена»[18].

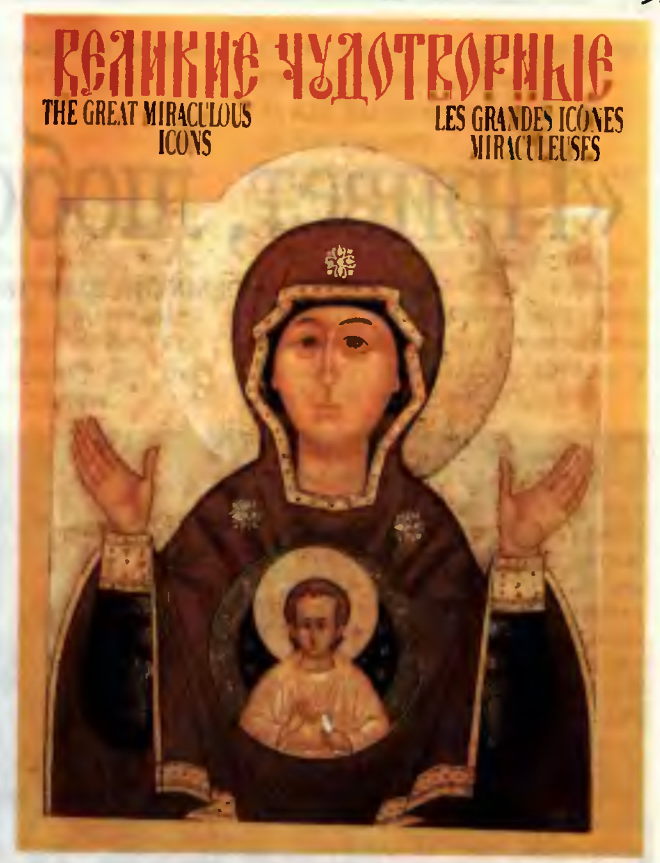
В артиллерии функция знамен возлагалась на орудия. В наставлениях молодым канонирам прямо указывалось, что защищать от врага свои пушки они должны точно так же, как солдат защищает свое знамя — «до последней капли крови»[19]. Присягали артиллеристы перед фронтом орудий. Так была освящена традиция, шедшая еще от пушкарей Ивана Грозного, что погибли под Венденом, но не ушли от своих пушек...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Орлов Ф. Павловские и екатеринииские гренадерки и л.-гв. С.-Петербургский полк. Варшава, 1913. С. 34—35.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. С. 24.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. V. СПб., 1830. № 3006. С. 345, 347.
4. Там же. С. 445.
5. Там же. С. 320.
6. Свод военных постановлений. Т. VII. СПб., 1838. С. 248.
7. Трубецкой В. С. Записки кирасира//Наше наследие. 1991. № 2. С. 90.
8. Памятка Семеновцу в день 200-летнего воспоминания битвы при Лесной 28-го Сентября 1708 г. СПб., 1908. С. 8.
9. История лейб-гвардии Павловского полка. 1790—1890. СПб., 1890. С. 320.
10. М. И. Кутузов. Сборник документов Т. 2. М., 1951. С. 260.
11. Гибель 5-го стрелкового полка под Мукденом. СПб., 1907. С. 43—44.
12. Свод военных постановлении 1869 года. Ч. 2. Кн. 8. СПб., 1889. С. 28.
13. М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 2. С. 300.
14. Там же. Т. 3. М., 1952. С. 590.
15. Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей. 1858— 1880. Т. 1. СПб., 1881. С. 475.
16. Кирилов Е. Памятка 114-го пехотного Новоторжского (бывшего Староскольского) полка. Краткая история полка (1763—1900 г.). Новгород, 1902. С. 46.
17. Попов Ф. Г. Памятка о столетнеи службе 48-го пехотного Одесского полка 1811—1911 г. М., 1911. С. 34, 60, 71.
18. Приказы по Военному ведомству. 1897 г. СПб., 1897. С. 285—286.
19. Памятка нижнему чину, служащему в Осовецкой крепостной артиллерии. СПб., 1909. С. 14.

«Великие Чудотворные»

(составитель и автор текста В. Е. Суздалев).
Нижний Новгород, 1993.

Издание альбома «Великие Чудотворные» — значительное событие нашей культурной жизни. Специалистам известно более тысячи названий икон Богоматери, из которых широко распространены и легко узнаются лишь около сорока.

В «Великих Чудотворных» представлено 88 иконографических типов икон с изображением Богоматери, начиная от самых древних и до 1917 года.

Во вступительной статье рассматриваются причины благоговейного отношения на русской земле к образу Богоматери, которая по традиции считается покровительницей России.

Иллюстрации предваряются репродукцией с иконы «Минея» (годовая), где в двенадцати регистрах в клеймах представлены 160 типов Богоматери с «Богоматерью Неопалимая Купина» в центре. Иконы этого извода известны специалистам, есть они и в действующих церквах, и в собраниях некоторых музеев, но никогда ранее не публиковались и в научный оборот введены не были.

Особая ценность этого альбома в том, что большая часть икон (даже известных иконографических типов) проиллюстрирована образцами, мало или никогда до этого не публиковавшимися. Сюда включены и такие редкие изводы, как «Богоматерь Державная», «Абалацкая-Знамение», «Албазинская», «Египетская», «Жировицкая», «Леснинская», «Плач при Кресте», «Рудненская-Ратьковская», «Целительница». У дореволюционных авторов есть сведения об иконе «Прибавление ума», но в старых изданиях изображение этой иконы отсутствует. Впервые эта икона публикуется в альбоме «Великие Чудотворные».

До недавнего времени внимание специалистов, занимающихся изучением русской иконописи, было сосредоточено на древних образцах. Мы еще очень мало знаем об иконах даже XVII—XVIII столетии, а образцы XIX—XX веков совершенно выпали из поля зрения исследователей. Альбом под редакцией В. Е. Суздалева включает иконы, написанные в разное время, в том числе и в конце XIX — начале XX века, и в наши дни, иконописцами нового поколения, стремящимися возродить традиции русской иконописи.

Каждая из икон, представленных в альбоме, сопровождается основными сведениями о времени и месте ее явления или прославления, особенностях ее иконографии, о главных событиях, с ней связанных.

И если в дореволюционных изданиях в качестве иллюстраций помещались черно-белые литографические изображения небольшого размера (образцы икон, опубликованных в то время, как правило, находились под темными слоями олифы; первоначальное изображение часто было скрыто или искажено поновительскими записями), а после 1917 года изображения икон «Богоматери» в цвете можно было найти в альбомах по древнерусской живописи раннего периода русского искусства, посвященных другим проблемам, то альбом «Великие Чудотворные» — первое систематизированное издание по иконографии Богоматери, целиком проиллюстрированное цветными полосными репродукциями с подлинных памятников. Таким образом, это издание является прекрасным справочником как для исследователей-специалистов, так и для современных иконописцев и широкого круга читателей. Альбом удобен для работы, поскольку иконы в нем расположены в алфавитном порядке. Сопроводительный текст дается на русском, английском и французском языках.

В заключение следует выразить глубокую признательность Нижегородскому Центру творческого сотрудничества, выпустившему альбом благодаря финансовой поддержке предпринимателя из Нижнего Новгорода Файвиша Сейнера.

ГАЛИНА КЛОКОВА

ром, императрицей и иностранными «величествами». «Вблизи штандарта, — вспоминал гвардеец 1910-х годов князь В. С. Трубецкой, — никто не смел произнести ругательства или скверного слова»[7].

Начиная с 1797 года присягающий должен был держаться рукой за полотнище знамени. А с конца XIX века приводимые к присяге молодые солдаты, кроме Евангелия и Креста, целовали и это полотнище. «Помни принимающий присягу, — писал в 1908 году настоятель полковой церкви лейб-гвардии Семеновского полка протоиерей Александр Алексеев, — что ты присягаешь под сенью своего полкового знамени, как бы под сводами храма»[8].

А вот обычай прощания со знаменами родился непосредственно в войсках — в Нижегородском драгунском полку. В 1864 году из него было уволено в отставку много старых солдат — ветеранов Кавказской и Крымской войн. Они-то и стали первыми, которые, прощаясь с родным полком, поклонились до земли и поцеловали край склоненного над ним штандарта. От нижегородцев этот обычай переняли и другие части русской армии.

Честно исполняли наказ Петра Великого знаменщики. История нашей армии знает немало случаев, подобных тому, что произошел 12 октября 1877 года у болгарского селения Горный Дубняк. В разгар тяжелого боя за турецкий редут был смертельно ранен знаменщик 4-го батальона лейб-гвардии Павловского полка фельдфебель Василий Митрофанов. Однако на все просьбы отдать знамя ассистент, сам вскоре погибший, слышал лишь сердитое: «Я жив еще!» «Только чувствуя приближение смерти, — пишет историк части, — передал Митрофанов святыню полка другому ассистенту — унтер-офицеру Теремкову. Достойного преемника избрал себе Митрофанов: Теремков, будучи ранен, до конца боя оставался в строю и отправился на перевязочный пункт только после того, как... водрузил знамя на валу турецкого укрепления»[9].

А когда наступал предусмотренный Петром «опасной случай при ретираде»... 20 ноября 1805 года при Аустерлице французы сумели окружить вторую и третью колонны русско-австрийской армии. В эти тяжелейшие минуты выполнили петровскую инструкцию портупей-прапорщики Нарвского, Подольского, Пермского и Бутырского мушкетерских полков Гавриленко, Лецык, Кублицкий и Измайлов 1-й, фельдфебели Галицкого мушкетерского Никифор Бубнов и Селиверст Куфаев, унтер-офицер того же полка Иван Волков и еще несколько героев. Каждый из них спас, сорвав с древка и вынеся на себе, ротное или полковое знамя.

Верными долгу оставались и попавшие в плен. «Бутырского мушкатерского полка подполковник Трескин, — докладывал 15 января 1806 года Александру I М. И. Кутузов, — разменянный из плена от французов, представил знамя Азовского мушкатерского полка и притом донес, что получил он его при выезде из Брюнна Бутырского ж полка... от рядового Чайки, которой, вручая оное, объявил: Азовского мушкатерского полка унтер-офицер Старичков, бывший в плену, покрытый ранами, умирая, отдал оному рядовому сие знамя, умоляя сберечь его, и скоро после сего умер. Рядовой Чайка, приняв оное с благоговением, сохранил при себе»[10]. Еще четыре стяга сберегли в плену портупей-прапорщики нарвец Михаил Шеремецкий, бутырец Николай Кокурин, галичанин Петр Полозов 2-й и гренадер-нарвец Петр Нестеров. Все эти знамена, поскольку руки врага их так и не коснулись, Александр I разрешил вновь прибить к древкам.

Георгиевские знамена 1-го (верхнее) и 4-го батальонов 83-го пехотного Самурского полка. Надпись за Ла-Ротьер заслужена одним из предков самурцев — 39-м егерским полком. Из егерей этого полка в 1834 году сформировали Грузинский линейный № 10 батальон, который в 1846-м стал 5-м батальоном Самурского полка (с 1874 года — 4-й батальон).

Первыми, кто в трудный час вынес на себе из боя свое знамя, были, по-видимому, подпрапорщик Полянский, капитан Барков и майоры князь Долгорукий и Чебышев — участники сражений с турками под Триполицей и Модоном весной 1770 года.

А если становилось ясно, что вынести знамя из боя не удастся? Волнующий пример спасения чести полка в такой ситуации дала русско-японская война. 26 февраля 1905 года под Мукденом были отрезаны от своих две роты 5-го стрелкового полка. Воины очутились в «огневом мешке», и, видя, как тают ряды, штабс-капитан Гурский приказал уничтожить знамя. Знаменщик унтер-офицер Лопуев успел спрятать под мундиром полотнище и рассовать по расщелинам мерзлой земли скобу, навершие и разломанное на части древко, когда был тяжело ранен, а оба назначенных ему в помощь унтер-офицера — убиты.

«Но вот он видит, что японцы уже близко... — писал впоследствии участник боя. — Они окружают остатки роты, расстреливая свои патроны... Он видит, как обшаривают даже убитых... Кто знает, останется ли он жив?.. Слабеющею рукою он вытаскивает остатки полковой святыни, ища места, где бы их спрятать... Он видит глубокий

след копыта, кладет их туда и, царапая мерзлую землю, засыпает твердыми комками земли и пылью...

У него нашлось еще настолько самообладания и силы воли, чтобы отползти на несколько шагов и тем отвлечь внимание японцев от того места, где было схоронено знамя. Через несколько мгновений его тщательно обыскивали...»[11]

Характерно, что из 16 солдат и офицеров русской армии, навечно зачисленных в списки своих частей, 15 удостоились этой чести за участие в спасении знамени. А имена Старичкова и Чайки обязан был знать каждый русский солдат.

Но иногда знамя все-таки попадало к врагу. Правда, обстоятельства здесь могли быть различными. Так, 28 декабря 1880 года совершившие вылазку из осажденной генералом М. Д. Скобелевым крепости Геок-Тепе туркмены-текинцы завладели знаменем 4-го батальона 81-го пехотного Апшеронского полка. Но прежде чем это сделать, нападавшим пришлось изрубить почти всю 14-ю роту, при которой находилась святыня... Сознание того, что «священный символ чести полка перешел во вражеские руки только потому, что защищать его уже было некому», помогло апшеронцам пережить пятнадцать «скорбных дней», пока 12 января 1881 года они не взяли Геок-Тепе и не отбили свое знамя. Александру II обстоятельства боя 28 декабря позволили сделать исключение из правил и разрешить полку по-прежнему выносить это знамя в строй. Ведь по закону «потерянные в деле знамена и штандарты не могут быть иначе возвращены, как особенным отличием»[12]. До этого запятнавший свою честь полк обрекался на позорную участь службы без знамен.

Действие этого установленного Павлом I правила сполна испытали на себе, например, 1-й и 2-й батальоны Литовского пехотного полка. Окруженные 19 марта 1831 года превосходящими силами поляков, они, даже не пытаясь прорвать кольцо, сложили оружие и знамена. В 1-м, правда, сохранилось копье (навершие), спасенное унтер-офицерами Иваном Гордючным и Леонтием Тимофеевым. Это копье, которое Николай I разрешил насадить на древко, и выносили в строй вместо знамени. 2-й батальон, не имевший и этого, в 1842 году расформировали для укомплектования других частей. Но так как за год до этого он неплохо показал себя в стычках с горцами, «проклятие» с номера «2» было все-таки снято. Во 2-й переименовали 4-й батальон полка (он, как сформированный только в 1835 году, имел знамя). 1-й батальон тоже искупил свою вину на Кавказе. 6 июля 1845 года он первым пробился к резиденции имама Шамиля — аулу Дарго — и заслужил себе новое знамя.

Георгиевские знамена 1-го (верхнее) и 3-го батальонов 164-го пехотного Закатальского полка.

Но укоренившаяся в сознании русского солдата идея святости боевого знамени не просто побуждала жертвовать собой ради его спасения. Она не раз становилась и материальной силой, двигая вперед полки и батальоны. Как гласило известное правило русской армии, «где знамя, там и солдат». Вплоть до начала XX века знамена по-прежнему постоянно находились в боевых порядках войск. Разумеется, они продолжали сохранять свою исконную функцию ориентиров: «по знамени», например, строились в промежутках между атаками. Но, думается, учитывая и то мобилизующее, стимулирующее действие воинской святыни в бою, которое имел в виду М. И. Кутузов, требовавший «иметь оные (знамена. — *А. С.*) всегда во фронте и уметь их беречь*»[13].

Пожалуй, самый яркий пример дала здесь русско-польская война 1830—1831 годов. 26 августа 1831 года штурмовавший одно из укреплений Варшавы Елецкий пехотный полк начал подаваться назад; кое-кто из солдат уже бежал. Заметив это, командир полковник П. П. Липранди выхватил у знаменщика одно из знамен, перебросил его через ров к полякам и с криком: «Ребята, выручайте ваше знамя!» — первым бросился вперед. «Где знамя, там и солдат» — забыв обо всем, ельцы устремились вперед и успешно довершили штурм, отбив, разумеется, и знамя.

Конечно, Липранди страшно рисковал. В русско-турецкую войну 1806—1812 годов был случай, когда командир Староингерманландского пехотного полка подполковник Жабокрицкий «в поощрение своих баталионов бросился со знаменем в руках на ретраншемент неприятельской», но, не поддержанный вовремя своими, погиб, «с чем самым и знамя досталось в руки неприятелю»[14]. Не сумевший уберечь свою святыню батальон лишился тогда в наказание тесаков и попал в приказ по армии...

Впрочем, этот прискорбный эпизод, происшедший 28 августа 1811 года под крепостью Рущук, остался, кажется, единственным. Зато не перечесть случаев, когда порыв командира, в тяжелый момент боя устремившегося вперед со знаменем в руках, увлекал за ним всех находившихся вокруг... Так вели за собой людей капитан Московского гренадерского полка М. Квашнин под Свенцянами в июле 1794 года, командир пехотной бригады гене-

* Разрядка автора. — *Ред.*

«Привет, любовь, дружба...»

СЕМЬ ПИСЕМ ГРИГОРИЯ КОЗИНЦЕВА

Григорий Михайлович Козинцев (1905—1973), один из корифеев отечественного экрана, признанный еще при жизни классик мирового кино, был, как известно, блестящим литератором и глубоким исследователем искусства. Его творческое наследие содержит не только шедевры кинорежиссуры (вспомним фильмы «Чертово колесо», «Шинель», «Новый Вавилон», снятые вместе с Л. З. Траубергом в двадцатых годах, знаменитую трилогию о Максиме — в тридцатых, классические экранизации «Дон Кихоты» Сервантеса, «Гамлета» и «Короля Лира» Шекспира — в 1950—1970-е), но и множество литературных текстов, не поместившихся даже в посмертно изданное пятитомное собрание сочинений (Л.: Искусство, 1982—1986). Это — автобиографические и одновременно историко-теоретические книги «Глубокий экран» и «Пространство трагедии», выдающееся шекспироведческое исследование «Наш современник Вильям Шекспир», киносценарии, статьи о киноискусстве и театре, дневники. Публикации материалов обширного личного архива мастера, осуществленные в последние годы его вдовой В. Г. Козинцевой, раскрывают все новые грани исключительной личности этого «интеллигентнейшего и умнейшего человека», как пишет о нем в своей только что вышедшей книге «Тени зазеркалья» Алла Демидова и как считали все, кому судьба даровала счастье общения с ним.

Важное место в литературном наследии Козинцева занимает переписка. Наследник высокой эпистолярной культуры XIX — начала XX века, Григорий Михайлович переписывался с самыми разными людьми. Среди его корреспондентов были С. М. Эйзенштейн, Д. Д. Шостакович, Питер Брук, А. А. Тарковский, С. И. Юткевич, А. А. Аникст и ряд других выдающихся деятелей культуры, а также друзья, коллеги, ученики, а порой и вовсе незнакомые люди, авторы книг и статей, привлекших внимание Григория Михайловича. Для всех он, всегда загруженный собственной работой, ухитрялся находить и время, и необходимое слово. Среди адресатов его и автор настоящей публикации, критик, искусствовед, историк кино и театра.

Я знала Григория Михайловича и преклонялась перед ним с детства: до войны он дружил с моим отцом, историком, профессором МГУ, вскоре погибшим в Московском ополчении под Вязьмой осенью 1941 года. Снова встретилась я с Григорием Михайловичем, уже будучи профессиональным критиком. Начиная с 1950-х годов и вплоть до его кончины мне посчастливилось немало работать с Г. М. Козинцевым над интервью, диалогами для газет и журналов, репортажами со съемок. К тому же двадцатилетию относится и переписка — около ста его писем, на мой взгляд, очень интересных. Несколько было опубликовано в 5-м томе собрания сочинений (1986), остальные хранились бесценным фондом, ожидая своего часа. Перед вами — первая публикация.

Быть самому себе судьей не дай Бог [illegible] А без него ничего делать в искусстве нельзя.

Ленинград 3. 1. 65

Милая Нея Марковна:

1) Мы Вас очень любим. И Вы у нас уже вроде родственника.

2) Ночью придумал добавки

А) О «Гамлете»

Работа над классическими произведениями не может быть трудом только одного человека. Это продолжение усилий поколений, развивающихся в споре национальной культуры: Шекспир приобрел в России еще со времен Пушкина, Белинского и Герцена особые черты. Работа — в том числе и наш фильм — остается незаконченной. Если есть в ней жизненные черты, ее продолжают новые художники.

Я не люблю дубляжа. Озвученный фильм кажется мне лишенным сердца. Однако с «Гамлетом» произошло по-иному. В итальянском дубляже **Энрико Мария Салерно** внес в роль новые черты; мне показались прекрасными песни безумной Офелии, исполняемые молодой артисткой **Амэлией Марэлло**[1]. Но это был уже в какой-то части итальянский Шекспир. В немецком варианте вместе с Названовым[2] отлично потрудился артист «Берлинер Ансамбля» (как его пишут?) **Вольф Кайзер.** Эти работы не напоминали дубляж: художники других наций не имитировали наших исполнителей, а включились в общую работу, внесли в фильм свой авторский труд.

Б) Просьба включить (может быть, в «Максима» или где идет разговор о коллективе): много труда внесли в эти фильмы и бывшие тогда нашими ближайшими помощниками **И. Фрез** (теперь известный режиссер детских фильмов), **Н. Кошеверова** (постановщик «Золушки» и «Укротительницы тигров») — эти люди выросли в нашей мастерской.

И как можно пышнее о Енее[3].

Чтобы все это было, как говорил Эйзенштейн, «сзади». И ничто не омрачало светлый горизонт нашей древней дружбы (старейший производственник-пенсионер передает опыт пионерке).

Если упоминать учеников, то кроме «немого периода»: Э. Рязанов, В. Катанян, Стасик (тот самый), артисты В. Ивашов, Л. Марченко (та самая!) А может быть и нет общественного интереса во всех этих перечислениях? Salut!

31. V. 69

Милый друг Нея,

я получил Ваше письмо и так обрадовался, что даже не смог погнать со съемок приложенного к письму Алика[4]. Вы должны знать, что являетесь для меня исключительно хорошей протекцией (тут я запутался в грамматике: «ко мне», а не «**для меня**»): для Вас я готов и не то еще сделать.

Бородатому Алику будет открыт зеленый свет, и он увидит, какое у нас на съемках творится антихудожественное дело: загорают, жгут зеленые насаждения, гоняют разных стариков до ветра (опять запутался — «**против ветра**») и т. д.

Как жаль, что Вы приедете в Нарву, где будет, наверное, куда приличнее (хочу надеяться).

Очень рад и польщен, что Вы будете сочинять мой портрет. Готов позировать на коне или в полной парадной форме со знаком «Отличника кинематографии» на грудях и грамотой «За подготовку кадров Казахской кинематографии» в правой руке.

Нарочно Вас завлекаю, чтобы Вы не изобразили вместо меня какого-нибудь представителя Новой волны с огнем в сердце и именем Никиты на устах.

Очень прошу немедленно написать письмо на сл. темы:

1) Как Вы меня любите?

2) Что нового?

3) Если сдохла какая-нибудь скотина, то, слава Богу, какая?

4) И вообще.

Я тут один и погибаю. Валя[5] пасет отъезжающего Сашку[6] и маму с холециститом. А девицы могут меня полюбить только за использование служебного положения, которое у меня и без того шаткое.

1964 год. Италия. Г. Козинцев, А. Куин, Ф. Феллини.

Если у Вас есть польский журнал, где про «Лира», — пришлите. Я им дал интервью, потому что Теплицы сказали, что Питера[7] показал себя удивительно (!) порядочным человеком. Я здесь до 15—20 июня. Привет, любовь, дружба.

3. IX. 69

Милый друг Нея.

Я приехал на несколько дней в Ленинград, чтобы разобраться в делах и 5-го еду обратно в Нарву, где буду, увы, весь сентябрь и часть октября. Что касается съемки для телевидения, то — для Вас я готов на всяческие унижения. Худо только то, что с 10 сентября в Нарве будет ленинградское заведение того же ведомства и будет тоже снимать мою печальную личность (телепортрет «Все в прошлом»); как Ваше с ним диспетчеризируется? И нельзя

ли устроить, чтобы обе группы снимали «Лира», а я их портрет или даже групповую фотографию.

Вас я, разумеется, всегда рад видеть. Ваше предложение об участии артистов мне, как и все, что касается таких передач, понять трудно, поскольку речь идет о таком гнусном предмете. Могу предложить название «Отцвели уж давно хризантемы...», еще — «Сюжет для печального рассказа», еще — «Григорий горемыка»...

Кадр из фильма «Возвращение Максима».

Что еще посоветовать? Видимо, надо труженикам голубого экрана сговориться с Шостаком: он заведующий. И еще ленинградский тележиссер приехал в свитере с розовыми огурцами, а поверх лиловое пальто с голубой клеткой. Ей-Богу. Такое я не видел ни в Сохо, ни на плас Пигаль и даже у певца Лики такого нейлона нет. Так что пусть не ударят лицом в грязь.

Ну, что еще написать?.. Как говорится у Шекспира: «Терпенье, небо, мне терпенье нужно!»

Г. К. Телефон Шостака в Нарве: кабинет — Нарва 70—46 гостиница Нарва 23—56

(Над буквами Г. К. красным фломастером нарисовано сердце, пронзенное стрелой. — *Н. З.)*

14. XII(71)

Милый друг Нея!

Вынужден Вам написать сверх программы, так как сил нет терпеть. За что? Только что черт и моя жена дернули меня посмотреть **Кинопанораму**, и стыд и срам охватил все мое не такое уж мощное существо.

Гори огнем все это проклятое телевидение, подлый ящик и Ваша толстая редакторша. **Только ради Бога никому не говорите, чтобы не дошло до Каплера**[8]. Он ведь желал мне всяческого добра, а что вышло?.. Невыносим вид человека, которого хвалят в глаза (вернее, в печальную, занудную физиономию), а он сидит, слушает это. Потом показывают черт знает что (теперь я понял, что они пересняли отрывок из фильма на видеозапись или как эта дрянь называется?): ни черта не видно, слышно только озвучание, выходит непереносимая фальшь. И это — в середке между комплиментами!!!

Сгореть можно от того, как стыдно.

К чему я Вам пишу все это (думаю, что посыплются ругательные — и справедливо — письма): не вышло ли того же из моих текстов про Ярвета[9]? Я не умею все такое делать. Особенно теперь: хорошо понимаю, **что плохо**, сделать хорошо не выходит, а вот стыдиться научился как следует быть. На коленях умоляю: если то, что я болтал про Ярвета, имеет лишь пустой комплиментарный характер, оставьте немого, очень прошу. Я теперь по многим причинам не в ораторской форме.

Вот какое невеселое письмо с нарзанных мест[10].

Приписка В. Г. Козинцевой:

«Неечка, дорогая! Хотя мы здесь уже четыре дня, нервы у нас еще не окрепли, а сегодняшняя панорама ввергла Гришу в отчаяние и мрак, как в самые лучшие времена в Ленинграде...»

Дорогой друг Нея!

Сердечное спасибо за письмо-сюрприз. Я имею в виду Ваш полный прелести способ писания на двух сторонах очень тонкой бумаги чернилами двух сортов. Теперь я впервые и по-настоящему понял, что такое подтекст. Сочетание текста (зеленым черн.) и подтекста (фиолетовым) — на одной стороне и обратная комбинация на другой создавали такое буриме и почту амура, что осознать Ваши мысли я смог, только применив общий ключ, т. е. кодовые знаки «труп»; «Галка — хорошо»[11], «Караганов — плохо»[12] и т. п.

Завтра я еще попробую проложить и текст и подтекст простоквашей — так поступал Шерлок Холмс. Но так как Энгельс учил, что именно труд превратил человека в обезьяну (или наоборот?), то все окончилось хорошо (для меня? обезьяны?)

Несмотря на Вашу апологию ящика, 26-го я это дело по второму разу смотреть не буду, и тот, первый раз, постараюсь забыть как дурной сон и срамное дело (будто Рошаль[13] поцеловал меня сахарными губками или я на юбилее «Огонька» танцевал вальс-папильон с Софроновым).

Живем ничего себе. Смотрим каждый день картины: братские, арабские, обратно родные: «Угол падения» по Кочетову, «Пан Володиевский»... и т. д.

Раны зализываются. Домой ехать не хочется. Тоска смертная. А что человеку надо?.. Чтобы его не трогали. Но все же свежая шерсть начала появляться; иногда хочется — хоть ненадолго — стать на четыре ноги. От речи тоже помаленьку отвыкаем. Так что дело движется. А тут и Новый год. С наступлением которого мы и поздравляем дорогую Машу и Нею.

От лица семьи Г.

(Письмо без даты — Кисловодск, последние числа 1971 г. — *Н. З.*)

2. VI. 72

Нея друг,

Что делать? Жрет меня с нечеловеческой силой тоска. Чем пышнее антураж, тем она, стерва, меня отчаяннее гложет. От всего этого Тьеполо со структуралистами[14] у меня стало так муторно на душе, что ни одной мысли собрать не могу. Сижу за столом, как полный балда, и все валится на кусочки и кажется мне ни гроша не стоящим.

Появилась охота похерить все эту затею с «Пространством трагедии»[15]. Стало мне скучно про все это писать. Получается «по второму кругу». Сама затея оказалась вздорная. Нельзя писать «на основе» дневников. Или сейчас, только что написанное, или — обдуманное, выстроенное. Не выходит; пробую ловчить то похабно-кокетливой ассоциацией, то, испугавшись, что будет скучно, дую «из быта киносъемок». Срам.

Где-то копошится (на задних планах) что-то новое; но понятно это только мне, и до «жемчужного зерна» еще далеко.

Вот как все неладно.

А люди дело делают. И как. Удивительно хорош «Декамерон» Пазолини. Ничего: ни тем, ни ходов, ни ассоциаций. Одно только счастье искусства под названием «итальянское». Все — чудо. Лицо — чудо. Воздух — чудо. А чудес вовсе нет. Просто так люди естественно (это у Пазолини!) живут, занимаются любовью, когда приходит охота (я не видел ничего более откровенного и менее «сексуального»). А показывает это художник, у которого в самой крови **то** искусство Италии. Лица не «под живопись», а на уровне ее, **той** живописи. А завтра (или уже сегодня) он снимает что-то иное. Чепуха это все — не выстраданные, а вымученные картины, книги. Увы. Пишите, не забывайте. Г.

Милый друг Нея,

мы Вас любим. Мы огорчаемся, что Вы огорчаетесь. Сюжет для небольшого рассказа про газетные дела — исчерпан. Причина моих волнений была во мне самом: с годами растет чувство стыда. Это очень гнусно, когда все, что делаешь, начинает казаться плохим. Черт с ним, пусть бы только плохим, а то еще с какой-то лихостью. От лихости хочется на стенку лезть.

Мне жаль, что Вы, судя по письму, поссорились с Зориным[16]. Я его не знаю. Но по Вашим рассказам он Вам был друг. А это, ей-Богу, очень много и важно. Ну, так сказал, иначе сказал... Что проку в этом «сказал»?

Нет смысла обижаться на слова.

Я много работаю. Мечтаю эту работу (книгу) закончить поскорее и опять начинаю переписывать...

Много очень хороших писем — эхо Конгресса[17].

Вчера получил от буддийского священника. Так что «Лир» как-то сомкнулся с Дзен.

у Вас

Чтобы все было хорошо.

Г. К. 7. 1. 72.

Г. Козинцев, А. Москвин, Д. Шостакович и Л. Трауберг во время съемок «Выборгской стороны».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Итальянская актриса, дублировавшая роль Офелии в фильме Г. Козинцева «Гамлет» (1964).
2. Названов Михаил Михайлович — актер, исполнитель роли Клавдия в «Гамлете».
3. Еней Евгений Евгеньевич — художник, сценограф фильмов Козинцева.
4. Александр Иосифович Липков — кинокритик.
5. Валентина Григорьевна Козинцева — жена режиссера.
6. Александр Григорьевич Козинцев — сын режиссера, ныне доктор исторических наук, антрополог.
7. Питера Збигнев — польский кинокритик.
8. Каплер Алексей Яковлевич — актер, сценарист, драматург.
9. Ярвет Юри Евгеньевич — эстонский актер театра и кино.
10. Страдая сердечной болезнью, Козинцев ежегодно лечился в санаториях Кисловодска.
11. Галина Лучай — редактор телевидения.
12. Караганов Александр Васильевич — кинокритик.
13. Рошаль Григорий Львович — кинорежиссер.
14. Речь идет о сессии Венецианского университета, на которой в мае 1972 года присутствовал Г. М. Козинцев и где выступали западные ученые-структуралисты.
15. «Пространство трагедии» — книга Козинцева, вышедшая после его смерти, в 1973 году.
16. Зорин Леонид Генрихович — драматург.
17. Незадолго до этого Козинцев выступал на Шекспировском конгрессе в Ванкувере (август 1971).

Предисловие и публикация
НЕИ ЗОРКОЙ

ТАТЬЯНА ЛИСТОВА,
*научный сотрудник Института этнологии
и антропологии РАН*

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА БРАК

Русский свадебный ритуал — это акт общественно-религиозного санкционирования брака, сложившийся в среде православного крестьянства.

Весь ритуал был буквально пронизан сакральным духом, насыщен обрядовыми действиями, мистическими актами, благопожеланиями, которые, как верили, должны были защитить молодую пару от будущих несчастий и, главное, заложить прочные основы семьи, соответствующей идеалам крестьянства, а в целом и общечеловеческим, — устойчивой, дружной, любящей, многодетной, зажиточной. Только такие характеристики, по убеждению крестьянства, делали семью жизнеспособной и счастливой.Свадебный ритуал — это этап окончательного оформления брака, подготовка же к нему начиналась задолго до свадьбы и включала целый комплекс предсвадебных обрядов и обычаев. Заботу о будущем семейном благополучии своих детей крестьяне начинали с выбора брачной пары. Безусловно, взаимные симпатии молодежи принимались во внимание, но решающее слово принадлежало родителям, собиравшим для окончательного решения семейный совет. Не всегда взгляды молодых людей и родителей совпадали. По гражданским законам, запрещалось родителям или опекунам принуждать молодых людей к вступлению в брак. Церковное чинопоследование включало обращение к жениху и невесте для выяснения их обоюдного согласия на брак; в случае если один их них заявлял о нежелании вступать в брак, священник должен был остановить венчание. В то же время гражданские власти и церковь препятствовали заключению браков без согласия родителей. И хотя отсутствие согласия родителей на брак в любом случае не вело к его расторжению, в русской крестьянской среде они бывали крайне редко.

В комплексе крестьянских религиозно-этических оценок благословение рассматривалось как признание нравственной правоты задуманного и вследствие этого как залог успеха. Благословение расценивалось не только как одобрение или разрешение того лица, у которого оно было испрошено, но и как гарантия поддержки всего сонма христианских святых во главе с самим Господом: формула ответа при просьбе благословить — «Бог благословит».

Нравственные принципы в народной среде складывались и развивались при постоянном воздействии христианского учения. Вступление в брак молодых людей, создание ими своей семьи церковь считала единственно нравственным решением взаимоотношения и соединения полов. Святой апостол Павел учил: «...в избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (Коринф. 7, 2). О том же говорил и Святой Иоанн Златоуст: «Брак есть поприще для добродетели, установлен в сохранение от блуда, служит средством к распространению рода нашего». Церковь утверждала приоритет супружеских отношений в системе семейно-родственных связей. И все же по христианскому учению подлинно нравственными можно считать лишь браки, получившие одобрение родителей. При этом в поучениях святых отцов подчеркивалось, что церковь в этом вопросе опирается на общечеловеческие нормы взаимоотношений детей и родителей. «Законы всех времен и народов требовали и требуют, чтобы дети вступали в супружеский союз с согласия и благословения своих родителей», — поучает св. Василий Великий. Браки же, заключенные без воли родителей, святые отцы называли «любодеянием».

Нежелание родителей благословить брак, а еще страшнее — проклятие за ослушание — сулило неминуемые беды молодой паре, и прежде всего бездетность. Автор описания свадьбы Городищенского уезда Пензенской губернии приводит рассказ местного крестьянина о многострадальной судьбе своей семьи. Родители невесты не желали их брака и поженившихся «самоходкой» молодых не только не простили и не благословили, но и прокляли: «Чтоб ей, говорят, век как осине трястись да деток своих не видовать». После этого у несчастной женщины пошли один за одним выкидыши. После безрезультатного обращения к лекарям и знахарям, совершенно отчаявшись, она хотела уже «руки на себя наложить». Услышав это, родители «помягчали». Тогда, по воспоминаниям рассказчика, «пошли мы к ним на прощеное масленое воскресенье и упросили их Христовым именем простить нас и благословить. И что же? Баба моя стала краше солнышка. Веселая хоть куды и через полгода сына хорошего родила. Вот как жить на свете с проклятьем-то родительским». Поэтому угроза со стороны родителей не дать благословения на брак заставляла часто молодых людей отступать от своих планов.

Обряд родительского благословения считался столь обязательным, что иногда, если у жениха или невесты не было ни родителей, ни крестных, выполнявших в таких случаях роль посаженых родителей, то их, как писал очевидец из Шуйского уезда Владимирской губернии, «благословляли другие, соседи или же те, у кого они жили; совершение обряда приводило к тому, что богоданные дети начинали почитать их как новых родителей и считать их дом за свой родной дом».

По общерусской традиции для окончательного договора о свадьбе стороны собирались в доме у невесты. Названия этой встречи: «заручины», «рукобитье», «запоины», «образованье» — отражали ее содержание. Обрядовая часть начиналась с того, что хозяева зажигали перед иконами свечи или лампадку, кроме обязательного рукобитья, имевшего массу вариантов исполнения, и завершался вечер совместной трапезой, согласие сторон всегда закреплялось совместной молитвой и целованием иконы, после чего родители благословляли жениха и невесту иконой.

Первый день свадьбы был заполнен приготовлениями и сборами молодых к венцу. Свадебные акты следовали один за другим по сценарию, принятому в данной местности, и каждый из них предварялся ритуалом благословения. «Родные отец и мать//Вскормили, вспоили свое милое чадо//Теперь благословите//Прибуть, приодеть//Самоцветное платье надеть»; «...благословите//дитяцу голову чесать//маслом маслить, хлебом осыпать//зеленым вином поливать».

По ходу ритуала благословение испрашивалось у всех присутствующих, но прежде всего у родителей. Обращаясь к ним, невеста подчеркивала: «Не прошу у вас ни злата, ни серебра. А прошу у вас Божьего благословения». На что родители отвечали: «Бог благословит Божее творить»; «Бог тебя благословит, дорогое дитятко желанное. Надели тебя Господь таланом, участью великой, своей Господней Божьей милостью».

Вслед за родителями благословляли крестные, роль которых при заключении браков их крестниками по обычаю была велика. Они участвовали в семейном совете при выборе брачной пары. Благословение крестных, особенно, пожалуй, крестной матери, считалось столь же необходимым, как и родных родителей. При той опасности порчи, которая «подстерегала» жениха и невесту, благословение «духовных» родителей, как верили, могло быть особенно действенным. Так, например, в Масальском уезде Калужской губернии на женихе и невесте на протяжении всей свадьбы были надеты кресты, которыми их благословляли крестные. Как вспоминает одна пожилая женщина из Смоленской области, ее крестная болела во время свадьбы, но она специально ходила к ней, чтобы получить благословение. Крестные по традиции несли вместе с родителями нравственную ответственность за целомудрие невесты. На некоторых этапах свадьбы они заменяли родителей. В соответствии с местными традициями они исполняли определенные обрядовые роли. Кроме того, некоторые обрядовые действия были «закреплены» именно за крестными. Так, в Смоленской губернии крестные везли постель и украшали дом у жениха невестиным рукоделием. В некоторых вариантах свадьбы обрядовый хлеб пекли обязательно крестные матери. Иногда они готовили специальные дары для крестников. Например, в Перемышльском уезде Калуж-

кой губернии лошадь жениха покрывали большим полотенцем, приготовленным его крестной. В Коротоякском уезде Воронежской губернии, по сообщению известного этнографа-исследователя Н. П. Гринковой, крестная мать невесты-сироты перед свадьбой обходила всех женщин в селе и каждая давала полотнище ткани, из которых девушка шила поневы. В центральной части Псковской губернии крестные должны были держать в церкви венцы над молодыми и называли их поэтому «венчальные батька и матка». Вслед за крестными молодых благословляли все родные по степени близости, а затем и все присутствующие на свадьбе. Традиция обязательного участия всего «рода» в свадебном ритуале сказалась и в обрядах благословения и прощания с домом.

По общерусской традиции, невеста-сирота, как и жених, перед венчанием посещала кладбище с тем, чтобы проститься с умершими родителями, испросить у них благословения. Но, судя по некоторым сообщениям, прощание с умершей родней («поклониться праху предков») входило в свадьбу как обязательный элемент. Так, в Калужской области невеста начинала обряд прощания с обращения к умершим предкам — «родителям». Обращаясь в святой угол, она кланялась и плакала:

Простите мене, родители умаляшшии,
Не магу я вас всех назвать паименна,
Не магу я вас всех назвать пагаловна.
Простите мене, благословите.
Во святой час к венцу,
В чужие люди.

Приглашая к благословению, дружка (или лицо, выполняющее функции ведущего) часто прибегал к шутливой манере, смягчающей торжественность происходящего, при этом он выделял присутствующих по степени родства, половозрастным группам, а также разделял приглашенных, не приглашенных, просто желающих посмотреть на свадьбу (так называемых «смотрельщиков», «глядельщиков»), которых всегда много собиралось на крестьянскую свадьбу, и случайных гостей. «Батюшка родной, матушка родная, батюшка крестный, матушка крестная, тетки, дядьки, братья, сестры, гости званые, соседи приближенные, грицы-игрицы, красные девицы, добрые молодицы, певицы, горшечные пагубницы, пирожные мастерицы, малые ребята, растоптанные пяты, носы визгривые, головы стриженные, бабы пупорезницы, мещанки-тысячницы, собранные, созванные, захожие, заезжие, который сам зашел, которого Бог занес, кого кобылушка завезла, благословнте» (Смоленская губерния). В приговоре дружки подчеркивалась традиционность, общепринятость обычая благословения: «Глядельщики, смотрельщики, Как отцы с матерями вас благословили, Так и вы благословите князя молодова» (Владимирская губерния).

Перед отправлением поезда ведущий обращался ко всем находящимся во дворе гостям и многочисленным зрителям: «Благословите, люди добрые, на все четыре стороны, званые и незваные и все Богом созданные, усатые и бородатые, а кто млад, тот нашему князю брат. Благословите новобрачного князя по широкому двору пройти, к доброму коню подойти, за шелковые вожжи ухватить, на золотую коляску вскочить, в коляске сесть приотряхнуться, на все четыре стороны оглянуться, коня плетью ударить, за суженой ехать и суженую получить. Не всех поименно, а всем поклон» (Тульская губерния).

По крестьянской традиции, человек, случайно попавший в дом, где происходила свадьба, становился таким же ее участником, как и все приглашенные. Более того, если какой-нибудь странник или прохожий попадал на свадьбу, то его угощали «как хорошего гостя и появление его считали хорошим предзнаменованием для будущей жизни молодых». Эта примета основана на народных представлениях о случайных встречных, как о посланных Богом в особых случаях жизни. Так, например, при нежизнеспособности детей в семье, по распространенному у русских обычаю, приглашали в крестные родители первых встретившихся в день крещения, независимо от пола, возраста, социального происхождения, так как они считались посланными от Бога для покровительства ребенку.

Иногда свадебный ритуал включал обрядовые действия, символизировавшие, с точки зрения исполнителей, благословение ангелов. Так, на свадьбе в Орловской губернии последним при благословении жениху (видимо, и невесте. — *Т. Л.*) подносили грудного ребенка, которому он должен был поклониться и поцеловать его. Ребенок этот «изображал собой Ангела, посланного с небес».

Форма обращения ко всем присутствующим при благословении свидетельствует о том, что на первый план выступало чувство религиозной общности всех собравшихся, осознание ими своей принадлежности к единому православному миру. Вот пример такого обращения: «Народ Божий, народ православный (увесь мир крещеный), благословите молодого князя... светлое платье одеть и буйную голову гребешком расчесать». По дороге в церковь на перекрестках жених и невеста низко кланялись всем встречным и просили благословения.

Непременным ритуалом русской свадьбы было благословение родителями и крестными жениха и невесты — порознь каждого у себя в доме и вместе при отправлении к венцу иконой. Девушку благословляли «женской» иконой, обычно образом Богоматери, жениха — «мужской», обычно Спасителем, иногда Николаем Угодником (в некоторых местах Богородицей). Как писал наблюдатель из Владимирской губернии, «обрядом благословения иконой дорожат не только в крестьянском быту, но даже и в высших сословиях».

Благословение иконой не только завершающий, но и наиболее важный обряд довенчального периода свадьбы, духовно воздействующий на всех участников и зрителей, но, по общим отзывам, «никого он так не трогает, как девушку-невесту». Вот так образно она представляет предстоящее родительское благословение: «Штой-то мне послышалось, под окошком стукнуло, у крылечка брякнуло, у дверей молитвует. То идет ко мне, жалует, то кормилец мой батюшко. В правой руке несет Мать Божью Богородицу. В левой-то руке несет подвенечное платиче. В устах несет благословение великое». Этот образ возникает и в представлении девушки-сироты, просящей «мать сыру-землю» отпустить ее отца для благословения и представляющей его возможный приход: «Вот идет родной батюшка. Он несет в правой руценьке Богородицу. В левой платье цветное». В Новгородской области в том случае, если у невесты не было матери, она вызывала ее плачем и с причитанием выходила на улицу встречать вызванную мать, падала в направлении кладбища и причитала: «Это слава тебе, Господи, что задули ветры буйные, всколыхнулась мать сыра-земля. Что ведут родиму матушку со святою иконою, для моего благословеньица...» После чего невеста наклонялась к земле, изображая, что ее благословляет мать.

Перед благословением иконой все обязательно замолкали, садились минуты на две и молились. В завершение благословения жених и невеста трижды кланялись и целовали образ.

Благословенные иконы везли в свадебном поезде во все время его передвижения — в дом к невесте, в церковь, к жениху. Как правило, это делали крестные или же специальные участники свадьбы. Так, в Одоевском уезде Тульской губернии впереди свадебного поезда вместе с женихом и дружкой ехали два мальчика или девочки с иконами жениха и невесты; в Михайловском уезде Рязанской губернии образ жениха и две венчальные свечи, перевязанные розовыми лентами, держал мальчик лет 12-ти, называемый «свешник»; в Мценском уезде Орловской губернии вместе с невестой ехал «иконник» с иконой.

Благословенную икону девушка везла с собой в новый дом как последнее напутствие и родительскую защиту. Вот как обращалась в Кадниковском уезде Вологодской губернии невеста к иконе Божией Матери, называемой местными жителями «сгонною Богородицей»: «Уж ты, сгонная Богородица, ты явись, Богородица, прежде меня молодешеньки, на чужой дальней стороне ты меня встреть, Богородица, на пути на дороженьке»; «Ты явись-ка, Богородица, прежде меня на чужую сторону. Ты вложи-ка, Богородица, чужому отцу-матери жаленье в ретивое сердце обо мне молодешеньке». В некоторых местах икону обязательно вносили в дом прежде, чем туда войдет новобрачная.

На свадьбе, как и всегда во время особо важных событий, православные крестьяне обращались к святым, прося у них защиты и благословения.

Особой популярностью среди покровителей свадьбы пользовались, особенно в западных и юго-западных губерниях России, святые бессребреники Косьма и Дамиан — так называемые Кузьма-Демьян. День этих Святых праздновали 1-го ноября с.ст. С ними русский народ соединял различные верования. Верили в их врачебную помощь, что имело основание в сказании об их жизни; им молились о «про рении разума к учению грамоте». Как говорили в Смоленской губернии, «без Кузьмы-Демьяна не начнется свадьба».

Ни одна русская свадьба не обходилась без одаривания жениха и невесты, которое, тем не менее, никогда не было простым сбором денег или подарков. Распространенные обряды наделения каждого из них «своей стороной» (до венца) по характеру и времени исполнения и восприятию окружающих можно назвать обрядом дарения-благословения («Благослови свою дочь золотом» — приглашение к началу даров). Оно часто приурочивалось к обрядам сбора к венчанию. Об отношении к наделению жениха и невесты близкой родней, особенно родителями, существовавшему в крестьянской среде, можно судить по обращениям дружки, командующего ритуалом: «Демьян Петров, батюшка родной, моги приступить, своего дитя подарить, или златом-серебром, или хлебом-солью, или добрым словом». В тексте даже подчеркивалось значение именно нематериального содержания даров от родителей.

ФОТО АЛЕКСАНДРА ТАМБУЛИДИСА

По распространенной традиции, деньги клали на хлеб, обычно покрытый платком, что подчеркивало значение наделения как благословения и пожелания достатка. К «благословенным» деньгам, особенно полученным от родителей и крестных, относились по-особому. Например, в Бельском уезде Тульской губернии по обычаю «родители невесты и крестные при благословении втыкали свои деньги в пирог, а остальные — на тарелку. Деньги, воткнутые в пирог, невеста завертывает отдельно в платочек и бережет во весь свой век».

Соответственно значению дарения-благословения вели себя и молодые. Согласно обычаю, независимо от ценности подарка, они должны были выразить благодарность всем дарящим, и особенно родителям, причем по отношению к последним это одновременно и благодарность за всю предшествующую родительскую заботу. Как вспоминают пожилые женщины из смоленского села Каспля, получая подарок, невеста отвечала: «Божий дар, мой татонька, Божий дар. Спасибо за дары за великие, за твое счастьинько за богатое, за твои поклоны за низкие». Известно, что в некоторых местах России не считалось обязательным выделение родителями приданого для дочери (девушка все готовила себе сама). В таких случаях, если родители что-либо давали ей, то это считалось их добровольным даром и называлось «благословением»: «родитель мне благословил корову да телушку».

Особое место на свадьбе в южных и западных районах России отводилось выпечке специального, пышно украшенного, хлеба-каравая. К приготовлению его относились особенно ответственно: ведь неудавшийся свадебный каравай, по поверьям, дурное предзнаменование для молодой пары, да и перед гостями его стыдно вынести будет. И прежде чем приступить к его изготовлению, просили благословения святых: «Благословите нас, Господи, спаси нас милосливый, Кузьма-Демьян, на Филатушкину свадьбу спечь каравай высокий, веселый». С той же просьбой обращались и к матери невесты: «Благослови, матушка, каравай нам учинять да свадебку начинать».

ФОТО СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

ЕЛЕНА ИВАНИЦКАЯ

СЮЖЕТ ШЕСТОВА

В творческой и человеческой судьбе Льва Шестова есть «сюжет», повторявшийся с увлекательным постоянством: острейшая идейная полемика неуклонно соединяется у него с многолетней дружбой, искренней человеческой симпатией беспощадных и язвительных полемистов-антагонистов, идейных антиподов. Жестокая шестовская критика «почему-то» никогда не вызывала обиды... Нет, обиделся было Дмитрий Мережковский на статью Шестова «Власть идей», в которой тот «раздраконил» второй том эпохального труда «Лев Толстой и Достоевский», но вскоре Шестов сообщает в письме ближайшему общему другу А. Ремизову: «Были в Киеве Мережковские. Помирились совсем. ...Я рад, что мы помирились — ведь, ей-Богу, не из чего ссориться было». Острый выпад против идей Вяч. Иванова («Вячеслав Великолепный. К характеристике русского упадочничества») рифмуется с приветственным письмом «Великолепного Вячеслава»: «Вашему единому слову суждено, думается, вечно звучать, ибо, если строить культуру с Вами нельзя, то нельзя строить ее и без Вас, без Вашего голоса, предостерегающего от омертвения и духовной гордости». И когда современный исследователь (Н. Б. Иванов) замечает, что многолетняя дружба Льва Шестова и Эдмунда Гуссерля, дружба, возникшая из жесточайшего разногласия, — «одно из самых удивительных явлений в истории философии XX века», то хочется возразить, что это и так, и не так.

Во всей полноте и нравственно-эстетической красоте «сюжет» воплотился и в отношениях Льва Шестова и Николая Бердяева, друг друга никогда не щадивших — ни в начале своего творческого пути, когда они обменялись весьма суровыми статьями «Трагедия и обыденность» (Бердяев о книгах Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Нитше» и «Апофеоз беспочвенности») и «Похвала Глупости» (Шестов о книге друга «Sub specie aeternitatis»), ни в его конце, когда тридцать лет спустя «учинили спрос» друг другу в итоговых статьях «Основная идея философии Льва Шестова» и «Николай Бердяев».

...Сегодня, после недолгого периода наивной «любви» (в уже баснословные времена «перестройки и гласности»), наша философствующая публицистика к Шестову и Бердяеву вновь очень посуровела. Смыкая «доперестроечную» и «постперестроечную» критику неугодных мыслителей, появляется книга Р. Гальцевой «Очерки русской утопической мысли XX века» (М.: Наука, 1992), где специфически советская суровость конца 70-х годов (время написания очерков о «философе свободного духа» Бердяеве и бунтаре против «разума» Шестове) выявляет свои постсоветские тенденции (в данном случае консервативно-православные, насколько я понимаю). Но вот что нельзя не заметить: уж насколько суровы были друг к другу Шестов и Бердяев, но Р. Гальцева **ни разу** не смогла сослаться на их взаимные выпады для подкрепления собственной позиции! Равно как и В. А. Котельников в своей (переходящей все границы элементарного «приличия») статье «Блудный сын Достоевского» («Вопросы философии». 1994. № 2). В. А. Котельников раздраженно отлучает Бердяева от Достоевского и, не запнувшись, сравнивает его со Смердяковым, используя не что иное, как предельно искренние, бесстрашные признания философа в «Самопознании», связанные с особенностями его физиологического склада, его здоровья, — ну, знаете! Заодно суровый критик вменяет Бердяеву в вину, что образ Ивана Карамазова тот воспринимал как более глубокий и яркий, более убедительный и бередящий мысль человеческую, чем образ Алеши или Зосимы. Между тем Бенжамен Фондан, философ, поэт, ученик и «Эккерман» Шестова, в своей книге «Встречи со Львом Шестовым» приводит размышление учителя о «Братьях Карамазовых»: «Странно! Достоевский, так хорошо нарисовавший Ипполита, Инквизитора и других, когда подходит к старцу Зосиме, утрачивает свой дар изобразительности. Ему нечего сказать. Он извещает, что эта книга только первый том, где он пока описывает плохо, но во втором томе он все поставит на место. Во время создания «Карамазовых» он уже был знаком с Соловьевым, часто бывал у наследника, будущего Александра III, у Победоносцева. Последний, прочитав «Карамазовых», сказал, что невозможно вылечить вторым томом болезнь, которую Достоевский открыл в первом. Он был прав». Но В. А. Котельников, более православный, чем сам Победоносцев, желает непременно иметь Достоевского на своей стороне. И ради своей правоты он изломает Достоевского, истопчет Бердяева, проигнорирует Шестова и пробахвалится своей ортодоксальностью. А все потому, что он — утопист. Он знает окончательную истину и всем нам ее предписывает.

Самая жестокая, самая язвительная и неприемлющая шестовская критика никогда не претендовала на то, что критикующий присваивает себе Истину с большой буквы — и тем самым отступает от собственного пленительного, невероятного идеала: «Множественность миров, множественность людей и богов среди необъятных пространств необъятной вселенной...»

РОСТИСЛАВ ЮРЕНЕВ

«...КОТОРЫЙ МАЛЬЧИК — АНДРЕЙ»

Знакомство мое с Андреем Арсеньевичем Тарковским было не близким, но долгим. Началось оно еще до его рождения.

В юности я усердно писал стихи. И в Доме Герцена, где собирались поэты всевозможных возрастов, способностей и направлений, я познакомился с юношей лет на пять меня постарше, задумчивым, очень красивым и писавшим (я сразу понял это!) прекрасные стихи. Арсений Александрович, Арсюша, как называли его друзья, стал для меня на всю жизнь старшим другом.

И как-то раз весенним вечером 1932 года, после очередного литературного ристалища, Арсений отозвал меня в сторону и с видом заговорщика попросил: «Проводи, пожалуйста, мою жену Машу до дома. Мне, знаешь, сейчас непременно нужно... Потом объясню... А ей без провожатого опасно: она ведь беременна и очень серьезно!..»

Андрей Тарковский после съемок фильма «Андрей Рублев».

Тоненькая блондинка, с чуть вздернутым носиком и уже заметно увеличенной талией, казалась мне похожей на Мадонну Боттичелли. Она была явно расстроена расставанием с Арсением, на мои попытки завести светскую беседу реагировала с неохотной вежливостью. Даже когда я старался оградить ее от трамвайных толчков...

По всем расчетам выходит, что оберегал я во чреве ее будущего сына Андрея.

В те годы и Арсений, и я работали на радио, встречались часто. Затем я бросил писать стихи, увлекся кинематографом. Видеться стали реже. Арсений занимался стихотворными переводами. Вскоре стал признан и почитаем, а семейные дела его как-то разладились. В домишко барачного типа на Щипке, к Марии Ивановне Тарковской, я попал случайно через общих знакомых. Но Арсения там не было. Неловко было спросить — почему. Запомнилась мне скромная, даже бедная обстановка, худенький, нервный и нелюбезный мальчуган Андрюша и прелестная черноглазая девочка Марина.

А потом началась война. Никаких сведений о Тарковских не было. И только году в 47-м я случайно встретил Арсения на костылях, без ноги. Встречи возобновились, но уже в другом доме, в другой семье. Занимался Арсений по-прежнему переводами, от которых «так болит голова». Собственные свои прекрасные стихи читал неохотно. Видеться мы стали нечасто, иногда перезванивались. И вдруг вот это письмо:

«Дорогой Славочка!

К тебе придут мои дети: который мальчик — Андрей, которая девочка — та Марина. Очень прошу тебя, мой дорогой, поговорить с ними и помочь им, чем ты можешь, советом, делом и доброй волей: они метят в ГИК.

Милый мой и хороший, прошу тебя, не откажи мне, помоги им устроиться в институт, — они оба хорошие и способные дети. Я, их бедный родитель, не нахожу в себе уменья и силы, чтобы помочь им попасть в ВУЗ и рассчитываю на твою добрую дружбу. Вызови их на откровенность и тогда ты увидишь, какие они славные. Пожалуйста, сделай для них то, что ты мог бы сделать для меня. Кланяюсь Тамаре. Приезжай в Голицыно.

Любящий тебя Арсений Тарковский».

Разумеется, я встрепенулся: надо было обязательно исполнить просьбу Арсения. Но как это сделать? Просьбы о помощи поступлению во ВГИК я получал нередко. И всегда они мне были мучительно тяжелы. Как хлопотать? К кому идти? С начальством — ректоратом, деканатом — отношения у меня были неблизкие. К мастеру, набирающему свою режиссерскую мастерскую? Но кто набирает в этом году? К счастью, оказалось, что — Михаил Ильич Ромм. Короткими свои отношения с ним я бы не назвал. Но было очевидно, что они неуклонно улучшаются, укрепляются. Особенно сблизили нас хлопоты по организации Союза кинематографистов. Запевалой там был взрывчатый, непредсказуемый Пырьев, а рядом с ним всегда был разумный, рассудительный, умеющий быть и очаровательно любезным, и вызывающе резким, — Ромм. К нему-то я пойду. С трепетом, конечно, но и с интересом!

А, впрочем, к кому бы я не пошел после столь нежного письма Арсения?

Миссию свою я начал фундаментально. Как и советовал Арсений, я прежде всего пригласил и мальчика, который Андрей, и девочку Марину к себе. Марина не пришла, не помню уж почему. А Андрей явился минута в минуту в условленный срок.

Был он одет не без пижонства: короткие брючки, снежно-белые шерстяные носки. Показал безукоризненную воспитанность. Сидел пряменько, кофе пил, как в светском салоне. На вопросы мои отвечал ясно, кратко и сухо. Любит Баха, Дюрера. Импрессионистов? Конечно, тоже любит: Эдуар Мане, Огюст Ренуар. Все это совпадало и с моими пристрастиями, но лаконичность его ответов конфузила меня: выходило, что я устроил нечто вроде экзамена или допроса. Но, когда удалось навести разговор на поэзию, оказалось, что Андрей не только знает и любит, но и тонко понимает стихи отца, знает и Баратынского, и Ахматову. Словом, официальность была сломлена, а с женой моей Тамарой Андрей охотно предался обсуждению танцев и мод.

К Ромму я пошел уверенно. И хотя Михаил Ильич отчетливо показал мне, что не любит ходатайств и рекомендаций, все же Бах, Дюрер, Мане нашу беседу оживили, и я, с особым рвением, стал говорить о стихах Арсения...

Ура! Мальчика, который Андрей, приняли!

Вышло так, что мне не пришлось читать свою историю кино у них на курсе. Так что учениками своими я ни Тарковского, ни сокурсника его Шукшина считать не могу. Но, встречаясь с Андреем во вгиковских коридорах, я нередко вступал с ним в беседы. Он всегда был любезен, но суховат. Спешил заверить: «Папа здоров и просил вам кланяться». Как-то раз назвал меня Ростиславом Васильевичем, перепутав с популярным во ВГИКе преподавателем физкультуры. Все это об особой близости не говорит. Вызвавшую во ВГИКе немалый шум курсовую короткометражку «Сегодня увольнения не будет», сделанную Андреем совместно с А. Гордоном, я не видел. Зато дипломную работу «Каток и скрипка» посмотрел и горячо, на каком-то обсуждении, хвалил.

Пришло наконец время еще раз хотя и немножко, но помочь Андрею.

Хороший, в те времена, мой знакомый, талантливый писатель Володя Богомолов как-то с тревогой рассказал мне о своих неприятностях на «Мосфильме». Его получивший международное признание рассказ «Иван», превращенный моим другом Михаилом Папавой в довольно ординарный сценарий, был безнадежно «завален» каким-то дебютантом, да так, что съемку решили прекратить. Однако половина денег была уже потрачена, и, чтоб избежать финансовых катаклизмов, постановку решили с риском поручить... другому дебютанту, «какому-то Тарковскому!..» Богомолов намеревался решительно протестовать. И тут я пустил в ход все свое красноречие. Конечно,

Андрей Тарковский: проба в фильме «Иваново детство».

как и с М. И. Роммом, были восторженно похвалены стихи Арсения. Но на этот раз не только. «Каток и скрипка» был объявлен мной (вполне искренне) гордостью ВГИКа. Я воспевал и его тонкие психологические характеристики, и изящное изобразительное решение, и необычную идею о родстве физического и творческого труда, о дружбе рабочего и интеллигента... Я заклинал Богомолова не вмешиваться, не мешать молодому таланту, положиться на этот талант да на волю Божию... Взыскательный писатель несколько

Арсений Тарковский.

Андрей Тарковский

оттаял, но сомнений своих не утерял. Тогда я пошел на тонкую лесть и заявил (опять вполне искренне), что рассказ столь хорош, что испортить его даже в кинематографе невозможно.

— Пожалуй, все-таки можно, — мрачно заметил Богомолов, — Папава и тот, первый дебютант, убедительно это доказали...

Однако, насколько мне известно, демаршей своих на «Мосфильме» он больше не предпринимал, в творческие прения с Тарковским не входил и на волю Божию, видимо, положился.

Приняв, таким образом, перед Богомоловым некие

Андрей Тарковский с матерью — Марией Ивановной.

нравственные обязательства, я с волнением следил за судьбой экранизации Андрея «Ивана». Мосфильмовцы говорили о действиях Андрея с опаской, но и с одобрением. Во-первых, он отказался от всех решительно кадров, которые успел запечатлеть его предшественник. Во-вторых, он переписал сценарий, чему добродушный Папава благоразумно не препятствовал. В-третьих, он сменил всю постановочную группу, пригласив своих сотрудников по «Катку и скрипке», оператора В. Юсова, композитора В. Овчинникова, а также сменил и всех актеров. Как он выпутался при этом с половиной и без того скромной сметы, я не знаю.

Знаю, что все время за его действиями следил Михаил Ильич. Он же стал первым ценителем и пропагандистом фильма «Иваново детство»: предварял просмотры вступительными словами, ездил с фильмом в рабочие клубы. Грудью вставал на защиту, а защищать приходилось: возникали споры, слышались упреки в излишней жестокости, в мрачности, в религиозности, в непонятности некоторых приемов: что это за страшные гравюры рассматривает Иван, что это за дети, бегающие у сверкающей реки, что за лошади и почему они поедают так много яблок? Впрочем, и критики признавали: необычно, интересно, талантливо.

Мне кажется, Михаил Ильич да и я сам больше заботились о судьбе фильма, чем Андрей. Он был увлечен осуществлением своего заветного замысла: вместе с Андреем Михалковым-Кончаловским писал сценарий «Страсти по Андрею» о великом иконописце Рублеве.

Приносил он один из вариантов сценария и мне. Я прочел и увлекся, пленился. Но, как водится при дружеских обсуждениях рукописей, я постарался сделать какие-то замечания, отметить шероховатости, недоделки. Андрей каким-то птичьим движением наклонял голову набок, внимательно все выслушивал и почти ни с чем не соглашался.

Мне, например, казалось, что полет мужика на кожаном мешке, наполненном дымом, вряд ли соответствует уровню сознания четырнадцатого века. Тогда идеей полета владели птицы: Икар, Леонардо да Винчи, наконец, легендарный холоп времен Ивана Грозного. Аппараты легче воздуха, вероятно, связаны с открытием легких газов. О попытках до братьев Монгольфье я не слышал...

— Но мой мужик — гений. И потом видели же люди дым, поднимающийся из труб?

Меня смущало отсутствие показа процесса творчества, работы Рублева. Сомнения у белой сырой стены — это очень хорошо, но на стене этой так ничего и не появляется! Андрей говорил, что не смеет посягать на показ процесса творчества гения. Да и потом — поразительный цвет икон разорвет, нарушит гармонию черно-белого фильма. Иконы — и «Троица», и «Спаситель» — пойдут в эпилоге, как последний завершающий удар — цветом.

Я предлагал уточнить эпизод с удельными братьями-князьями. Было не совсем ясно — кто из них предатель, кто наводит татар, а кто с ними борется. Андрей сказал, что подумает, но ничего не сделал, а при съемках поручил играть обоих князей одному, не очень выразительному актеру, чем усугубил путаницу.

Не только замечания, но и похвалы Андрея не устраивали. Меня глубоко взволновал эпизод крестного шествия Христа по российскому снегу, мимо русских берез. Я вспомнил, что кто-то давал мне читать неопубликованное тогда еще стихотворение Пастернака «Рождественская ночь», где Христос рождается не в жарких песках Вифлеема, а русской зимой, и согревает младенца дыхание волов над яслями. Андрей был явно недоволен этим сходством и сухо сказал, что стихи эти ему неизвестны.

Не принял он и предложения привлечь к сценарию моих друзей — крупнейшего византолога академика В. Н. Лазарева и талантливого историка профессора А. А. Зимина. Андрей сказал, что знает и чтит их труды, но пользуется консультацией М. В. Алпатова и историка В. Т. Пашуто и боится столкновения мнений и самолюбий ученых.

Уходя, Андрей сердечно благодарил меня за внимание, за дельные советы, а я был в смущении: ничего из моих советов он, по существу, не принял. Упорный и независимый характер отталкивал любое вторжение в его творческий мир. Критические замечания были нужны ему лишь для того, чтоб утвердиться в собственных решениях, проверить их уязвимость и подготовить защиту.

Дом

ФОТО СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

Когда вода становится холодной

Душа родного очага

Кто написал «Варяга»?

ТАТЬЯНА АГАПКИНА,
кандидат филологических наук

Ильин день

День памяти пророка Ильи (2 августа) — один из немногих широко отмечаемых в России летних праздников.

Ветхозаветные мотивы связывают пророка Илию с небесным огнем, низвергающимся на землю, и с животворными дождями. В Библии рассказывается о вознесении Илии на небо: «...явилась колесница огненная и кони огненные... и понесся Илия в вихре на небо» (4-я книга Царств, 2.11). Многочисленные апокрифические тексты, иконы и лубочные картинки способствовали тому, что культ Ильи-пророка и посвященный ему праздник оказались причастны к области народной метеорологии. Ильинские церкви традиционно были местом совершения крестных ходов, сопровождаемых молебнами о ниспослании дождя, особенно в засушливые годы. Во многих преданиях Илье-пророку приписывается происхождение родников и ручьев, не замерзающих в зимнее время (так называемых «гремячих»). По поверью, они возникли после удара огненных стрел Ильи о камень.

Илья распоряжался громом и молниями («Илья грозы держит»), поэтому, услышав первый гром, крестьяне говорили: «Илья великий гудит», «Илья-пророк по небу на колеснице ездит», а день памяти Ильи-пророка называли «громовым» праздником. Накануне Ильина дня в Вологодской губернии еще с вечера крестьяне окуривали весь дом ладаном, а также закрывали полотном или вовсе выносили из дома все светлые и блестящие предметы (самовары, зеркала и др.): по мнению крестьян, Илья-пророк считал их предосудительной роскошью и за их хранение в избе мог наслать на нее молнию. В других местах Илью стремились задобрить — приносили в церковь в качестве жертвы баранью ногу, пиво, мед и другие продукты.

Опасаясь гнева Ильи-пророка, который в силах навести страшные грозы на поля, где еще не собран урожай, а также сжечь скошенное сено, в Ильин день ни в коем случае не работали и жестоко наказывали тех, кто не подчинялся этому требованию, например выпрягали лошадей из телег, на которых кто-либо пытался вывозить сено, а конскую сбрую несли в кабак и там пропивали ее сообща.

Кое-где полагали, что ильинские грозы и дожди могут неблагоприятно сказаться на цветении некоторых растений или повредить их плоды. Грозы в Ильин день якобы приводят к тому, что лесные орехи червивеют и делаются изнутри черными и трухлявыми. Считали также, что если в этот праздник поработать в огороде или даже просто зайти туда, огурцы сгниют на корню или опадут, а капуста сделается мягкой.

В русских легендах Илья-пророк предстает строгим и немилосердным, он жестоко карает за непочтительное отношение к его празднику, а антиподом Ильи и защитником крестьянина выступает обычно св. Никола. В одной ярославской легенде рассказывается, например, о том, как Илья пытался отомстить крестьянину, работавшему в Ильин день и забывшему своевременно отслужить Илье молебен и поставить ему в церкви свечку. Когда Никола с Ильей проходили мимо зеленеющего всходами поля, Никола порадовался: «Вот будет урожай так урожай! Да и мужик-то, право, хороший, доброй, набожной: Бога помнит и святых знает! К рукам добро достанется...» На это разгневанный Илья ответил: «А вот посмотрим еще, много ли достанется! Как спалю я молнией, как выбью градом все поле, так будет мужик твой правду знать да Ильин день почитать». Так бы и случилось, если бы не вмешательство хитроумного Николы, научившего мужика, как обмануть грозного пророка Илью и задобрить его.

По народным поверьям, огненные стрелы-молнии, которые Илья-пророк бросает на землю, особенно опасны для нечистой силы. Убегая от них, нечисть в этот день «оборачивалась» в домашних животных, диких зверей, гадов и стремилась найти защиту вблизи человека. Поэтому в Ильин день хозяева не только не пускали домой ни собак, ни кошек, но даже держали наготове ружья, опасаясь того, что нечистая сила в облике волков и других зверей может приблизиться к жилью, а змеи покусают людей и животных. Последнее обстоятельство объясняет широко распространенный запрет выпускать в Ильин день скот в поле.

Нечистые духи прятались также в домах, на межах и даже укрывались под шляпками ядовитых грибов. Погружаясь в воду, черти превращались в рыб, поэтому в этот день не ели пойманную рыбу, если у нее были красные глаза. Гневом Ильи-пророка объясняли иногда не только сильные грозы в Ильин день, но и, например, грозы и бури, случавшиеся в купальскую ночь — время шабаша ведьм и разгула всякой нечисти.

Чтобы не погибнуть от карающей десницы Ильи-пророка, человек соблюдал во время грозы многочисленные запреты: нельзя было прятаться в воде и под деревом, стоять на межах или дорогах, где укрываются демоны, громко петь и кричать и т.д.

«Огненные стрелы» Ильи-пророка, «огненная пелена», насылаемая им на землю, «громы и молнии», «черные тучи» — образы, часто встречающиеся в русских заговорах. С помощью своих орудий Илья-пророк поражает злые силы, угрожающие благополучию человека. Он направляет их на болезни, на змею, укусившую человека, на ведьму, напустившую на человека порчу, как, например, в пермском заговоре середины прошлого века: «Еще покорюсь я, раб Божий (имя рек), Илие пророку: свет ты, Илья пророк, огненна карета и огненна колесница, туго ты тянешь, метко стреляешь, врага и супостата убиваешь и огнем опаляешь, чтобы меня, раба Божия (имя рек), не испорчивать, не исколдовывать ни колдуные, ни злому и лихому человеку, ни злой крови и думе злой, помышлению, встречному и поперечному, и на питие и на еже в пиру, в беседе, во всякой смертной потехе».

Во многих краях России наиболее заметным событием Ильина дня были братчины или мольбы — коллективные трапезы, объединявшие жителей одного села или нескольких окрестных деревень. Трапезе предшествовало торжественное заклание быка или барана, купленного на собранные вскладчину деньги. В Ильин день приготовленное в жертву животное приводили к церкви, где его освящали, а затем закалывали. Как правило, это делал старейший или самый почтенный житель села. Мясо варили и ели сообща. Кровь принесенного в жертву Илье-пророку животного собирали, мазали ею глаза и лоб, а детям — щеки, чтобы здоровье и крепость животного передались человеку. Для ильинской братчины, как и для других коллективных трапез, подчас варили пиво. Для его приготовления использовали солод из ржи, собранной у всех жителей села. Как правило, трапезу устраивали прямо на улице и угощали не только селян, но и нищую братию со всей округи. К началу обеда из церкви приносили икону или образ Ильи-пророка, здесь же освящали приготовленное мясо, а затем служили молебен. В отличие от многих других общественных праздников и обрядов, ильинские братчины организовывались в основном мужчинами. Они закалывали животное, собирали кровь, часто они же готовили мясо и варили пиво; им принадлежала также основная роль во время застолья. Нередко оно завершалось массовыми гуляньями и хороводами.

Фольклору восточнославянских народов известен и несколько иной образ Ильи-пророка. В русских песнях Илья выступает как покровитель урожая и плодородия. В колядках он — сеятель:

*Ходит Илья на Василья**,*
Носит пугу житняную,
Куда ни махнет,
Все жито растет.
Зароди, Боже, жито, пшеницу,
Всякую пашницу.

В волочебных песнях, популярных в западных областях России, Илья — жнец:

Илья-пророк по межам ходит,
По межам ходит, рожь зажинает,
Рожь зажинает, ярь наливает...

Впрочем, нередко Илья воспринимался вообще как кормилец и податель всяческих благ:

Ах и дай, Боже,
Ах и дай, Боже,
Два Илюшки в году,
А Петрушки хоть и ни одного.
Илюшка и накормил, и напоил,
А Петрушка было
С голоду уморил!

Такое отношение к св. Петру объясняется, по-видимому, воспоминаниями о петровском посте, который заканчивается в день памяти св. ап. Петра и Павла (12.07).

Как уже говорилось, в Ильин день обычно не работали. Единственное занятие, для которого делали исключение, — это подрезание сотов на пчельнике, перегонка пчел и подчистка ульев, знаменовавшие собой окончание летнего сезона. Впрочем, во многих уголках России Ильин день, приходившийся на самый активный период полевых работ, связывался с разными их этапами. С Ильина дня начинали жатву («Илья жниво зачинает») или заканчивали уборку («На Илью мужик копны считает»); почти повсеместно к этому дню завершался сенокос («Илья пророк — косьбе срок»).

В земледельческих губерниях юга России в Ильин день на столе мог уже появиться хлеб нового урожая, так называемая «новая новина». Вот почему об этом дне говорили: «Петр с колоском, Илья с пирогом». Новый хлеб приносили вначале в церковь для освящения и только потом его разрешалось есть.

С Ильина дня лето постепенно начинает уступать место осени. В народе говорили: «Илья лето кончает», «На Илью до обеда лето, после обеда осень». С Ильина дня привычными считались уже холодные дожди и сильные ветры, рано начинало смеркаться («Петр и Павел час убавил, Илья-пророк два уволок»). Говорили, что с Ильина дня нельзя купаться, так как в воду якобы обмакнул лапы или рога олень и тем самым остудил ее, или конь Ильи-пророка, проносящийся по небу, скинул в воду подкову. Считалось также, что после Ильи человеку в воду заходить просто небезопасно, так как в Ильин день в воде черти купаются.

*В день св. Василия: 1.01.

ДОМ НИКОЛЫ-МАСТЕРА

Его талант вызывает удивление. Ростовский мастер резьбы по дереву Николай Волковский покорил французов и китайцев, итальянцев и португальцев, снявших о нем несколько телефильмов.

Предметы казацкого быта.

Больше сорока лет прошло, но не забывает Николай наказа своего деда, самобытного резчика: «Когда берешь в руки дерево, произноси клятву: ты прости, топор острый, ты прими мою душу, ты прими мои руки».

А у деда, донского казака Николая Александровича, руки были золотые. В начале века его резные шкатулки и подносы стали украшением Лейпцигской и Парижской ярмарок и даже были удостоены призов. Свой дар дед передал внуку. Еще в школе Николай начал вырезать из дерева кораблики, а потом и изделия посложнее осилил: сундучки, ларцы, гребни...

С особой любовью Николай Николаевич относится к российским, донским традициям резьбы по дереву. Много лет он ездил по ростовским станицам, слушая рассказы стариков и разглядывая диковинные узоры на старинных черпаках, прялках и утюгах — рубелях.

Солнце, вода и хлеб предстают на подносах мастера в виде волшебных резных орнаментов-ерил, водоструев, плодородок, хлебодарок...

К народному ремеслу Дона приобщил Волковский и своего сына, тоже Николая. Оба они и институтские дипломы имеют: старший Николай — архитектор, младший — инженер-строитель. Да вот род их мастеровой и душа к дереву тянутся, чтобы людей удивлять своими поделками. Недаром Николай Николаевич (отец) выбрал «девизом» слова поэта Анненского: «Но люблю я одно, невозможно».

И эта любовь была такой неизменной, что в 1988 году Николай Николаевич покупает в станице Старочеркасской дом и открывает в нем авторский этнохудожественный музей-студию «Дом Николы-Мастера». В трех комнатах более 370 экспонатов — работ по дереву: пироговых свадебных досок и швеек (для вышивания), прялок, подносов, чарочных, да еще с витиеватой, узорочной надписью: «Ивану свет Васильевичу — благ, мира да добра от семьи Волковских».

Творят добро Волковские в своем музее. Старший Николай Николаевич здесь и в Ростове-на-Дону ребятишек своему мастерству да другим ремеслам обучает. У него в студии 120 школьников разных возрастов учатся художественной вышивке и плетению из лозы, гончарному делу и архитектурному моделированию.

К слову сказать, работы Волковского уже во многих странах побывали. Есть у Николая Николаевича и Кельнский орден-диплом, и награда из Парижского Арт-Центра, и диплом из Лиссабона. В конце прошлого года донской мастер возил свои изделия в Шотландию, в Глазго, на месячник «Донская культура». Был приглашен он и в Норвегию — на Всемирный конкурс детского творчества, где выставлялись работы его учеников.

Творит мастер о себе память: не на годы — на поколения.

НИНЕЛЬ ДМИТРИЕВА

Церковка.

Поднос венчальный с надписью: «Боже наш, да не без милости, Удал казак, да не без счастия».

АНДРЕЙ ЛЬВОВ

ЛУНА В КУВШИНЕ, ТЕСТО В КВАШНЕ

Горшок, кувшин — наиболее ритуализованные предметы домашней утвари. Связаны с символикой печи и земли; осмысляются как вместилище души и духов. Наиболее активно использовались в обрядах, связанных с культом предков, в частности в похоронных.

Антропоморфный принцип осмысления горшка, кувшина и посуды в целом проявляется на уровне лексики (горло, ручка, носик и т. п.) и в том, что посуде приписываются рождение и смерть. Параллелизм между судьбой человека и горшком проявляется в обрядах битья посуды, отмечающих переломные моменты в жизни человека (рождение, свадьба, похороны), а также во фразеологии и поверьях. В Гомельской области полагали, что если горшечник проедет по селу на святках, то девушек не будут брать замуж, поэтому они крали у него горшки и били их, «чтобы не сидели девки как горшки».

На Украине посуда наделялась родо-половыми признаками. В Харьковской губернии, покупая новый горшок, по нему постукивали и прислушивались к звуку. Если звук глухой, то это горшок — борщ в нем не будет удаваться. Если же звук тонкий, звонкий — горщица, — все сваренное в ней будет вкусно. В Подольской губернии воду для купания мальчика грели в кувшинах, а девочки — в горшках; в Киевской губернии, наоборот, воду для девочки грели в кувшинах, «шоб стан тоненький був».

Особенно устойчиво в языке и поверьях горшок отождествляется с головой человека (сравни выражения типа «голова как пустой горшок»). В Костромской губернии его надевали на голову при изготовлении святочной маски быка.

Печь и пространство около нее, где помещаются горшки и другая посуда, связаны с культом предков. По поверьям Полтавской губернии, горшки из печки нельзя обтирать «суконкою» или «запаскою», иначе покойные родители уйдут из хаты. В Витебской губернии человек, посетивший покойника или встретивший похоронную процессию, по возвращении домой дотрагивался до горшка или печи, чтобы смерть касалась их, а не людей.

Наиболее архаические черты имеет использование горшков в похоронных обрядах, для которых характерно переворачивание и битье посуды. В погребениях дреговичей и других восточнославянских племен встречают горшки, поставленные у ног умершего, в отдельных случаях — у его головы; около трети дреговичских трупосожжений помещены в горшки или на-

крыты ими. Согласно «Повести временных лет», радимичи, вятичи и северяне сжигали своих мертвецов «и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех».

Как отголоски древнего восточнославянского похоронного обряда можно рассматривать такие действия, как помещение в гроб сосуда с пищей, битье горшков при выносе покойника из дома и в других ситуациях, оставление на могиле перевернутого горшка. В Киевской губернии в гроб с покойником клали хлеб, горшок с кашей и графин с водкой. В других местах на Украине в гроб ребенку ставили кувшин с молоком, а взрослым — горшок с водой.

В России горшок, из которого обмывали покойника, как и другие связанные с ним предметы — мыло, гребень, солому, — относили на перекресток, на рубеж с другим селением, на чужое поле, закапывали во дворе, в доме, бросали в реку, вешали на высокий кол изгороди. Во Владимирской губернии для обмывания умершего использовали новый горшок, а если хоронили «озорного мужика», то «молостов» — горшок, обвитый берестой. Если умирал хозяин, то горшок, из которого его обмывали, закапывали под красный угол, чтобы не переводился домовой; если второстепенное лицо — то относили на рубеж поля, «чтобы покойник не являлся и не стращал».

В Полесье широко распространено поверье о том, что в наказание за воровство горшков человек осужден на том свете носить горшки или черепки — в руках, на боку или в зубах; тому, кто крадет посуду, в ином мире закроют глаза черепком или ему придется пролезть сквозь горшок.

Соотнесенностью горшков с идеей смерти, возможно, обусловлена и их связь с темой сна и бессонницы. По украинским, чешским и моравским поверьям, если оставить ложки в горшке или миске, то ночью трудно будет заснуть. Чтобы хорошо спалось, советовали перевернуть горшки на стол или на полку.

Архаический характер имеет и закапывание горшков. По сведениям так называемого «Каталога магии Рудольфа» (середина XIII века), в новых домах закапывали в разных углах дома, в том числе и за печью, горшки, наполненные разными предметами в честь домашних богов.

В поверьях горшки и другие сосуды связаны с атмосферными осадками и небесными светилами. У украинцев, русских и поляков ведьмам приписывается способность красть с неба месяц, звезды, а также росу и дождь и прятать их в горшках или кувшинах. В Курской губернии затмения объясняли тем, что ведьмы снимают солнце, луну и звезды и прячут их в кувшины.

Горшок, кувшин и другие сосуды активно использовались в народной медицине, в магических обрядах и гаданиях. У белорусов, украинцев, поляков и моравов сажали летучую мышь в просверленный новый горшок и закапывали его в муравейник; косточки ее скелета впоследствии использовали в любовной магии.

У русских и белорусов при переходе жить в новый дом использовали горшок для того, чтобы перевезти домового на новое место. Русские переносили в горшке жар из старого дома, приглашая «дедушку» домового в новую избу; там высыпали угли в печь, а сам горшок разбивали и ночью закапывали черепки под передний угол.

Дежа, квашня — деревянная кадка для заквашивания теста. В культуре восточных и западных славян наделена богатой символикой и используется в разнообразных обрядах (в частности, в свадебном).

Подход теста зависит от состояния дежи в такой же мере, как от усердия хозяйки. В Польше говорили, что дежа имеет свои «пристрастия и обычаи»: она приучена стоять в тепле, не любит шума, ее нельзя ударить или поставить на землю. В Витебской губернии дежу с тестом ставили на одетную подстилку — шубу, армяк или балахон. Причем, если под дежой была женская одежда, то сверху на нее клали мужскую, и наоборот.

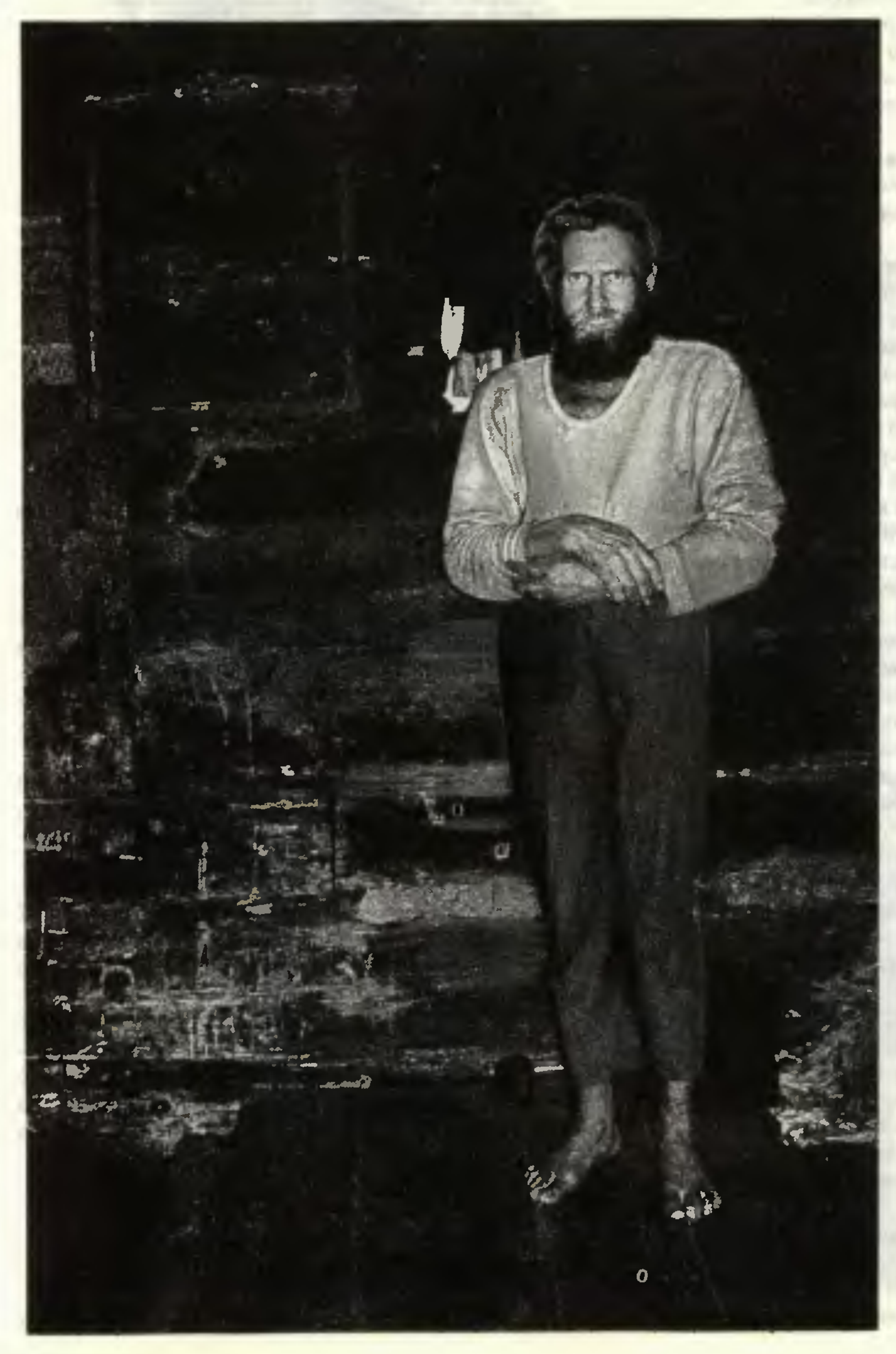
Во многих местах на Украине и в Белоруссии дежу ставили на столе или на лавке под образами — в самом почетном месте дома.

В Восточном Полесье, а также в Гродненской, Могилевской и Курской областях существовал ежегодный обряд очищения дежи, приуроченный обычно к Чистому Четвергу. Дежу мыли, иногда натирали солью, чесноком, луком, подкуривали воском и хмелем, чтобы она весь год была чистой и в ней удавался хлеб. Потом накрывали крышкой или переворачивали и как бы «наряжали»: подвязывали красным женским поясом, реже — полотенцем или хмелем, застилали скатертью, сложенной вдвое или вчетверо, сверху клали хлеб и соль. После этого дежу выносили из дома и ставили во дворе, иногда на боковом столбе ворот или на заборе — с той стороны, где восходит солнце. Через некоторое время после восхода дежу забирали домой. Реже ее оставляли с вечера на столе, где она и стояла до утра. Ритуал называли: дежа «говеет», «исповедуется», «идет на отдых», «торгует», «идет на базар». В Гомельской области рассказывали, что мытые дежи будут собираться вместе и хвастаться друг перед другом, какая из них чище. По словам одного деда, он видел, как дежи шли на исповедь; одна из них, несмотря на праздник, была с тестом, она стонала от тяжести и ругала свою хозяйку.

Дежа играет наиболее значительную роль в двух эпизодах свадебного обряда: изготовление каравая и так называемый посад — сажание невесты на сакральное место (дежа, лавка в красном углу, бочонок с рожью и т. д.), где ей меняли девичью прическу (и головной убор) на женскую. В Полесье на дежу не только сажали, но и вставали, причем считалось, что это может сделать только «честная» (девственная) невеста. Согласно поверью, если «нечестная» невеста наступит на дежу, то семь лет не будет родить хлеб, вестись скот, не будут жить дети у молодых.

При переходе в новый дом русские, украинцы и белорусы несли с собой дежу с тестом, замешенным в старом доме.

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

ЮРОДИВЫЙ

Юродивый Владимир. Он живет в доме-развалюшке, недалеко от монастыря. Черные прокопченные стены и провалившийся пол. Десять лет назад случившийся пожар выжег все дотла. Хозяйство небогатое, но юродивому больше и не надо. Самая главная драгоценность в доме — старая рама из-под иконы, подобранная у стен обители. Еще есть ведро с подрастающими рыбьими мальками и старая кошка, два кирзовых сапога и два драных одеяла, котелок для чая и две яблони с кислющими яблоками. И больше ничего. Занятия Владимира тоже нехитрые... Кормить приходящих из леса волка с лисичкой и собаку приблудную. В прошлом же году Владимир собирал грибы и относил их в монастырь. В последнее время у него появилась неприятность. Стал приходить по ночам бывший хозяин этого полусгоревшего дома. Грозится и гонит Владимира прочь из хаты. А скоро зима... Куда деваться? От соседей я узнал, что бывший хозяин дома иеромонах Досифей утонул десять лет назад, упав с парома...

КОЛДОВКА

«... А раньше усё лечили! Усё! Колдун старый бабу, сшедшую с ума, в бане парил... И что думаешь? Пришла в себя! А то ишо колдовка была... Узнаешь, чем лечила, обкатаешься... На пороге дома ее стоит больной, а она его по серёдке печной заслонкой колотит! А в Езерищах баба жила... Дюже водку любила... И во как делала... Свадьба гуляется, а она сотворит так, что кони со двора не идуть. И стоят, пока ей водки не поднесуть! Сколько-то узлов на соломе делала... Усё просто! И водку с того имела!»

Фото автора

СЕРГЕЙ ЖИРКЕВИЧ

ЮРИЙ БИРЮКОВ

«ВРАГУ НЕ СДАЕТСЯ НАШ ГОРДЫЙ «ВАРЯГ»...

У меня сохранилось письмо бывшего замполита капитана 3-го ранга В. С. Зайцева из г. Николаева.

«Еще в 50-х годах, когда я служил на флоте, — писал он, — мы пытались выяснить историю песни «Варяг». Помню даже, как один из матросов, довольно начитанный, утверждал, что песню о «Варяге» сочинила в 1904 году одна русская поэтесса.

Пусть извинит меня наш прекрасный пол, но чтобы такую песню, где каждое слово проникнуто геройским духом и великой мужской доблестью, сочинила женщина?! Такое просто не укладывается в голове. В это поверить невозможно.

Позднее другой товарищ уверял, что слова эти написаны немецким поэтом. Почему же тогда во всех известных мне песенниках сказано, что слова и музыка «Варяга» «народные»?

Думаю, что судьба этой песни будет интересна не только В. Зайцеву, но и многим читателям журнала.

«Есть дела и подвиги, — писал Новиков-Прибой, — которые сразу восхищают и взрывают народное сердце, исторгая из него горячую задушевную песню. К таким подвигам принадлежит сражение наших моряков в корейском порту Чемульпо 9 февраля 1904 года. Там, в неравном бою, геройски сражаясь, погибли два русских военных корабля: новый быстроходный крейсер «Варяг» и старая тихоходная канонерка «Кореец». Их гибель была большой победой русского духа.

Дело было так. Оба корабля стояли в нейтральном порту, не подозревая о начале военных действий. Неожиданно подошедшая японская эскадра потребовала сдачи наших кораблей или выхода их в море. Враг был сильнее во много раз, поэтому выходить из порта значило идти на верную гибель. Они могли бы оставаться в порту. Здесь, среди иностранных кораблей, враг не посмел бы напасть на них. Но наши герои не привыкли прятаться за других — они вышли и вступили в бой. Ливнем огня встретил их враг. Но они не дрогнули. Они поставили себе задачей прорваться сквозь вражеское кольцо и уйти. «Варяг» — быстроходный крейсер, мог бы один выполнить эту задачу, но... рядом с ним шел старый «Кореец», развивавший небольшой ход. И «Варяг» грудью защищал его до последней возможности... Чтобы не достаться врагам, «Кореец» взорвался, а «Варяг» открыл кингстоны и затонул.

Народ своим верным чутьем быстро оценил эту нравственную победу. Буквально через несколько дней он сложил и запел песню о замечательном подвиге...»

Писатель лаконично отразил суть событий, связанных с историей подвига русских моряков, но я никак не могу согласиться с ним в том, что песня об этом подвиге столь быстро была сложена и так скоро распевалась в народе.

Начну с того, что песен, посвященных «Варягу», сочинялось в те времена немало. Первым было опубликовано произведение композитора и музыкального критика, специалиста в области фортификации, инженер-

Auf Deck, Kam[illegible]aden, all' auf Deck!	Наверхъ, о товарищи, всѣ по мѣстамъ!
Heraus zur letzten Parade!	Послѣдній парадъ наступаетъ!
Der stolze «Warjag» ergibt sich nicht,	Врагу не сдается нашъ гордый «Варягъ»,
Wir brau[illegible]en kein[illegible] Gnade!	П[illegible]щады никто не желаетъ!
An den Masten die bunten Wimpel empor,	Всѣ вымпелы вьются и цѣпи гремятъ,
Die kli[illegible]enden Anker gelichtet,	Наверхъ якоря поднимая,
In stürmischer Eil' zum Gefechte klar	Готовятся къ бою орудій ряды,
Die blanken Geschütze [illegible]!	На солнцѣ зл[illegible]вѣще сверкая.
Aus dem sichern Hafen hinaus in die See,	Изъ пристани вѣрной мы въ битву идемъ,
Fürs Vaterland zu sterben —	Навстрѣчу грозящей намъ смерти,
Dort lau[illegible] die gelben Teufel auf uns	За родину въ морѣ открытомъ умремъ,
Und speien Tod und Verderben!	Гдѣ ждутъ желтолицые черти!
Es dröhnt und kracht und donnert und zischt,	Свиститъ и гремитъ и грохочетъ кругомъ,
Da trifft es uns zur Stelle,	Громъ пушекъ, шипѣнье снаряда,—
Es ward der «Warjag», das treue Schiff,	И сталъ нашъ безстрашный, нашъ вѣрный
Zu einer brennenden Hölle!	Подобьемъ кромѣшнаго ада! [«Варягъ»
Rings [illegible] Leiber und grauser Tod,	Въ предсмертныхъ мученьяхъ трепещутъ
Ein Aechzen, Röcheln und Stöhnen —	Вокругъ грохотъ и дымъ и стенанья, [тѣла,
Die Flammen flattern um unser Schiff	И судно охвачено моремъ огня,—
Wie feuriger Rosse Mähnen!	Настала минута прощанья.
Lebt wohl, Kameraden, lebt wohl, hurra!	Прощайте, товарищи! Съ Богомъ, ура!
Hinab in die gurgelnde Tiefe!	Въ кипящее море подъ нами!
Wer hätte es gestern noch gedacht,	Не думали мы еще съ вами вчера,
Dass er heut' schon da drunten schliefe!	Что нынче уснемъ подъ волнами!
Kein Zeichen, kein Kreuz wird, wo wir ruh'n	Не скажутъ ни камень, ни крестъ, гдѣ легли
Fern von der Heimat, melden —	Во славу мы русскаго флага,
Doch das Meer das rauschet auf ewig von uns,	Лишь волны морскія прославятъ во вѣкъ
Vom «Warjag» und seinen Helden!	Геройскую гибель «Варяга»!
Rudolf Greinz	Е. М. Студенская.

[1]) Въ «Jugend» напечатано прекрасное стихотвореніе Рудольфа Грейнца, посвященное славной памяти нашего крейсера «Варяга», геройски погибшаго въ бою при Чемульпо съ японской эскадрой. Приводимъ это стихотвореніе въ подлинникѣ и въ русской передачѣ его стихами. Ред.

Страница журнала «Югенд» с публикацией стихотворения Р. Грейнца и его русского перевода.

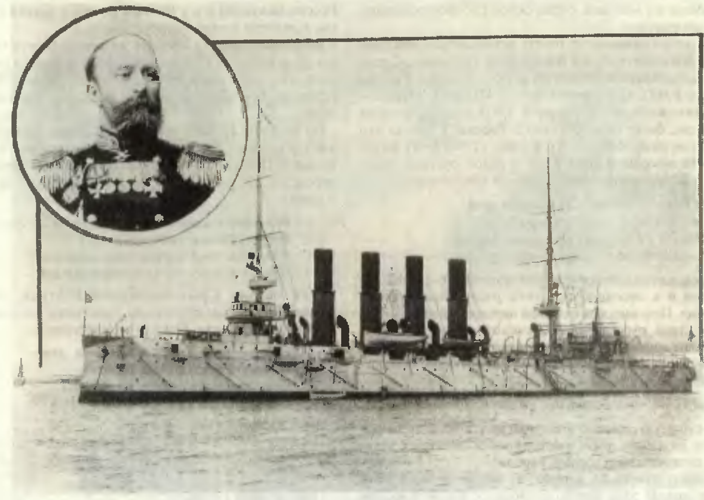
генерала Ц. А. Кюи (одного из представителей «Могучей кучки») — «Варяг» идет свершить свой подвиг славный». Популярный в то время тенор Орешкевич напел его на грампластинку. Вслед за тем были опубликованы и другие произведения на эту тему — «Геройский подвиг» А. Таскина, «Марш — «Варяг» А. Рейдермана и другие.

И все-таки не им была уготована долгая жизнь и заслуженная популярность в народе, а двум песням, которые поначалу появились как стихотворные отклики на событие.

Первый из них — «Плещут холодные волны» — поместила на своих страницах петербургская газета «Русь» 17 февраля 1904 года. Под стихотворением, состоявшим из десяти строф, стояла подпись: Я. Репнинский. Автор его (биографические данные которого так и не удалось установить), опираясь на скупые сведения, опубликованные к тому времени в печати, воспроизвел в стихотворении основные детали неравного боя «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой. При этом он удивительно органично ввел в ткань повествования яркий, запоминающийся образ встревоженно мечущихся белых морских чаек.

Чайки! Снесите отчизне русских героев привет...
Миру всему передайте, чайки, печальную весть:
В битве врагу мы не сдались — пали за русскую честь!..

Думается, на пронзительно эмоциональном всплеске

Крейсер «Варяг» и его командир — капитан I ранга Руднев.

Матросы крейсера «Варяг». Санкт-Петербург (1904 г.).

именно этих поэтических строк и родилась в народе созвучная им мелодия, очень скоро распространившаяся повсеместно.

Писатели, музыканты, поэты разных стран взволнованно откликнулись на трагический поединок. Среди них был немецкий драматург и поэт Рудольф Грейнц (1866—1942). Его стихотворение «Памяти «Варяга», опубликованное 25 февраля 1904 года журналом «Югенд», было перепечатано в России. Сначала это сделал журнал «Море и его жизнь» (1904. № 3), опубликовав немецкий подлинник и рядом русский перевод Н. К. Мельникова. Начиналось оно словами:

На палубу, воины! Спешите скорей!
К последнему мчитесь параду!
«Варяг» не сдается на волнах морей
И милость не примет в награду...

Перевод этот в поэтическом отношении был малоинтересен и в песенной практике распространения не получил. Поэтической основой народной песни о «Варяге» стала русская версия стихотворения Грейнца, принадлежащая перу Е. Студенской, опубликованная «Новым журналом иностранной литературы, искусства и науки» (1904, № 4).

Наверх вы, товарищи! Все по местам!..

По существу, именно эти стихи почти без изменений дошли до наших дней, настолько они оказались удачны и созвучны настроению народа.

Точного ответа на вопрос об авторе музыки этой песни нет. В ряде дореволюционных изданий им назван И. Н. Яковлев, в других — И. М. Корносевич. Существует также версия, что мелодия ее принадлежит музыканту 12-го гренадерского Астраханского полка А. С. Турищеву, принимавшему участие в торжественной встрече героев «Варяга» в Москве.

К сожалению, документальных свидетельств авторства музыки «Варяга» до сих пор так и не найдено. Скорее всего, напев этот «соткан» из мелодий нескольких русских песен. Таких, как «Раскинулось море широко» или старинная революционная песня «Слушай!». Имеется у него некоторое мелодическое сходство и с песенной фразой «Порой изнывали мы в тюрьмах сырых» из похоронного марша «Вы жертвою пали», и со старинной солдатской песней «Ах, не вейтесь вы, черные кудри», которая, в свою очередь, ведет свою историю от еще более старинной песни «Братцы, грудью послужите».

Елена Михайловна Студенская была женой профессора Петербургского университета Брауна, ученого-германиста. В Ленинской библиотеке имеется сборник переводов Студенской, а также ее очерк в «Историческом вестнике» за 1903 год. Возможно, она имела отношение к семье приват-доцента Военно-медицинской академии А. А. Студенского. Других сведений об этой, вне всякого сомнения, талантливой поэтессе и переводчице, умершей около 1906 года, нигде пока обнаружить не удалось.

Время досказало историю легендарного корабля-символа. После русско-японской войны 1904—1905 годов «Варяг» был поднят японцами со дна моря, отремонтирован и переименован в «Сойя». Но в 1916 году Россия выкупила его у Японии вместе с другими судами. Крейсеру возвратили русское имя.

Революция застала «Варяг» на пути к берегам родины. В октябре 1917 года на корабле взвился красный флаг. А спустя год крейсер погиб вторично. Он был потоплен немецкой подводной лодкой в Ирландском море.

Но песня о подвиге экипажа «Варяга» продолжала жить в народе. Особенно широко звучала она в годы Великой Отечественной войны. Не счесть вариантов и переделок «Варяга», распевавшихся в ту пору на море и суше.

Балтийцы, вперед — на заклятых врагов!
Вперед, боевые ребята!
Покажем, что значит удар моряков,
Покажем, что мы из Кронштадта! —

пели моряки Краснознаменной Балтики, оборонявшие Ленинград; вторили им защитники легендарной Брестской крепости, Одессы и Севастополя.

Над родиной, песня, как птица, лети
И гордо скажи нашим людям:
Пока мы живые, врагу не пройти,
Умрем, но победу добудем! —

гремело в партизанских лесах.

Песня о «Варяге» живет и поныне, потому что она о нас, о готовности наших людей к подвигу.

Напоминаем слова:

Наверх вы, товарищи! Все по местам!
Последний парад наступает,
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Все вымпелы вьются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают.
Готовые к бою, орудья стоят,
На солнце зловеще сверкают.

Свистит, и гремит, и грохочет кругом:
Гром пушек, шипенье снарядов,
И стал наш бесстрашный и гордый «Варяг»
Подобен кромешному аду.

В предсмертных мученьях трепещут тела,
И грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня, —
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! С богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами.

Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят в веках
Геройскую гибель «Варяга».

Бой «Варяга» и «Корейца» под Чемульпо.

Русско-японская война 1904—1905 гг.
Великий князь Борис Владимирович с офицерами 4-го Сибирского казачьего полка.

«БЕЛОЙ АКАЦИИ ГРОЗДЬЯ ДУШИСТЫЕ...»

Первая по времени появления в печати публикация «Белой акации», которую мне удалось отыскать, относится к лету 1903 года. Это клавир романса с вокальными партиями для тенора и сопрано, изданный в Петербурге нотопечатней В. Бесселя и К° в серии «Цыганские песни Н. П. Люценко».

Вот какими были слова той песни:

Белой акации грозди душистые
Вновь аромата полны.
Вновь разливается песнь соловьиная
В тихом сиянье луны.

Помнишь ли лето:
под белой акацией
слушали песнь соловья?..
Тихо шептала мне —
чудная, светлая:
«Милый, навеки твоя!»

Годы давно прошли,
страсти остыли,
Молодость жизни прошла.
Но белой акации запаха нежного
Мне не забыть никогда!

Сейчас трудно судить, было ли это оригинальное сочинение или композитор аранжировал напев, услышанный им от цыган, как оговорено в публикации. Возможно, точно так же поступил он и со стихотворным текстом, автор которого не назван. А может быть, это как раз тот случай, когда за цыганскую песню выдается собственный опус?

Как бы там ни было, но именно «Белой акации», единственной из семи цыганских песен, опубликованных в упомянутой серии, суждено было обрести популярность.

Непритязательные слова и напевная, легко запоминающаяся мелодия способствовали широкому распространению романса в музыкальной среде. А граммофонные пластинки с записями «Белой акации» в исполнении В. Паниной, С. Сергеевой, М. Эмской, братьев Садовниковых и других популярных в те годы певцов довольно быстро разнесли ее по всем уголкам России.

Популярность романса в народе оказалась столь велика, что его мелодия легла в основу солдатской песни, начинавшейся словами:

Слушайте, деды, война началася,
Бросай свое дело, в поход собирайся.
Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И, как один, прольем
Кровь молодую...

Не берусь утверждать, когда именно это случилось — в годы русско-японской войны или, может быть, первой мировой. Но в годы гражданской боевой напев этой песни сложился окончательно, а текст ее с несколько иными словами пели по разные стороны баррикад — каждый на свой лад. Наряду с этим продолжалась и жизнь популярного романса.

Факт этот очень точно и тонко был подмечен и обыгран в телевизионном сериале по пьесе М. Булгакова «Дни Турбиных», поставленном режиссером Владимиром Басовым.

Вот что рассказывал о работе над этой картиной поэт Михаил Матусовский:

— Приступая к съемке «Дней Турбиных», Владимир Павлович вспомнил, что в те давние времена, когда происходит действие пьесы Булгакова, в моде был романс «Белой акации гроздья душистые», мелодия которого позднее изменилась почти до неузнаваемости, приобрела маршевый характер и легла в основу известной революционной песни «Смело мы в бой пойдем».

Режиссер захотел, чтобы темы этих двух песен прозвучали в картине как отзвук, эхо, отдаленное воспоминание тех лет, и поставил такую задачу передо мною и композитором Вениамином Баснером, писавшим музыку к ней. Так появились в фильме две песни.

Маршевая песня о бронепоезде «Пролетарий» за пределы фильма не вышла и широкого звучания, как говорится, не обрела, чего не скажешь о «Романсе», как назвали поэт и композитор песню-реминисценцию с «Белой акацией», в которой столь удачно воспользовались ее ключевой строкой.

Тысячу раз прав был замечательный наш певец Иван Семенович Козловский, заметивший как-то, что представленный в русских романсах поэтический и музыкальный материал дорог и ценен не только людям старшего поколения, но может сослужить добрую службу нынешним молодым людям и поколению грядущему. Так случилось и с романсом из «Дней Турбиных» и его давним предшественником.

Напоминаем слова:
(из телефильма «Дни Турбиных»):

Целую ночь соловей нам насвистывал,
город молчал, и молчали дома.
Белой акации гроздья душистые
ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
в темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!

Годы промчались, седыми нас делая.
Где чистота этих веток живых?
Только зима да метель эта белая
напоминают сегодня о них.

В час, когда ветер бушует неистово,
с новою силою чувствую я:
белой акации гроздья душистые
невозвратимы, как юность моя.

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

«Серебряный век» Мирона Шерлинга

Ф. Шаляпин в роли Дон Кихота.

Случилось так, что из обширного списка известных русских фотографов совершенно незаслуженно выпало имя мастера, чьи работы являются бесспорным украшением портретной галереи деятелей отечественной культуры.

Мирон Шерлинг прожил большую жизнь и немало сделал в искусстве, причем не только в светописи (он был еще и дипломированным художником-графиком), но все-таки самым заметным в его творчестве является серия фотопортретов, сделанная им в Петрограде в канун революции. К сожалению, многое из его наследия не сохранилось в оригиналах — иные снимки погибли, иные увезены за границу, но остались публикации в журналах дореволюционной поры, отдельные работы в коллекциях музеев...

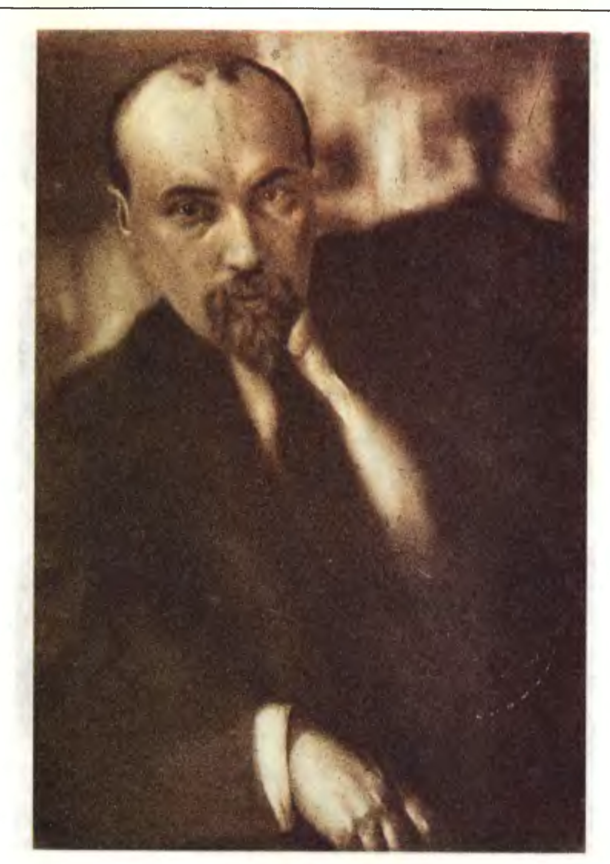
В фотографию Шерлинг пришел десятилетним под-

И. Репин.

ростком. Он быстро овладевает азами профессии и вскоре становится лаборантом у виленских фотографов, начинает самостоятельно снимать. Однако он быстро преодолевает уровень провинциальной фотографии и понимает, что надо еще учиться. С этой целью едет в Петербург, где показывает свои работы в различных столичных ателье. Модное среди аристократических кругов столицы заведение Буассона и Эглера приглашает его на работу. Три года он трудится в одном из лучших фотосалонов Петербурга, снова проходит путь от лаборанта до мастера, которому поручаются ответственные съемки.

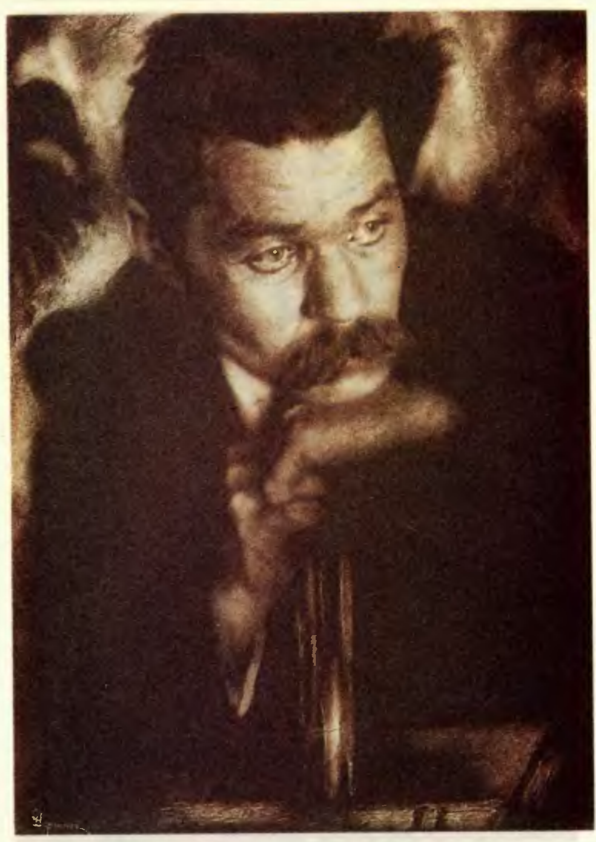
Юноша-фотограф мечтает достичь совершенства в своем деле, жадно следит за европейской фотографической периодикой, выписывает альманахи. Знакомство с мировым фотоискусством побуждает его поменять хорошо оплачиваемую работу на студенческое безденежье. Шерлинг поступает в известный в те годы Мюнхенский институт графических искусств, где было очень сильное фотографическое отделение. Ради достижения поставленной цели молодой художник терпит и полуголодное существование, и отнюдь не комфортабельные условия жизни «углового жильца».

Н. Рерих.

Его талант и настойчивость не остаются незамеченными — о его работах начинают говорить, его постоянно ставят в пример, в результате он заканчивает институт с отличием. Специализированный журнал «Фотографише кюнст» публикует большую статью о его творчестве; его снимки попадают в американский ежегодник.

В 1913 году Шерлинг возвращается в Петербург и получает приглашение заведовать отделом художественной репродукции журнала «Солнце России». С этого времени и начинается «серебряный век» мастера. По заданию журнала, освещавшего культурную жизнь страны, он делает огромное количество портретов деятелей русского искусства: артистов, художников, музыкантов. Его снимки, опубликованные на страницах журналов, сразу привлекают внимание не только широкой отечественной публики, но и иностранцев, понимающих толк в светописи. Солидное французс-

М. Горький.

кое издательство приглашает его в Париж, заказывает 25 портретов виднейших деятелей науки и культуры.

Но подлинные шедевры портретной светописи Мирон Шерлинг создает в России. Замечательная серия портретов И. Репина, сделанная к семидесятилетнему юбилею великого русского живописца, портреты М. Горького, Л. Андреева, А. Куприна и бесконечное количество фотоизображений Федора Ивановича Шаляпина на сцене и в жизни... В петербургской квартире певца, в его кабинете на самом видном месте висел любимый снимок Федора Ивановича «Шаляпин в роли Дон-Кихота», сделанный молодым фотомастером. Шерлинг по просьбе Шаляпина много снимал для написанной великим певцом книги «Страницы моей жизни», но события 1917 года не позволили до конца осуществиться задуманному. Биографические заметки Шаляпина были опубликованы в журнале «Летопись», не печатавшем снимки, а фотографии Шерлинга позднее были выпущены отдельной подборкой издательством «Светозар».

Мирон Шерлинг был ярчайшим представителем

В. Качалов.

отечественной пикториальной фотографии, основным принципом которой было разрушение натуралистического по своей природе фотоизображения. В своих работах он пытался создать иллюзию живописности, намеренно трансформируя документальность воспроизведенного объективом. Он много экспериментировал при съемке, применяя различные эффекты освещения, используя лоскуты цветной бумаги, разрушающие монотонность фона, но при всех формальных поисках он никогда не забывал, что перед ним человек, с его индивидуальностью, неповторимым характером.

Будучи уже признанным мастером, Шерлинг в 1918 году вновь садится за студенческую скамью, на этот раз в Академии художеств, и через несколько лет блестяще заканчивает ее в мастерской Натана Альтмана. Много и плодотворно работает художник и фотограф М. Шерлинг в советское время — снимает, оформляет книги и выставки. Но все-таки вершиной его творчества, на мой взгляд, нужно признать замечательные портреты, сделанные до революции.

Художница В. Ходасевич.

Отделы редакции:

древней истории	(202-47-98) — Ю. А. Борисёнок,	публицистики	(202-09-98) — П. И. Спивак,
военной истории	(202-74-45) — Д. И. Олейников,	иллюстраций	(202-01-25) — Л. С. Ковалев,
истории культуры	(202-74-45) — И. Е. Мазилкина,	распространение	(202-34-39),
новейшей истории	(202-24-36) — Т. О. Максимова,	реклама	(202-17-45).

Сдано в набор 19.02.94. Подписано к печати 16.05.94. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 90000 экз. Заказ № 1548   Цена в розницу — договорная, по подписке 500 руб.

Адрес редакции: 103009, Москва, ул. Воздвиженка, д. 4/7.

Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.